

В этом "треугольнике" корневая морфема шэ 'вести' последней /шестой/ словоформы осложнена десятью аффиксальными элементами — пятью префиксами и пятью суффиксами. Но бывают и более растянутые цепочки морфем в парадигме слова. Последнюю цепочку можно расширить, включив в парадигму еще несколько аффиксальных морфем: у-а-кы́н-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-кы́м-и 'я не смог же тогда заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними'. Эта парадигма в пределах одного слова состоит из пятнадцати значимых элементов /восемь префиксов + корневая морфема + шесть суффиксов/: у- префикс прямого объекта 2-го лица ед.ч., а- префикс косвенного объекта 3-го лица мн.ч., кы́н- направительный префикс 'скуда', ды- префикс союзности действия, д- локальный префикс, е- префикс объекта 3-го л.ед.ч., з- префикс субъекта 1-го лица ед.ч. гъэ- каузативный префикс, шы- морфема глагола шэ-н 'вести', -жы возвратный суффикс, -ф суффикс возможности действия, -а суффикс прош. времени, -тэ суффикс 'тогда', -кы́м отрицательный суффикс, -и суффикс с модальным значением.

Высокая степень синтеза в глаголе создается тем, что морфологически выражаются не только категории лица, числа, времени и наклонения, но и отрицание, утверждение, вопрос, каузатив, совместность действия, локализация, направительные отношения и др.

Строение глагола, его основные словообразовательные и словоизменительные категории, их взаимоотношения, иерархия и аранжировка многочисленных основообразующих элементов, дистрибуция личных аффиксов в разных типах основ, их зависимость от других категориальных форм, в том числе переходности-непереходности глагола, и др. восходят к эпохе общеадыгского языкового единства. Более того, важнейшие материальные элементы /аффиксы лица, каузатива, отрицания и ряд других формантов, служащих для выражения форм словообразования и словоизменения /хронологически возводимы к западнокавказскому уровню.

Важно подчеркнуть, что генетически общие материальные черты, объединяющие адыгский глагол с глаголом других за-

паднаокавказских языков, неотделимы от структурно-типологических общностей, восходящих также к западнокавказскому состоянию. Как увидим, структурные иерархические особенности, уходящие своими корнями в эпоху праязыкового единства западнокавказских языков, оказались чрезвычайно устойчивыми во всей группе языков, что свидетельствует о тесной взаимосвязи генетических и типологических признаков глагола. В этом отношении глагол отличается от других классов слов, сохраняя целый ряд праязыковых структурно-типологических и генетических черт, объединяющих все современные западнокавказские языки. Во всяком случае, с точки зрения удельного веса структурно-типологических признаков, возводимых к западнокавказскому состоянию, глагол не имеет аналога среди других частей речи. Это касается прежде всего распределения словообразовательных и словоизменительных морфов, в том числе субъективно-объектных показателей.

Основные структурные типы глагольной основы совпадают в абхазско-адыгских языках, хотя различия между двумя основными их подгруппами — адыгейско-кабардинской и абхазско-абазинской — настолько значительны, что до сих пор не удалось установить всех последовательных звукосоответствий этих языков. В то же время в абхазско-адыгских языках выявляется настолько много общего в порядке расположения глагольных деривационных морфем, что, зная аранжировку значимых элементов основы в адыгских языках, можно построить модели многоморфемной глагольной основы в абхазском или абазинском. Так, если задан тип основы, включающей корневую морфему /К/ и морфемы, выражающие побудительность /П/, конкретную локализацию /Л/, совместное действие /С/, то во всей группе языков значимые элементы основы распределяются следующим образом: С — Л — П — К.

Основные модели распределения субъектно-объектных, деривационных префиксальных и корневой морфем не могут быть объяснены как результат параллельного развития западнокавказских языков, а должны быть приписаны их праязыковому состоянию.

1.2. Типы общеадыгских глагольных основ

В адыгских языках существуют разные типы глагольных основ: 1/ простые /морфологически нечленимые/: адыг., каб. хьы-/н/ 'нести', ды-/н/ 'шить', к1уэ-/н/ 'идти', шхы-/н/ 'есть, кушать', шы-/н/ 'делать', адыг. чъэ-/н/ → каб. жэ-/н/ 'бежать'; 2/ производные /морфологически членимые/: адыг. каб. дэ-хьы-н 'нести вместе', к1уэ-тэ-/н/ 'продвинуться', хэ-дэ-/н/ 'вшить, вшивать', те-ш1э-/н/ 'делать над чем-либо', адыг. гъэ-чъэ-/н/ → каб. гъэ-жэ-/н/ 'заставить бежать'; 3/ свободные /морфологически независимые/: адыг., каб. бэнэ-/н/ 'бороться', адыг. лъфэ-/н/ → каб. лъхуэ-/н/ 'рожать', адыг. гуыш1уэ-н, каб. гуыф1э-/н/ 'радоваться', адыг., каб. тхэ-/н/ 'писать'; 4/ несвободные /морфологически зависимые, т.е. связанные с другими морфемами/: адыг. шы-ты-/н/ → каб. шы-ты-/н/ 'стоять' /основа ты-/, адыг., каб. 1ы-гъы-/н/ ← ^хкы1ы-гъы-/н/ 'держать' /основа гъы-/, адыг. ч1э-лпы-/н/ → каб. ш1э-лпы-/н/ 'лежать внутри чего-то', адыг., каб. йы-ч1ы-/н/ 'выходить', каб. йы-хъэ-/н/ адыг. йы-хъа-/н/ 'входить'; 5/ прерывистые /в состав которых включаются другие самостоятельные основы/: адыг., каб. дэ-п1ы-ч1ы-/н/ 'выглядывать откуда-либо' /основа дэ... п1ы-/, каб. дэ-п1ы-хъы-/н/ → адыг. дэ-п1ы-хъа-/н/ 'заглядывать куда-либо' /основа дэ... хъэ-/; 6/ нейтральные /включаемые в парадигму имени и глагола без специальных словообразовательных аффиксов/: адыг., каб. джэгү 'игра', мэ-джэгү 'он играет', гуыгъэ 'надежда', гуыгъэ-/н/ 'надеяться'.

Все указанные типы глагольных основ сложились в эпоху общеадыгского языкового единства, о чем свидетельствует их наличие во всех современных адыгских диалектах.

Хотя основные структурные типы глагольных основ /в том числе вышеприведенные/ восходят к праязыковому состоянию, некоторые общеадыгские модели претерпели определенные семантические изменения, обусловившие их преобразование в другие модели.

Сюда прежде всего относятся старые прерывистые основы, включающие семантически оппозитивные общеадыгские корни -хьэ 'входить', -ч1ы 'выходить'. Как увидим ниже, общеадыгские модели типа 'преверб + основа + хьэ', 'преверб + основа + ч1э', образованные путем включения самостоятельных простых и производных основ в состав прерывистых основ типа 'преверб + хьэ', 'преверб + ч1э', проявляют тенденцию к семантической и морфологической трансформации.

1.3. Классы однопорядковых деривационных аффиксов

Префиксация. Префиксы глагольного основообразования адыгских языков составляют семь порядков, из которых каждый имеет строго фиксированное место в последовательности морфем.

П о р я д о к 1 состоит из общеадыгских префиксов фактитива уы-, гьэ-, которые производят глагольные основы от именных основ. Префиксы порядка 1 всегда стоят непосредственно перед производящей основой. Например: адыг., каб. уы-шъэбы-н 'толочь, истолочь', адыг. гьэ-фэбэ-н, каб. гьэ-хуэбэ-н 'нагреть, нагревать'.

П о р я д о к 2 представлен общеадыгским префиксом каузатива гьэ-, который стоит перед префиксами порядка 1 или непосредственно перед производящей основой, когда отсутствуют префиксы первого порядка. Например: каб. йэ-гьэ-уы-шъэ-бы-н 'заставить толочь, истолочь', йэ-гьэ-гьэ-хуэ-бэ-н 'заставить подогревать', гьэ-к1уэ-н 'заставить идти'. Как видим, возможна модель типа 'каузативный префикс + свободная корневая морфема'. С несвободными /связанными/ корневыми морфемами каузативный префикс может сочетаться лишь в окружении с локальным превербом, инкорпорируясь в основу типа 'локальный преверб + несвободная основа'.

П о р я д о к 3 состоит из префиксов, находящихся перед морфемами порядка 1 и порядка 2, а при отсутствии последних — непосредственно перед производящей основой. К порядку 3 относится самая многочисленная группа основообразующих префиксов — локальные превербы. Ср. адыг., каб.

йы-гъэ-хъэ-н 'внутри /йы-/ заставить /гъэ-/ идти /хъэ-н/'; 'заставить войти', йы-хъэ-н 'войти', йы-гъэ-ты-н 'заставить находиться внутри', йы-ты-н 'находиться внутри', блэ-гъэ-ч1ы-н 'заставить пройти мимо', блэ-ч1ы-н 'пройти мимо'.

П о р я д о к 4 включает префиксы, которые могут стоять перед морфемами предшествующих порядков или при отсутствии последних — непосредственно перед свободной основой. Сюда относятся префиксы союзности, взаимности и совместности действия. Ср. адыг., каб. дэ-гъэ-к1уэ-н 'вместе с кем-чем-либо /дэ-/ заставить /гъэ-/ идти /к1уэ-н/', дэ-к1уэ-н 'вместе с кем-чем-либо идти'. Префиксы порядка 4 сочетаются с несвободными корневыми морфемами не непосредственно, а лишь в окружении с локальными превербами. Ср. адыг., каб. ды-хэ-гъэ-ты-н 'заставить находиться внутри вместе с кем-чем-либо', ды-хэ-ты-н 'находиться внутри вместе с кем-чем-либо'.

П о р я д о к 5 составляют релятивные префиксы версии и возможности, стоящие перед префиксами предшествующих порядков, а при отсутствии последних — непосредственно перед корневой морфемой. Ср. адыг. фы-дэ-гъэ-к1уэ-н, 'для кого-чего-либо /фы-/ вместе с кем-чем-либо /дэ-/ заставить /гъэ-/ идти /к1уэ-н/', фэ-к1уэ-н 'ради кого-чего-либо идти'. Как и префиксы порядка 4, префиксы порядка 5 не могут стоять непосредственно перед несвободными основами. Ср. каб. ф1ы-ды-хэ-гъэ-ты-н 'вопреки желанию кого-чего-либо /ф1ы-/ вместе с кем-чем-либо /ды-/ внутри чего-либо /хэ-/ заставить /гъэ-/ находиться /ты-н/'.

П о р я д о к 6 составляют направительные префиксы. Ср. каб. к1ы-ф1ы-ды-ш1э-гъэ-ч1ы-н 'заставить выйти вместе с кем-чем-либо сюда', букв. 'сюда /к1ы-/ вопреки желанию кого-чего-либо /ф1ы-/ вместе с кем-чем-либо /ды-/ из /ш1э-/ заставить /гъэ-/ идти /ч1ы-н/'. Префиксы порядка 6 в отличие от локальных превербов не сочетаются непосредственно с несвободными корневыми морфемами /см., например, каб. к1э-к1уэ-н 'идти сюда', но к1ы-хэ-ч1ы-н 'выходить сюда'/; исключения составляют несколько корневых морфем, в частности

-сы /кы1э-сы-н 'прибыть' /, нэ- /кы1э-нэ-н/ 'остаться'.

П о р я д о к 7 включает в себя префикс, с помощью которого образуются возвратные глаголы. Ср. каб. зы-кы1-хуы-хэ-дзы-н 'для него выброситься оттуда сюда'. Возвратный префикс также не может сочетаться непосредственно с несвободными основами: каб. зы-кы1-и-нэ-н 'оставаться внутри чего-либо'.

Сложные форманты, образованные путем сложения двух разнорядковых морфем, одновременно относятся к двум порядкам, т.е. занимают место элементов, входящих в их состав. Так, формант эзлы-, образованный путем слияния префиксов порядка 4 /эз-/ и порядка 3 /лы-/ , занимает соответственно место префиксов двух указанных порядков.

Суффиксация. Глагольные словообразующие суффиксы менее системны по сравнению с префиксами, что отчасти объясняется отчетливой связью многих из них с лексическими единицами, на базе которых они сложились. Тем не менее можно выделить несколько порядков глагольных суффиксов в последовательности морфем.

П о р я д о к 1 включает непродуктивные суф. -тэ, -иы и др., стоящие непосредственно за производящей основой, например, адыг., каб. к1уэ-тэ-н 'продвинуться, продвигаться' /от к1уэ-н 'идти'/, адыг., каб. 1уэ-иы-н 'блеять' /от 1уы 'рот'/.

П о р я д о к 2 образуют суф. адыг., каб. -л1э, адыг. -йэ, каб. -иы, которые следуют за суффиксами первого порядка, а при отсутствии последних — непосредственно за производящей основой. Появление морфемы -л1э в парадигме, как правило, связано с выражением косвенного объекта, например, адыг., каб. йэ-к1уэ-тэ-л1э-н 'подойти к кому-чему-либо'. Морфема -йэ, -иы также относится к несвободным, т.е. употребляется только в сочетании с преф. дэ-, например, адыг. дэ-к1уэ-тэ-йэ-н, каб. дэ-к1уэ-тэ-иы-н 'продвигаться снизу вверх', адыг. дэ-к1уэ-йэ-н, каб. дэ-к1уэ-иы-н 'подниматься'.

П о р я д о к 3 составляет суффикс возвратного действия адыг. -жы, каб. -жы, например, адыг. йэ-к1уэ-тэ-л1э-

-жы-н 'подходить, приближаться к кому-чему-либо снова', к1уэ-тэ-жы-н 'подвигаться снова', к1уэ-жы-н 'возвращаться, вернуться, идти обратно'.

П о р я д о к 4 включает суффикс возможности действия адыг. -шьуы, каб. -фы, суффиксы адыг. -шьэ, каб. -шьэ, -1уэ, -пэ. Например, каб. йэ-к1уэ-тэ-л1э-жы-фы-н 'суметь подойти к кому-чему-либо снова', йэ-к1уэ-тэ-л1э-фы-н 'суметь подойти к кому-чему-либо', к1уэ-тэ-фы-н 'суметь подвигаться', к1уэ-фы-н 'суметь идти'; ср. также каб. йэ-к1уэ-тэ-л1э-н 'слишком подойти, приблизиться к кому-чему-либо снова', йэ-к1уэ-тэ-л1э-жы-пэ-н 'совсем подойти, приблизиться к кому-либо снова'.

Установление порядка следования словоизменительных морфем — личных показателей, аффиксов времен, наклонений, отрицания и т.д. — во всех приведенных типах основы приводит к выяснению синхронных моделей глагола в рассматриваемых языках.

2. СТАТИЧЕСКИЕ И ДИНАМИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ

2.1. Общая характеристика

Общеадыгский динамический глагол в презентной форме отличается от статического глагола рядом морфологических признаков: префиксом уэ- и суффиксом -р, префиксом 3-го лица мэ-/ма-/; ср. общеадыг. сы-уэ-к1уэ-р 'я иду', но сы-шьы-сы 'я сижу', ма-к1уэ-р 'он идет', но шьысы 'он сидит'. В период после распада праязыкового единства появились некоторые расхождения между адыгскими языками в строении статических и динамических глаголов. Префикс динамичности уэ- в адыгейском изменился в э-, в кабардинском — в о-; суф. -р в адыгейском отпал, в кабардинском сохранился на уровне варианта; адыг. с-э-к1уэ, каб. с-о-к1уэ-р 'я иду', к кабардинским новообразованиям относится суф. -шь в утвердительной форме настоящего времени статического глагола; общеадыг. сы-шьыты → адыг. сы-шьыт → каб. сы-шьыт-шь 'я стою', общеадыг. сы-хэлы → адыг. сы-хэль → каб. сы-хэль-шь 'я лежу в чем-то'.

Заметим, что процесс становления формы на -шь не закончен в кабардинском языке. Так, в этом отношении кубанский и бесланевский диалекты продолжают общеадыгское состояние, сближаясь с адыгейским языком: куб. сышыс, бесл. сышыс 'я сижу', куб. сышыт, бесл. сышыт 'я стою'. В кубано-зеленчукских говорах также часто отсутствует суф. -шь /Багов, 1968, 76-77/. Г.В.Рогова /1977, 94/ не исключает, что отсутствие суф. -шь в западных диалектах кабардинского языка — вторичное явление, вызванное влиянием адыгейского языка.

Система словоизменения статического глагола проявляет ряд других особенностей, сложившихся на кабардинской почве. Так, например, считается, что форма каузатива от статических глаголов отсутствует в адыгейском языке /Рогова, Керашева, 1966, 104/. Но в кабардинском языке возможны оппозитивные формы шызгызты — шызогъэт 'я заставляю его стоять'. Существует мнение, что от статических глаголов не образуются формы будущего времени, потенциалиса, оптатива /позволительности/, произвольности, терминатива со значением 'пока' и др. /Там же/. Ср., однако, формы потенциалиса от статических глаголов типа каб. шысыфш 'он может сидеть', шытыфш 'он может стоять', шылыфш 'он может лежать' и соотносительные динамические формы шысыф 'он может сидеть', шытыф 'он может стоять', шылыф 'он может лежать'. В отношении адыгейских форм типа шыэрэт 'пусть он стоит' может показаться, что они образованы от динамических форм типа шыэты 'он простаивает'. Элемент э в шыэрэт 'пусть он стоит' — результат перехода огласовки ы → э в префиксе места шы- в положении перед сонорным р: адыг. шыэрэс, каб. шырыэс 'пусть он сидит', адыг. шыэрэлъ, каб. шырыэлъ 'пусть он лежит'; ср. также адыг. ыэрэхы, каб. ыырэхъ 'пусть он несет'.

2.2. Связанные основы: нейтральные и стабильные

Деление глагольных основ на связанные и несвязанные восходит не только к общеадыгскому, но и к более ранним

хронологическим уровням, о чем свидетельствует наличие подобной морфологической дифференциации основ во всех современных западнокавказских языках. Несвязанные /свободные, самостоятельные/ глагольные основы составляют открытый список. Число их непрерывно пополняется за счет внутренних и внешних ресурсов в период после распада общеадыгского единства. Что касается связанных основ, то они ограничены как в количественном, так и в хронологическом отношении. Образуя закрытый список, связанные основы сложились хронологически не позже общеадыгского уровня, а некоторые из них восходят к более ранним праязыковым состояниям.

Связанные основы делятся на нейтральные и стабильные в отношении их принадлежности к динамическим и статическим глаголам. От нейтральных связанных основ образуются как динамические, так и статические глаголы, от стабильных связанных основ — динамические или статические глаголы. По своему строению связанные основы в основном являются простыми, неразложимыми, т.е. корневыми. В таких же связанных основах, как общеадыг. -уыпццы 'отрезать, отрубить', лишь этимологически вычленяется префикс фактитива уы-, отошедший к корню в современных адыгских языках. В генетическом плане обращает на себя внимание именно происхождение многих связанных глагольных основ.

В целом связанные глагольные основы, обнаруживая общие генетические и структурно-типологические признаки во всех западнокавказских языках, во многом составляют своеобразие глагола, его деривации и парадигматики.

2.3. Связанные основы, их соотносительность с разными хронологическими уровнями

К общеадыгским связанным основам /корням/ относятся структурно однотипные -сы, -лы, -ты. Последние употребляются во всех современных адыгских диалектах в комбинации с локальными префиксами, что отражает состояние не только общеадыгской эпохи, но и более ранних хронологических уровней.

Морфемы -сы, -лы, -ты считаются основами статических глаголов. Однако эти морфемные единицы нейтральны в отношении их принадлежности к статическим и динамическим глаголам. Во всяком случае их следует считать нейтральными в синхронном плане, поскольку от них образуются /в сочетании с локальными префиксами/ как статические, так и динамические глаголы: адыг. сы-шыс, каб. сы-шыс-шь 'я сижу', адыг. сы-шьэсы, каб. сы-шьос 'я просиживаю', адыг. сы-шьыль, каб. сы-шьыль-шь 'я лежу', адыг. сы-шьэлы, каб. сы-шьоль 'я лежу', адыг. сы-шьыт, каб. сы-шьыт-шь 'я стою', сы-шьэты, каб. сы-шьот 'я простаиваю'.

Сочетаясь с большим количеством локальных превербов, связанные основы -сы, -лы, -ты образуют множество производных статических и динамических глаголов.

Разбираемые основы входят в адыгско-убыхский корневой фонд. Ср. убых. сы-да-с 'я сижу там', сы-гы-т 'я нахожусь на чем-то', а-шьа-ль 'они лежат внутри чего-то'. В убыхском языке основы типа -с, -ту/-т, -ль также являются связанными, образуя глаголы лишь в сочетании с локальными префиксами. От них же в убыхском образуются динамические глаголы: сы-бгъа-с 'я сижу на чем-то', сы-бгъа-у-сы-н 'я сажусь на что-то', сы-йцйа-с 'я сижу на земле', сы-йцйа-у-сы-н 'я ложусь на землю'. Преф. у- в убыхских динамических формах едва ли генетически отделим от общеадыгского префикса динамичности уэ-.

Модели "локальный префикс + связанный корень", иллюстрирующие наличие не только генетически тождественных адыгско-убыхских корневых морфем, но и их тождественного структурного оформления, восходят к западнокавказскому состоянию. В пользу этого говорит тот факт, что адыгско-убыхский корень -т/ы/ генетически сближается с абхазско-абазинской связанной морфемой -та- 'быть, находиться внутри'. Тождество структурного оформления общего корневого элемента во всех западнокавказских языках не представляется возможным объяснить как продукт параллельного развития в период их индивидуального существования.

Общеадыг. -гъы обладает ограниченной сочетаемостью, он употребляется лишь с несколькими локальными префиксами

/общадыг. шы-, лы-, кызэ-, шхызэ-/: адыг. с-шы-гъ ← *сы-шы-гъы / 'на меня надето', каб. с-лы-
гъ-шъ ← *сы-лы- гъы / 'на мои ноги надето', с-лэры-гъ-
шъ ← *сы-кызэ-гъы / 'на мою руку /палец/ надето', адыг. с-шхызэ-ры-гъ, каб. с-шхызэ-гъ-шъ ← *сы-шхызэ-гъы
 'на мою голову надето'.

Тот же корень в сочетании с общадыг. кызэ 'рука' образует основу переходного глагола в значении 'держатъ', *кызэгъы 'держатъ': адыг. с-1ы-гъ, каб. с-1ы-гъ-шъ ← *сы-кызэ-гъы 'я держу', адыг. п1-1ы-гъ, каб. п1-1ы-гъ-шъ ← *уы-кызэгъы 'ты держишь'.

Основа *кызэ-гъы отличается от других общадыгских производных основ, включающих -гъ/ы/, своим структурным строением: первый элемент *кызэ не имеет статуса локального префикса, а является именным компонентом сложной основы, что и показывает порядок распределения морфем в глаголе от этой основы в современных адыгских языках; ср. каб. пызэ с-и-гъэ-1ы-гъ-шъ 'он позволяет мне /заставляет меня/ держать шапку', но пызэ сшхызэригъагъшъ 'он позволяет мне/ заставляет меня/ носить шапку', где в первой словоформе морфемы распределяются по модели сложного глагола, а во второй словоформе — по модели превербного глагола.

Общадыг. -гъы одного происхождения с убых. -гъ в кыа-гъ 'иметь', где кыа- /как и кызэ- в общадыг. кызэ-гъы-/ восходит к кыа 'рука' /Dumezil, 1975, 41/: убых. а-с-кыа-гъ 'я имею', а-с-кыа-мъ-гъ 'я не имею'.

Общадыг. -кызэ в сочетании с префиксом шы- образует основу глагола *шыкызэ- → адыг. шы1э-, каб. шы1э- 'быть, находиться где -н': адыг. уы-шы-1, каб. уы-шы-1э- шъ ← *уы-шы-кызэ 'ты находишься где-то'.

Тот же корень лежит в основе общадыг. йы-кызэ 'иметь', йы- префикс посессивности: адыг. с-и-1, каб. с-и-1э-шъ ← *сы-й-кызэ 'я имею'.

Общадыг. -кызэ сближается с абх. кыа-, абаз. 1а- 'быть, существовать' /Шакрыл, 1965, 75/.

От общадыгских связанных основ -гъы, -кызэ образуются также динамические глаголы, т.е. они /как и общадыг. -сы,

-л-ы, -т-ы/ нейтральны: адг. с-1ы-гъ, каб. с-1ы-гъ-шь, адг. с-э-1ы-гъы, каб. с-о-1ы-гъ 'я держу', адг. шьы-1, каб. шьы-1э-шь 'он находится', адг. шь-э-1э, каб. шь-о-1э 'он бывает'.

Наличие статических и динамических форм от общеадг. -с-ы, -л-ы, -т-ы, -гъы, -кы1э во всех современных адгских диалектах дает основание отнести подобную полифункциональность /точнее — нейтральность/ к общеадгскому состоянию. Однако для более ранних хронологических уровней, по-видимому, следует постулировать стабильность связанных основ. Динамические формы типа адг. сы-шь-э-с-ы, каб. сы-шь-о-с ← *сы-шьы-уэ-с-ы 'я сижу', убых. сы-бгъа-уы-туы-н 'я сажусь на что-то', не представляется возможным приписать

адгско-убыхскому уровню, в то время как статические формы типа адг. /шапс./ сы-гуэ-с, убых. сы-гъы-с 'сижу на чем-то' /ср. шапс, шым сыгуэс 'сижу на коне' /могут быть отнесены к адгско-убыхскому состоянию. Подобные факты свидетельствуют об исходности статической формы связанных основ, преобразованных в более поздний период в нейтральные основы. В пользу этого также говорит отсутствие динамической формы от основ таких статических глаголов, как адг., каб. йы1э ← *йы-кы1э 'иметь', адг. шьы-шь-, каб. шьы-шь- ← *шьы-шьы- 'принадлежать, быть исходящим от кого-чего-н'.

2.4. Связанные основы динамических глаголов

Общеадгские связанные основы динамических глаголов разнообразны не только в генетическом, но и в структурном отношении. Некоторые основы этимологически прозрачны, обнаруживая семантическую связь с именами существительными.

Общеадг. -нэ восходит к нэ 'глаз, отверстие'. В сочетании с общеадг. -нэ локальные преф. дэ-, йы-, хэ-, т- сохраняют свое значение: адг. сы-дэ-на-гъ, каб. сы-дэ-н-а-шь ← *сы-дэ-нэ-гъэ 'я застрел между чем-н.', адг. у-и-на-гъ, каб. у-и-н-а-шь ← *уы-йы-нэ-гъэ 'ты застрел внутри чего-н.'; адг. хэ-на-гъ, каб. хэ-н-а-шь ← *хэ-нэ-

гъэ 'он застрял в чем-н.'. Другие префиксы, например, адгг. ч1э-, каб. ш1э- 'под', адгг. ккъэ-, каб. кы1э- 'сюда' ут-
рачивают свою исходную семантику в комбинации с общеадгг. -нэ: адгг. ч1э-нэ-н, каб. ш1э-нэ-н ← *ч1э-нэ-н 'загоре-
ться', адгг. сы-ккъэ-на-гъ, каб. сы-кы1э-на-шъ ← *сы-ккъэ-
-нэ-гъэ 'я остался'.

Общеадгг. -куэ возводится к имени куы 'середина': адгг. дэ-шъу-куа-гъ, каб. дэ-ф-ку-а-шъ ← *дэ-шъу-куэ-гъэ 'вы
втиснули что-то между чем-либо'.

Общеадгг. -гуэ восходит к имени гуы 'сердце': адгг.,
каб. йы-гуэ-н 'втиснуть, втолкнуть'. Основа сближается с
абх., абаз. -гуа в абх. а-та-гуа-ра, абаз. та-гуа-ра 'впи-
хивать' /Шагиров, 1977, А-Н, 182/.

Общеадгг. -кы1уы, по-видимому, из общеадгг. к1ъуы 'рот,
устье': адгг. хэ-с-1уы-гъ, каб. хэ-с-1у-а-шъ ← *хэ-с-
кы1уы-гъэ 'я вонзил во что-н.', адгг. д-и-1уы-гъ,
каб. д-и-1у-а-шъ ← *дэ-йы-кы1уы-гъэ 'он вонзил, воткнул
между чем-то'.

Общеадгг. -пкы1уэ сближается с общеадгг. пк1ъуэ → адгг.
пк1ы1э /хакуч./, п1уэ, п1э, каб. п1э 'место': адгг. т-е-
пк1ы1э-н /хакуч./, т-е-п1уэ-н, т-е-п1-э-н, каб. т-е-п1э-н
← *ты-йэ-пкы1уэ-н 'покрыть, накрыть'.

Общеадгг. -т1э генетически связано с -т1э в йа-т1э
'земля, глина': адгг. ч1э-с-т1а-гъ, каб. ш1э-с-т1-а-шъ
← *ч1э-с-т1э-гъэ 'я закопал', адгг. х-и-т1а-гъ, каб.
х-и-т1-а-шъ ← *хэ-йы-т1э-гъэ 'он закопал, вкопал /вколо-
тил, вбил/ во что-то'.

Общеадгг. -к1ы → адгг., каб. -к1ы → -ч1ы имеет цен-
тробежное значение 'идти'; адгг. у-и-ч1ы-гъ, каб. у-и-ч1-
а-шъ ← *уы-йы-к1ы-гъэ 'ты вышел'. По своей функции, струк-
турному оформлению и происхождению общеадгг. -к1ы тожде-
ственно абх., абаз. -ц1; ср. абх. а-ты-ц1-ра 'выйти, выходить'
/Кумахов, 1964, 144; Шагиров, 1977, А-Н, 189/. Общеадгг.
-к1ы одного происхождения с общеадгг. -к1ы → адгг., каб.
-к1ыэ → -ч1э 'расти' /Яковлев, 1948, 243/: адгг. ккъэ-ч1ы-
н, каб. кы1э-ч1ы-н 'вырасти' адгг., каб. хэ-ч1э-н 'врас-
тать'. Показательно, что центробежная основа употребляет-

ся без префиксов: адыг., каб. чы-н 'расти' /о растениях/. Рассматриваемая основа также неотделима от общеадыг. -к1э ← адыг., каб. -к1ээ ← -ч1э 'влиять, налить'. Ср. адыг. йы-с-ч1-а-гъ, каб. йы-с-ч1-а-шъ ← ^{*}йы-с-к1э-гъэ 'я налил' /Шаги́ров, 1977, А-Н, 188/. Чередование ы : э связано с морфонологическим выражением противоположных направлений.

Общеадыг. -хъэ имеет центростремительное значение 'идти'. Ср. адыг. у-и-хъа-гъ, каб. у-и-хъ-а-шъ /← ^{*}уы-йы-хъэ-гъэ/ 'ты вошел'. По своей функции, структурному оформлению и происхождению общеадыг. -хъэ 'идти' сближается с абх. -ла, абаз. -л /Кумахов, 1964, 144; Климов, 1967, 301-302/: абх. а-та-ла-ра, абаз. та-л-ра 'входить, заходить'. Абх. -ла, абаз. -л, как и общеадыг. -хъэ, является морфо-логически связанной морфемой. Сближение хъэ- с хъы- 'нести' вполне допустимо /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 219/, причем исходной формой является -хъы: переход ы → э связан с выражением центростремительного направления морфо-нологическим способом, т.е. чередованием конечных гласных в провербных основах; ср. хъы-н 'нести', дэ-хъэ-н 'внести', ды-н 'шить', хэ-дэ-н 'вшить'. Н.С.Трубецкой сопоставил общеадыг. -хъэ 'идти' с убых. -уы- 'идти' и /независимо от них/ общеадыг. -хъы 'нести' с убых. -уы- 'нести' /Trubetzkoy, 1930, 301-303/. Неубедительно сближение убых. -уы- с абх. -у- 'делать' /а-у-ра/ и общеадыгским префиксом уы- со значением 'делать, делаться' /Dumézil, 1938/, Семантическая соотносительность общеадыг. -хъы → -хъэ, убых. -уы- 'идти, нести' свидетельствует о том, что нет оснований усматривать в убыхской форме две генетически не связанные /омонимичные/ единицы. Вообще совмещение значений 'идти, нести' характерно для одной и той же связанной основы в абхазско-адыгских языках. Ср. абх. а-л-ц1-ра 'выйти', а-ла-ц1а-ра 'внести'.

Общеадыг. -хы имеет центробежное значение 'нести, взять, снять'; адыг. йы-с-хы-гъ, каб. йы-с-х-а-шъ ← ^{*}йы-с-хы-гъэ 'я вынес', адыг. гу-е-хы, каб. гу-е-х ← ^{*}гуэ-йэ-хы 'он отнимает, отбирает сбоку'. По своей функ-

ции, структурному оформлению и происхождению общеадг. -хы сближается с абх., абаз. -хь- /Кумахов, 1964, 86/; ср. абх., абаз. а-л-хь-ра 'вытащить', а-куы-хь-ра 'снять сверху'. Ср. также адг. гу-и-хы-гъ, каб. гу-и-х-а-шь 'он отпилил /снял/ с боку'.

Общеадг. -сы 'дойти' употребляется с направительными превербами: адг. сы-нэ-сы-гъ, каб. сы-нэ-с-а-шь ← *сы-нэ-сы-гъэ 'я дошел туда', адг. уы-ккъэ-сы-гъ, каб. уы-кь1э-с-а-шь ← *уы-ккъэ-сы-гъэ 'я прибыл сюда'. Ср. также адг., каб. лъы-сы-н 'достаться кому-л.', Общеадг. -сы сближается с абх., абаз. -дза- в абх. а-на-дза-ра, абаз. на-дза-ра 'дойти туда' /Там же, 250/.

Общеадг. -сы, -сэ 'идти /о снеге/'; -сы сочетается с направительным префиксом, -сэ — с локальными префиксами: адг. ккъ-е-сы, каб. кь1-о-с ← *ккъэ-йэ-уэ-сы 'снег идет', каб. уэс то-сэ /хо-сэ, йо-сэ, ш1о-сэ, до-сэ/ 'снег падает /над, под, в массу, внутрь, между/'. Общеадг. -сы, -сэ одного происхождения со второй частью общеадг. уэ-сы 'снег'. Ср. также абх. а-сы, абаз. сы, убых. -дзы в жуа-дзы 'снег'.

Общеадг. -шьхы, -шьхэ 'идти /о дожде/'; -шьхы употребляется с направительным префиксом, -шьхэ — с локальным префиксом; адг. ккъ-е-шь-хы, каб. кь1-о-шх ← *ккъэ-йэ-уэ-шьхы 'дождь идет', каб. уэшх то-шхэ /хо-шхэ, йо-шхэ, ш1о-шхэ, до-шхэ/ 'дождь падает над /в массу, внутрь, под, между/'. Общеадг. -шьхы, -шьхэ одного происхождения со второй частью общеадг. уэ-шьхы 'дождь'.

Общеадг. -ч1э: адг. уы-1уы-ч1а-гъ 'ты встретился с ним', каб. сы-ф-1уы-ш1-а-шь 'я встретился с вами'.

Общеадг. -ч1э: адг. шьы-ч1э-н, каб. шьы-ш1э-н 'нуждаться', каб. с-шь-о-ш1э 'я нуждаюсь'; общеадг. -ч1э, по-видимому, восходит к именной основе *ч1э 'малый'. Ср. адг. мач1э, каб. маш1э 'малый, мало'.

Общеадг. -ч1ы: адг. хэ-ч1ы-н, каб. хэ-ш1ы-н 'убавиться, лишиться, уменьшиться', каб. с-х-о-ш1 'я лишаюсь чего-то; общеадг. -ч1ы одного происхождения с предыдущей основой -ч1э.

Общеадыг. -кылуы употребляется с локальными префиксами: адыг., каб. хэ-луы-н ← ^ххэ-кылуы-н 'воткнуть, вонзить'. Общеадыг. -кылуы, вероятно, восходит к общеадыг. кылуы 'рот'.

Общеадыг. -хьуэ употребляется с локальными префиксами: адыг. луы-хьуэ-н, каб. луы-пхьуэ-н ← ^хкылуы-хьуэ-н 'занавесить', адыг. т-е-хьуэ-н, каб. т-е-пхьуэ-н 'накрывать, покрывать'. В каб. начальный п — эпентеза. Едва ли приемлемо сопоставление с общеадыг. бгъуы 'широкий' /Урусов, 1980, 148/. Более достоверно сближение с абх. -шъа-, абаз. -гъуа- в абх. а-хъ-шъа-ра, абаз. кхъ-гъуа-ра 'покрывать, накрывать' /Шагиров, 1977, II-1, 71/.

Общеадыг. -пичіэ употребляется с локальными префиксами: адыг. члэры-пичіэ-н, каб. члэры-пшшэ-н 'прилипнуть, приклеиться', каб. т-е-з-гъэ-пшш-а-шъ 'я наклеил'.

Общеадыг. -уыпичіы: адыг. пы-уып-чіы-н, каб. пы-уы-пшшы-н 'отрезать, отрубить', адыг. пы-с-э-уыпичіы, каб. пы-з-о-уыпшш 'я отрезаю'. Основа состоит из префикса фактитива уы- и корня -пичіы, представленного также в адыг. уы-пичіэ-тэ-н, каб. уы-пшшэ-тэ-н 'нарезать, разрезать'. Корень -пичіы генетически связан с общеадыг. пичіэ- 'полоть': адыг. уы-пичіа-гъ, каб. уы-пшш-а-шъ 'ты полот'.

Без локальных превербов не употребляются многие основы центростремительной или центробежной семантики типа -дзэ, -шъэ /ср. йы-дзэ-н 'бросить во что-то', йы-шъы-н вывести из чего-то'/. Последние образованы от самостоятельных основ /ср. общеадыг. дзы-н 'бросить', шъэ-н 'вести'/ и составляют особую группу.

3. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ-НЕПЕРЕХОДНОСТИ

3.1. Переходные и непереходные глаголы

Переходность-непереходность глагола — одна из центральных грамматических категорий. С ней связано не только строение личной парадигматики глагола, но и противопоставление синтаксических единиц — номинативной и эргативной конструкций предложения /см. "Именное склонение"/.

Переходные глаголы /основы/ могут быть первичными /простыми/ и вторичными /производными/. К первичным относятся адыг., каб. шы-н 'делать', хы-н 'нести', ды-н 'кидать, бросать' и др., к вторичным — к1уы-н 'пройти', гъэк1уэ-н 'заставить идти и др. Способы образования вторичных переходных глаголов многообразны. В качестве средств преобразования непереходных глаголов в переходные используются каузативный преф. гъэ-, преф. уы-, ккъэ-, кыз-, суф. хь-, аблаут: адыг. гъэ-жъуэ-н, каб. гъэ-вэ-н 'сварить' ← адыг. жъуэ-н, каб. вэ-н 'свариться', каб. уы-вэ-пхы-н 'обварить' ← вэпхы-н 'обвариться', к1э-лыхъуэ-н 'искать' ← лыхъуэ-н 'искать' /неперех./, кызфы-хы-н 'танцевать' /перех./ ← к1ээфэ-н 'танцевать' /неперех./. Продуктивен способ транзитивации путем аблаутных чередований, причем в зависимости от формы глагола используются разные типы чередований гласных: адыг. чы-н, каб. жы-н 'пробежать' /перех./ ← адыг. чъэ-н, каб. жэ-н 'бежать' /неперех./, адыг. с-чы-шьт, каб. с-жы-н-шь 'я пробегу' /перех./. Аблаутное чередование как средство транзитивации охватывает корневую и аффиксальную /префиксальную/ морфемы. Нередко при транзитивации аблаут сочетается с аффиксацией: адыг. ккъэ-гуышысы-н 'придумать' /перех./ ← гуышысэ-н 'думать' /неперех./. Преф. гъэ-, уы- производят переходные глаголы также от именных основ: каб. гъэ-к1эзбзэ-н 'чистить' /перех./ ← к1эабзэ 'чистый', уы-шьэ-бы-н 'расстолочь' ← шьабэ 'мягкий'. Образование переходных глаголов от именных основ путем преф. уы- сопровождается изменением конечного гласного э в ы.

Непереходные глаголы также различаются на собственно непереходные /первичные/ и вторичные /производные/. Ср. первичные непереходные глаголы: адыг., каб. блэ-н 'светить', лэ-н 'прыгать', уызы-н 'болеть', бэзэ-н 'бороться' и др. Вторичные непереходные глаголы образуются с помощью специальных морфологических элементов — преф. зэр-, уц-: каб. зэры-лъягуы-н 'видеться' /неперех./ ← лъягуы-н 'видеть' /перех./, адыг. уы-шыунычы-н 'гаснуть /тух-

нуть/'— адыг. ш1уыч1 'темный'.

Переходный и непереходный глаголы различаются также аранжировкой личных аффиксов: в двухличных переходных глаголах префикс объекта предшествует префиксу субъекта, в двухличных непереходных глаголах имеет место обратная последовательность — префикс субъекта предшествует префиксу объекта; ср. адыг. уы-сэ-хы 'тебя я несу' /перех./, сы-уэ-жэ 'я тебя жду' /неперех./.

Указанные способы разграничения и образования переходных и непереходных глаголов восходят к общеадыгскому состоянию. Вместе с тем не все рассматриваемые средства противопоставления переходных и непереходных глаголов являются только продуктом развития общеадыгского языка. Одни сложились в эпоху общеадыгского языкового единства, другие — в более ранние хронологические эпохи. Есть основания полагать, что противопоставление переходных и непереходных глаголов с помощью преф. кыз-, кыыз-, уы-, суф. -хь, сочетания последних с изменением /чередованием/ гласных основы не идет глубже общеадыгского хронологического периода. Повидимому, аблаут как средство дифференциации переходных и непереходных глаголов также сложился в общеадыгскую эпоху. Более того, процесс становления некоторых средств транзитивации и интранзитивации протекает еще в современных адыгских языках, о чем свидетельствуют особенности стабилизации так называемых нейтральных глагольных основ, их неравномерное распределение по диалектам.

К древнейшим способам противопоставления переходных и непереходных глаголов следует отнести аранжировку личных аффиксов. Это явление должно быть приписано эпохе западнокавказского языкового единства. Хотя здесь речь идет не о материальном средстве разграничения переходных и непереходных парадигм, анализируемое явление входит в число наиболее значительных структурно-типологических универсалий, унаследованных всеми современными западнокавказскими языками и диалектами от их общего праязыкового состояния, Инвариантный характер аранжировки личных аффиксов переходных и непереходных парадигм не знает или почти не знает

исключений в современных западнокавказских языках. Ср. переходный двухличный глагол: адыг. уы-сэ-лъэгъуы, каб. уы-з-о-лъагъу, убых. уы-з-быян, абх. уы-з-бойт1, абаз. уы-з-бит1 'тебя я вижу' /уы- 'тебя', сэ-, з- 'я'/; непереходный двухличный глагол: адыг. сы-уэ-жэ, абаз. с-уы-эшит1 'я тебя жду', убых. сы-уы-йан 'я тебя бью' /сы-, с- 'я', уэ-, уы- 'тебя'/.

Аранжировка личных аффиксов, выполняющая функцию структурного признака деления переходных и непереходных парадигм, нарушается редко в отдельных языках. При этом отклонения от исконного и традиционного распределения личных аффиксов относятся к поздним диалектным инновациям. Таковы, например, колебания в распределении личных аффиксов двухличных глаголов в некоторых адыгейских диалектах и говорах; ср. абадз. уысэдэ1у, сыуэдэ1у 'я слушаю тебя', шыуысэдэ1у, сышыуэдэ1у 'я слушаю вас', уытэдэ1у, тыуэдэ1у 'мы слушаем тебя', ср. также союзные и версионные формы, дающие отклонения от общего принципа распределения личных аффиксов: абадз. уы-з-дэ-к1уэ, сы-б-дэ-к1уэ 'я с тобой иду', шыуы-с-фэ-к1уэ, сы-шыу-фэ-к1уэ 'я иду для вас'/Кумахова, 1972, 72-75/; в речи урупцев: шыуы-сэ-лъэ1у /вм. сы-шыуэ-лъэ1у/ 'вас я прошу', уы-с-фай /вм. сы-п-фай/ 'ты мне нужен' /Набокова, 1965, 121/. При изменении традиционного порядка личных аффиксов в двухличных непереходных глаголах меняется и их огласовка: сы-уэ-дэ1у → уы-сэ-дэ1у 'я тебя слушаю', сы-б-дэ-к1уэ → уы-з-дэ-к1уэ 'я с тобой иду'. Характерно, что обратный порядок расположения личных аффиксов отмечается в непереходных глаголах, а переходные глаголы в этом отношении проявляют исключительную устойчивость, продолжая состояние праязыкового единства. Отмеченные колебания в аранжировке личных аффиксов в целом не нарушают общие принципы построения личных парадигматических рядов, восходящих к эпохе западнокавказского языкового единства. Варьирование порядка расположения личных аффиксов в двухличных непереходных глаголах — позднее адыгейское новообразование /причем оно свойственно лишь отдельным диалектам/. Кроме того, обратное распределение

личных аффиксов в двухличных непереходных глаголах не является инвариантным, т.е. оно функционирует как вариант традиционного принципа построения и оформления личных форм.

Что касается аблаута как способа дифференциации переходных и непереходных глаголов, то разные типы чередований гласных возникли в разные исторические эпохи. Можно утверждать, что коррелятивные пары типа адыг. каб. тхэ-н 'писать' /неперех./ — тхэ-н 'писать' /перех./, дэ-н 'шить' /неперех./ — ды-н 'шить' /перех./ сложились в общеадыгском языке. Но аблаутные чередования в личных аффиксах сближают адыгские языки с другими западнокавказскими языками, что наталкивает на мысль об их соотнесенности с более ранними хронологическими уровнями. Во всяком случае, очевидно тождество огласовки личных аффиксов в таких парадигмах, как адыг. уы-с-лъэгъуыгъ, каб. уы-с-лъэгъуашъ, убых. уы-з-бий-акъа, абх. уы-з-бейт1, абаз. уы-з-бат1 'тебя я видел'.

В основе переходных и непереходных глаголов, различающихся с помощью аблаутных чередований конечных гласных, лежат гетерогенные процессы /Кумахов, 1974/. В то время как коррелятивные формы типа каб. йэ-гу /←^{*}йэ-гуы/ 'он толчет что-то' — ма-гуэ 'он толчет' /неперех./ восходят к общеадыгским нейтральным основам /ср. адыг. йэ-гуы 'он толчет что-то' — мэ-гуы 'он толчет'/, другие коррелятивные формы возводятся к стабильным основам /переходным или непереходным/. Так, данные сравнительной реконструкции говорят в пользу того, что оппозитивные формы типа адыг. йэ-ды, каб. йэ-д 'он шьет что-то' — адыг., каб. ма-дэ 'он шьет, занимается шитьем' образованы от /стабильной/ переходной основы, а оппозитивные формы типа адыг. йэ-к1уы, каб. йэ-к1у 'он проходит что-то' — адыг., каб. ма-к1уэ 'он идет' — от непереходных основ. Ср. внекоррелятивные формы в убыхском: дуы- 'шить' /перех./, к1аа- 'идти' /неперех./.

3.2. Нейтральные/диффузные/ глаголы, их хронологическая и морфологическая разнородность

Нейтральные основы бывают простыми и производными. Обращает на себя внимание тот факт, что простые нейтраль-

ные основы образуют семантическую группу, выражая процессы древнейшего хозяйственного труда. В этом отношении адыгские языки сближаются с другими западнокавказскими языками, различающими нейтральные и стабильные основы. Нейтральность основы выражается в том, что ее строение морфологически остается недифференцированным с точки зрения переходности-непереходности. Простые нейтральные основы немногочисленны. К ним относятся: адыг. жъуэ-н, каб. вэ-н 'пахать', ср. адыг. ар ма-жъуэ, каб. ар ма-вэ 'он пашет' /неперех./, адыг. ашъ йэ-жъуэ, каб. абы йэ-вэ 'он пашет что-то' /перех./, адыг., каб. 1уэ-н 'молотить', ср. адыг., каб. ар ма-1уэ 'он молотит, занимается молотьюбой' /неперех./, адыг. ашъ йэ-1уэ, каб. абы йэ-1уэ 'он молотит что-то' /перех./. В число простых нейтральных основ входят также адыг. хы-н 'жать', п1ч1э-н, 'полоть', джы-н 'прясть', шъэ-н 'ткать', хъэ-н 'вязать', пщэ-н 'месить', гуы-н 'толочь', хъуэ-н 'точить', пхы-н 'чесать' /на чесалке/, бгъэ-н 'крыть /крышу/' и др.

Простые нейтральные глагольные основы восходят к общеадыгскому языку, а некоторые из них могут быть отнесены к более ранним хронологическим уровням. Ср. адыг., каб. хы-, убых. шъы-, абаз. хъ-, абх. /р/-хъ- 'жать, косить', адыг., каб. шъэ-, абх., абаз. с- 'ткать', адыг., каб. джы-, убых. дзы- 'прясть' и др. Судя по всему, простые нейтральные основы имели более широкое распространение в общеадыгском языке. В период самостоятельного существования адыгских языков наблюдается смена простых нейтральных основ: последние преобразуются в стабильные путем чередования конечных гласных. При этом стабилизация общеадыгских нейтральных основ /их переход в переходные и непереходные основы/ протекает крайне неравномерно в адыгских языках. Современный адыгейский язык и его диалекты сохраняют большее число общеадыгских нейтральных основ по сравнению с кабардинским языком, утратившим многие простые глагольные основы рассматриваемого типа. Сокращение количества простых нейтральных основ в кабардинском языке одновременно ведет к увеличению количества простых стабильных основ,

поскольку пополнение последних осуществляется за счет утраты статуса нейтральности общеадыгских основ. Адыгейским нейтральным основам пшэ-н 'месить', пшы-н 'долбить', хы-н 'жать, косить' и др. в современном кабардинском языке соответствуют стабильные основы: адыг. ар ма-пшэ, каб. ар ма-пшыэ 'он месит' /неперех./, адыг. ашь йэ-пшэ, каб. абы йэ-пшы 'он месит что-то' /перех./, адыг. ар мэ-пшы, каб. ар ма-бдзэ 'он долбит' /неперех./, адыг. ашь йэ-пшы, каб. абы йэ-бдз 'он долбит что-то', адыг. ар мэ-хы, каб. ар ма-хэ 'он жнет' /неперех./, адыг. ашь йэ-хы, каб. абы йэ-х 'он жнет что-то' /перех./. Как видно, в кабардинском языке чередование конечных гласных, служащее средством стабилизации нейтральных основ, сопровождается изменением огласовки префикса 3 лица /мэ- → ма-/.

Процесс стабилизации простых нейтральных слов является живым, действующим в адыгских языках. Наряду с этим морфологическим процессом, протекающим с разной степенью интенсивности в адыгских языках и диалектах, отмечается не менее живой и интенсивный процесс образования вторичных нейтральных основ. Одним из продуктивных типов вторичных нейтральных основ является "префикс уы + именная основа" /Кумахов, 1964, 158; Гишев, 1968, 45-50/: адыг. ар мэ-уы-ккьэбзы /шап./, каб. ар мэ-уы-кы1эбз 'то очищается' /неперех./, адыг. ашь йэ-уыккьэбзы, каб. абы йэ-уыкы1эбз 'он чистит что-то' /перех./, ср. адыг. ккьабз, каб. кы1а-бзэ 'чистый'; адыг. ар мэ-уы-цэкуы, каб. ар мэ-уы-дзэгу 'то притупляется' /неперех./, адыг. ашь йэ-уы-цэкуы, каб. абы йэ-уы-дзэгу 'он притупляет что-то' /перех./, ср. адыг. цакуэ, каб. дзагуэ 'тупой, неострый'. Образование вторичных нейтральных глагольных основ разбираемого типа, бесспорно, относится к эпохе общеадыгского языкового единства. В пользу этого говорит не только наличие данной модели во всех адыгских диалектах и говорах, но и существование большого пласта глагольных основ с этимологическим преф. уы-, отошедшим к корню в силу опрошения исторически производной основы. Ср. нейтральные основы типа адыг. тэрэбжэ-н, каб. уыдэрэбжэ-н 'онеметь, потерять чувстви-

тельность', адyg. уытыны-н, каб. уыдыны-н 'рушить, молоть', адyg. уыккыуэы-н, каб. уыккыуэы-н 'линять, вылинять'. Подобные основы, хотя и стали морфологически нечленимыми, непроизводными, включают тот же префиксальный элемент уы-, характерный для нейтральных глаголов.

Продуктивен тип производных нейтральных основ с префиксом взаимности и локальным превербом: адyg. ар зэ-гуэ-уыты 'то разрывается', ашь зэ-гу-е-уыты 'он разрывает что-то', ар зэ-хэ-тэккыу 'то рассыпается', ашь зэ-х-е-тэккыу 'он рассыпает что-то'. Этимологически производны /членимы/ беспревербные нейтральные основы типа адyg. ар мэ-лыццэ 'то обугливается', ашь йэ-лы-ццэ 'он обугливает что-то'.

Многие превербные и беспревербные нейтральные основы образованы в эпоху самостоятельного существования адyg-ских языков. Об этом свидетельствуют и расхождения между адygскими языками и диалектами с точки зрения удельного веса производных нейтральных основ в системе глагольного словообразования. Далеко не всегда производные нейтральные основы адygейского языка оказываются нейтральными в кабардинском языке. Так, в адygейском языке возможны формы ма-жэ 'жарится' — йэ-жэ 'он печет что-то', мэ-пцыцэ 'он мерзнет' — йэ-пцы-ццэ 'он мерзнет' /перех./, в то время как в кабардинском языке эти основы стабильны /возможны только непереходные формы ма-жэ 'жарится', мэ-пцы-шцэ 'мерзнет'//.

В целом материал адygских языков показывает, что нейтральные основы разнородны как в хронологическом, так и в морфологическом отношении. Часть из них обнаруживает генетическую и парадигматическую параллель в других западнокавказских языках. Отсюда можно прийти к выводу, что некоторые простые нейтральные основы /например, адyg., каб. хы-, абх. абаз. хь-, убых. шы- 'жать, косить' и др./ сложились еще в эпоху западнокавказского языкового единства. Вместе с тем среди нейтральных основ встречаются и такие, которые образованы в общеадygском языке и в более поздние хронологические эпохи. Показательно, что процесс

втягивания производных основ в парадигму нейтральных про-
должается в современных адыгских языках. Поэтому приходится
констатировать наличие разнонаправленных тенденций при-
менительно к разным группам нейтральных основ. С одной
стороны, очевидна стабилизация простых нейтральных основ
типа каб. ма-хэ 'он жнет', йэ-х 'он жнет что-то' /ср.
адыг. мэ-хы 'он жнет', йэ-хы 'он жнет что-то'/, каб. ма-
гуэ 'он толчет', абы йэ-гу 'он толчет что-то' /ср. адыг.
мэ-гуы 'он толчет', ашь йэ-гуы 'он толчет что-то'/. В та-
ких случаях отсутствие противопоставления переходных и не-
переходных основ, свойственное адыгейскому языку, — про-
должение общеадыгского явления, а реализация их противо-
поставления — кабардинское новообразование, ведущее к су-
жению круга простых нейтральных основ в этом языке. С дру-
гой стороны, в адыгских языках новые нейтральные основы
создаются разными путями, в частности посредством морфоло-
гических элементов /уы-, зэ + преверб и др./ . При этом
новые нейтральные основы постоянно пополняются, охватывая
разные семантические группы слов.

Материал адыгских и других западнокавказских языков
заставляет пересмотреть точку зрения, согласно которой
дифференциация основ посредством чередования гласных осу-
ществляется лишь на базе исходных нейтральных основ с ог-
ласовкой э. В качестве исходных /общеадыгских/ выступают
нейтральные и стабильные /переходные и непереходные/ осно-
вы, причем их огласовка неодинакова: в одних случаях осно-
ва характеризуется общеадыгской огласовкой э, а в других
— общеадыгской огласовкой ы. Что касается происхождения
превербных основ типа чIэредэ 'он пришивает', детхэ 'он
вписывает', то данные внутренней реконструкции свидетель-
ствуют о том, что эти переходные основы не восстанавливают
исходную нейтральную форму с огласовкой э, а приобретают
новую огласовку, характерную для превербных образований.
Иными словами, переходные основы типа чIэредэ, детхэ вос-
ходят не к нейтральным /лабильным/ основам, как это приня-
то считать в литературе, а являются результатом переогла-
совки, т.е. перехода ы → э, как это имеет место в преверб-

ных образованиях. Ср. уыбыдз-н 'поймать', но те-уыбыдэ-н 'поймать, схватить над чем-то', гъы-н 'плакать', но те-гъэ-н 'оплакивать'. Как видно, преверб влияет на огласовку глагольной основы, причем в превербных образованиях переход ы → э охватывает как переходные, так и непереходные основы.

4. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

4.1. Общие замечания

Система противопоставленных личных субъектно-объектных форм глагола образует категорию лица. Иерархическая связь личных форм с категорией переходности-непереходности — одна из общих черт всех западнокавказских языков. К праязыковому /западнокавказскому/ состоянию восходят основные модели строения личных форм. Модели "префикс прямого объекта + префикс субъекта + корень /основа/ переходного глагола", "префикс субъекта + префикс косвенного объекта + корень /основа/ непереходного глагола", как и другие основные модели личных форм унаследованы всеми западнокавказскими языками от праязыкового единства. Расхождения между родственными языками в строении парадигмы однотипных глаголов — продукт развития в период после распада праязыкового единства. Так, в адыг. у-йэ-сэ-ты, каб. уы-э-о-т, убух. уы-с-тын, абх. у-йэ-с-тоит1 'я тебя ему отдаю' праязыковое строение /расположение/ морфем продолжают адыгейский и абхазский языки, в то время как кабардинский и убыхский языки утратили префикс косвенного объекта. Строение личных форм связано не только с категорией переходности-непереходности, но и с такими образованиями, как каузатив, союзность, взаимность, совместность, версия, потенциалис и др.

Изменение глагола по лицам не только субъекта, но и субъекта и объекта предполагает наличие многочисленных /многоместных/ глагольных форм. Одноличными /одноместными/ могут быть, естественно, только непереходные глаголы. Многочисленными /многоместными/ бывают как переходные, так и не-

переходные глаголы. Количество лиц в глаголе редко превосходит пять, хотя теоретически могут быть и шестичленные формы. При этом простой глагол /глагол с непроемной основой/ может быть максимально трехличным. Ср. адыг. у-йз-с-ты-гъ, 'тебя я ему отдал' /у- 'тебя', йз- 'ему', с- 'я', ты- 'дать', -гъ перфектный суффикс/. Четырехличные и пятиличные глаголы образуются от производных основ — каузативных, союзных, версионных, превербных и других аффиксальных основ.

Формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа последовательно маркированы в многоличной форме, если не считать диалектных инноваций, связанных с нейтрализацией личных форм в результате поздних фонетических процессов. Ср. темирг. ккыфэк1уагъ /← ккы-п-фэ-к1уагъ/ 'он пришел к тебе', ккыфш1агъ /← ккы-п-ф-и-ш1агъ/ 'он сделал тебе'; выпадение личного префикса косвенного объекта 2-го лица ед. ч. п- приводит к нейтрализации противопоставления форм 2-го и 3-го лица: ккыфэк1уагъ 'он пришел к нему', ккы-фш1агъ 'он сделал ему' /Тхаркахо, 1965, 9, 22/.

4.2. Своеобразие парадигмы 3-го лица

В отличие от парадигмы 1-го лица ед. и мн. числа парадигма 3-го лица во многом асистемна. 3-е лицо не всегда маркировано в личной форме глагола. Ср. адыг. п-ф-е-с-ты-гъ, каб. п-ху-е-с-т-а-шь 'я отдал ему для тебя', где морфологически не выражен прямой объект 3-го лица ед. числа. Отсутствие личного показателя 3-го лица характерно не только для многоличных, но и для одноличных глаголов. Ср. адыг. к1уагъ, каб. к1уашъ 'он пошел', адыг. шьысыгъ, каб. шьысашъ 'он сидел'. Вообще парадигма 3-го лица с точки зрения ее полноты имеет существенные особенности по сравнению с 1 — 2-м лицом. В этом отношении адыгские языки отличаются не только от абхазского и абазинского языков, обладающих классным спряжением во 2 — 3-м лице ед. числа, но и от убыхского языка, характеризующегося только личным спряжением. Ср. адыг. уз-сэ-ты, каб. уы-

з-о-т, убых. а-уы-с-туы-н 'я его даю тебе', где прямой объект 3-го лица выражен в адыгских языках нулевым префиксом, а в убыхском — преф. а-. Правда, вариативность парадигмы 3-го лица характерна для всех западнокавказских языков: убых. /ы/-с-туы-н 'я его даю тебе', /им/-у-туы-н 'ты его даешь ему', абаз. /й/-йы-эпшит1 'они ждут его /человека/', /й/-бы-эпшит1 'они ждут тебя /женщину/'.

Вместе с тем и на общем фоне вариативности некоторых личных форм адыгские языки отличаются от других западнокавказских языков ущербностью и неустойчивостью парадигмы 3-го лица. Формы 3-го лица претерпели изменения и в период распада общеадыгского единства, о чем свидетельствуют диалектные расхождения между адыгскими языками в оформлении 3-го лица. К ним относятся как различия между адыгскими языками, так и различия между диалектами в пределах одного языка: адыг. р-и-тыгъ, каб. ыы-р-и-ташъ 'он дал ему то', шапс. рэ-к1уагъэ, бжед., темир., абадз. к1уагъэ 'он пошел', шапс. рэ-дагъэ, бжед., темир., абадз. дагъэ 'он шил' /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 392/, бжед. ччылэм ккьэч1ыгъ, темир. чылэм ккьич1ыгъ 'он из деревни приехал' /Тхаркахо, 1965, 20/.

Характерно, что во многом асистемная парадигма 3-го лица приводит к поздним тенденциям компенсировать отсутствие личного показателя лица, его числового противопоставления использованием чередования морфемы числа с нулем. Ср. адыг. сэ-лъэгъуы 'я его вижу' — сэ-лъэ-гъуы-х 'я их вижу', ма-к1уэ 'он идет' — ма-к1уэ-х 'они идут'. Подобное новообразование типологически тождественно противопоставлению личных форм 3-го лица в убыхском языке в оппозитивных образованиях типа ак1ъан 'он идет' — ак1ân 'они идут', астуын 'я его даю им' — астуân 'я их даю им'. Разбираемые типы противопоставления личных форм, обусловленные ущербностью парадигмы 3-го лица, относятся к поздним инновациям спряжения в западнокавказских языках.

Существенные различия в морфологическом выражении 3-го лица ед. и мн. числа отмечаются между адыгскими языками.

Это проявляется в том, что кабардинский язык по сравнению с адыгейским характеризуется заметной тенденцией к снятию противопоставления личных форм в парадигме 3-го лица ед. и мн. числа, что приводит к омонимии в спряжении глагола. Ср. каб. йэ-жъашъ 1/ 'он ждал его'; 2/ 'он ждал их'; 3/ 'они ждали его'; 4/ 'они ждали их'. Эти значения кабардинской омонимической формы йэ-жъашъ выражаются разными формами в адыгейском языке: адыг. йэ-жагъ 'он ждал его', йа-жагъ 'он ждал их', йэ-жагъэ-х 'они ждали его', йа-жагъэ-х 'они ждали их'.

Структурная омонимия особенно характерна для многочисленных глаголов: каб. кыы-б-д-йэ-у-а-шъ 'он с тобой бил его /их/', 'они с тобой били его /их/', д-йэ-у-а-шъ 'он с ним бил его /их/', 'они с ним били его /их/'. При отсутствии внешних признаков противопоставления личных форм валентность последних определяется контекстом. Отсутствие показателя лица в парадигме 3-го лица относится к разным хронологическим уровням. Так, нулевое выражение 3-го лица в формах прошедшего и будущего времени одноличных глаголов типа адыг. к1уагъэ, каб. к1уашъ 'он пошел', бесспорно, возводится к общеадыгскому состоянию. Отсутствие противопоставления личных форм 3-го лица ед. и мн. ч. двухличных непереходных глаголов типа каб. йэ-жъашъ 'он ждал /их/', 'они ждали его /их/' является кабардинским новообразованием, а их реализацию в адыгейском языке с помощью йэ-, йа- следует приписать общеадыгскому состоянию. Вместе с тем использование суффикса числа -х/э/ для противопоставления личных форм /йэжагъ 'он ждал его' — йэжагъэ-х 'они ждали их'/ — адыгейское новообразование, а кабардинский язык в этом отношении продолжает общеадыгское состояние.

В построении парадигм спряжения многочисленных глаголов участвуют направительные префиксы. Хотя последние не оказывают влияния на количество лиц в глаголе /как это свойственно некоторым словообразовательным префиксам/, без них невозможно образование многих личных форм глагола. Так, обычны формы без префикса адыг. йэ-п-ты-гъ, каб. йэ-

п-т-а-шь 'ты ему дал', йэ-шьу-ты-гъ, каб. йэ-ф-т-а-шь 'вы ему дали', но многочисленные формы от того же глагола типа адыг. ккь-у-и-ты-гъ, каб. кы1-у-и-т-а-шь 'он тебе дал', возможны лишь с направительным преф. ккь/ы/-, кы1/ы/-. В подобных случаях этимологическое значение префикса сильно затемняется, что видно, например, из таких противопоставлений, как каб. сы-вз-у-а-шь 'я вас бил', сы-н-о-у-а-шь 'я бил тебя', сы-н-о-жь-а-шь 'я тебя ждал', сы-вз-жь-а-шь 'я вас ждал', где наличие /отсутствие/ преф. н- связано с числовым противопоставлением форм прямого объекта 2-го лица в глаголе. В многочисленных формах наличие направительных префиксов, лишенных этимологического значения, следует отнести к вторичным явлениям. В пользу этого свидетельствуют данные не только внутренней реконструкции /в частности, беспревербные формы типа каб. сы-вз-у-а-шь 'я вас бил' при превербных формах типа сы-н-о-у-а-шь 'я тебя бил' /, но и родственных языков, не прибегающих к направительным префиксам при построении многочисленных парадигматических рядов рассматриваемого типа.

Направительный префикс в многочисленных формах обуславливает вариативность порядка следования морфем, т.е. нарушает традиционную и устойчивую аранжировку значимых элементов в глаголе. В этом отношении показательны и такие вариации, как адыг. сы-ккь-а-дэ-к1уа-гъ, с-а-ккьы-дэ-к1уа-гъ 'я с ними пришел', сы-ккь-а-фэ-к1-уа-гъ, с-а-ккьы-фэ-к1уа-гъ 'я для них пришел'. Ср. также каб. у-а-кы1н-хуэ-к1у-а-шь 'ты пришел для них' /префикс объекта предшествует направительному преф. кы1н-/, уы-кы1н-т-хуэ-к1у-а-шь 'ты пришел для нас' /префикс того же объекта следует за направительным преф. кы1н-/. Подобное варьирование места личного префикса в многочисленном глаголе – новообразование. Исходный порядок /префикс субъекта + преверб + префикс косвенного объекта/ сохраняют личные префиксы косвенного объекта 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа. Как видно, вариативностью и неустойчивостью и в данном случае отличается парадигма 3-го лица многочисленного глагола. Более подробно парадигма 3-го лица, ее строевые черты, особенности эволюции и развития рассматриваются ниже

в связи с анализом спряжения разных типов простых и производных глаголов.

4.3. Происхождение личного префикса мэ-/ма-/

Разные авторы по-разному трактуют происхождение префикса 3-го лица мэ-/ма-/ непереходного глагола. Устанавливая генетическое тождество личных и классных показателей с личными, классными и указательными местоимениями, Ж.Дюмезиль сравнивал личный префикс мэ-/ма-/ с м- в указательном местоимении мы 'этот' мо 'тот' /Dumezil, 1932, 171-172/. Префикс мэ-/ма-/ автор сопоставляет также с абх. на-, убых. н-, на-, выступающими в качестве префиксов в глаголах типа абх. с-п1ы-на-кы1-уейт1, убых. с-фа-н-кы1ың, 'он меня режет', убых. с-фа-на-кы1ың 'они меня режут'.

Развитие личного префикса мэ-/ма-/ на базе указательного местоимения мы 'этот' /мо 'тот'/ считается также очевидным другими авторами /Турчанинов, Цагов, 1940, 82; Яковлев, Ашхамаф, 1941, 358/.

Г.В.Рогова /1956, 53/ диахронически постулировал вместо ма-/ма-/ классные префиксы *уэ-: *уэ-к1уэ 'тот /человек/ идет', *йэ: *йэ-к1уэ 'тот /не-человек/ идет', *дэ: *дэ-к1уэ 'тот /не-человек/ идет', *рэ: *рэ-к1уэ 'тот /не-человек/ идет'. Эти же классные префиксы автор реконструирует для 1-го и 2-го лица: *уэ-к1уэ 'я /человек/ иду', *йэ-к1уэ 'я /не-человек/ иду', *дэ-к1уэ 'я /не-человек/ иду', *рэ-к1уэ 'я /не-человек/ иду' и т.д. Реликты классного спряжения Г.В. Рогова усматривает в недифференцированном выражении 2-го и 3-го лица форм типа адыг. уэ-к1уэфэ 'пока ты идешь', уэ-к1уэф 'пока он идет' /Там же, 54/. К классному префиксу у- возводится префикс динамичности уэ- в кабардинском языке: уок1уэ ← *уэ-уэ-к1уэ 'ты идешь' /Там же, 56/.

Позже Г.В.Рогова пересмотрел свою точку зрения, несколько иначе объяснив происхождение личного префикса мэ-/ма-/. Последнее рассматривается им как фонетическое видоизменение префикса динамичности. Автор приходит к выводу, что "в адыгских глагольных формах мэ-лажэ 'он рабо-

тает' префикс мэ- по существу не является показателем третьего лица субъекта, префикс этот — фонетическое видоизменение префикса динамичности: адыг. мэ-лажэ ← уэ-лажэ. Исходный фонетический вид префикса динамичности в форме третьего лица сохранился в некоторых инфинитных образованиях адыгейского языка: адыг. уэ-к1уэфэ 'пока тот идет', уэ-рэ-к1уэ 'пусть тот идет'"/Рогава, 1980, 97/. Такое объяснение более правомерно по сравнению с реконструкцией четырех классных показателей *уэ-, *иэ-, *дэ-, *рэ- вместо префикса мэ-. Однако трудности гипотезы заключаются в том, что остается неясным, почему префикс динамичности уэ- не перешел в мэ- в формах типа уэ-к1уэфэ 'пока тот пойдет', уэ-рэ-к1уэ 'пусть он идет', где уэ- в подобных образованиях также считается по происхождению тождественным преф. мэ- /Там же/. Объяснение выборочного перехода префикса динамичности уэ- в мэ- частотностью его употребления нуждается в более детальной и убедительной аргументации.

Итак, существуют разные точки зрения по вопросу о генезисе префикса 3-го лица мэ-/ма-/. Для принятия однозначного решения пока нет достаточных оснований. Однако независимо от отношений личного префикса 3-го лица мэ-/ма-/ к указательному местоимению мы 'этот' и префиксу динамичности уэ-, следует отнести его сложение к эпохе общеадыгского единства. Тот факт, что префикс мэ-/ма-/ характерен для всех адыгских диалектов, дает основание считать его продолжением общеадыгского состояния, а не поздним продуктом периода самостоятельного развития адыгских языков и диалектов. Как отмечалось, к общеадыгской эпохе мы возводим указательное местоимение мы 'этот', представленное во всех адыгских диалектах, в том числе бжедугском и шапсугском, где вместо новообразования мо мэу ← *мэуы 'тот' представлено старое местоимение уы, унаследованное от западнокавказского состояния. Как явление, возникшее на адыгской почве, преф. мэ-/ма-/ и местоимение мы 'этот' в общеадыгском языке сосуществовали с преф. уэ-/уэ-к1уэфэ 'пока он идет', уэ-рэ-к1уэ 'пусть он

идет' / и местоимением уи 'тот', восходящим к более ранним хронологическим уровням; ср. убых. уа-на, абх. уи, абаз. а-уи 'тот'.

4.5. Эпическая форма на мэ-/ма-/

Преф. 3-го лица мэ-/ма-/ характерен для непроезводных непреходных основ: адыг., каб. ма-к1уэ 'он идет', но адыг. дэк1уэ, каб. док1уэ 'он вместе с ним идет'. Отклонения от этой закономерности наблюдаются в устно-поэтической речи. В этой связи обращает на себя внимание эпическая форма употребления преф. мэ-/ма-/: каб. Иыгуыжым Иыхэмэ Андемырк1аныр нэбэжэ хабзэурэ мэзеплэ /Н.п. 1986, 85/. 'Если Андемиркан выедет в широкую степь, соколу подобно он осматривается'. Непереходная форма глагола мэзеплэ 'он осматривается' вместо ожидаемой переходной формы зеплыххэ 'он смотрит вокруг что-то' встречается обычно в языке фольклора, в особенности в эпической поэзии. Хотя язык эпической поэзии сохраняет более традиционные и архаичные явления, в данном случае употребление преф. мэ- в составе префиксального производного глагола следует отнести к инновациям. Более того, эпическая форма на мэ- носит локальный характер, встречается в основном в кабардинском языке. Показательно, что в адыгейских вариантах тех же эпических сказаний представлена форма без мэ-: адыг. /Ар/ гуыбгъуэжым зыхэрэм ныбаджыхы хабзэуи зеплыххыра /Там же, 102/. 'Если в степь просторную он выедет, соколу подобно осматривается'.

Эпическая форма преф. мэ-/ма-/ встречается не так часто, т.е. охватывает сравнительно небольшое число производных /префиксальных/ непреходных основ. При этом рассматриваемый префикс субъекта 3-го лица сочетается, как правило, с основами глаголов, включающих преф. зэ-: ср. эпические формы типа каб. мэ-зежэ 'бежит вокруг', мэ-зеуэ 'бьет вокруг', где появление преф. 3-го лица мэ- в производных глаголах вызвано скорее всего действием грамматической аналогии.

4.5. О генезисе префикса динамичности

Динамичность в глаголе выражается преф. э- в адыгейском языке, преф. уэ- /→ о- / — в кабардинском языке. Считается, что адыг. э- является видоизменением каб. уэ-: *сы-уэ-к1уэ+с-уэ-к1уэ → с-э-к1уэ 'я иду' /Рогава, Керашева, 1966, 102/. На функционирование префикса динамичности в парадигме глагола накладываются ограничения, связанные с формами времени, лица, переходности-непереходности и строением глагольной основы.

Префикс динамичности характерен только для презентных форм, причем во всех трех лицах он проявляется лишь в непереходных глаголах: в многоличных простых /каб. с-о-плъ 'я смотрю', у-о-плъ 'ты смотришь', й-о-плъ 'он смотрит' /; в многоличных префиксальных /каб. сы-д-о-к1уэ 'я иду с ним', уы-д-о-к1уэ 'ты идешь с ним', д-о-к1уэ 'он идет с ним' /; в одноличных префиксальных /каб. сы-н-о-к1уэ 'я иду туда', уы-н-о-к1уэ 'ты идешь туда', н-о-к1уэ 'он идет туда' /. В других типах глаголов /переходных и непереходных/ динамичность выражается в 1 — 2-м лице /каб. с-о-ш1 'я делаю', у-о-ш1 'ты делаешь', с-о-жэ 'я бегаю', у-о-жэ 'ты бегаешь', ды-з-о-ш1 'я делаю с ним', ды-б-о-ш1 'ты делаешь с ним' /.

Вопрос о генезисе префикса динамичности не получил однозначного решения. Н.Ф.Яковлев допускал существование префикса динамичности лишь в отношении кабардинского языка, считая адыг. э- формой огласовки личного префикса. Что касается происхождения каб. уэ- /→ о- /, то автор рассматривал его как инкорпорирование в состав личной формы глагола бжедугско-шапсугского указательного местоимения уы 'этот' /Яковлев, 1938, 56/. Как мы отмечали, Г.В.Рогава /1956, 56/ возводил префикс динамичности уэ- /→ о- / к грамматическому показателю категории человека, но в более поздних работах усматривает в этом префиксе генетическое единство с префиксом 3-го лица мэ-/ма- /, отвергая тем самым тезис о взаимосвязи последнего с указательным местоимением мы 'этот' /Рогава, 1977, 89/. По

мнению Г.В.Рогова, префикс динамичности уэ- генетически совпадает с суффиксом буд. времени -уа в убыхском языке и наст. времени в абхазском языке: убых. *сы-к1ьа-уа-т1 → сы-к1ь-о-т1 'я пойду', абх. *сы-ца-уа-йт1 → с-ц-о-йт1 'я иду' /Там же, 89/. Такая трактовка предполагает иное объяснение происхождения суффикса статического глагола -уы в абхазском и абазинском языках: "Нельзя согласиться с исследователями, которые суффикс динамических глаголов -уа в абх. с-т1у-о-йт1 /← с-т1уа-уа-йт1 / 'сажусь' отождествляют с суффиксом уы- статических глаголов — абх. с-т1уо-у/ы/-п1 'я сажу'" /Там же, 90/. Как известно, разбрасываемые суффиксы динамических и статических глаголов генетически отождествлял Г.Дюмезиль, который сравнивал их с деепричастным суф. -э/у в адыгейском языке /Dumézil, 1932, 175-176/.

Трудность сближения кабардинского префикса динамичности уэ-/о- с убыхско-абхазским суф. -уа/→ -о/ в динамических глаголах состоит в том, что в убыхском языке суф. -уа/→ -о/ представлен не в презентной форме, а в форме буд. времени. Более вероятным представляется генетическое тождество каб. уэ-/→ о- с убыхским преф. у/ы/- в динамических глаголах. Ср. убых. сы-бгъа-с 'я сажу на чем-то' /статическая форма/, сы-бгъа-уы-сы-н 'я сажусь на что-то' /динамическая форма/, сы-фа-т 'я привязан к чему-то' /статическая форма/, сы-фа-уы-туы-н 'я привязываюсь к чему-то' /динамическая форма/. Заметим, что сближение каб. уэ-/→ о- с убых. у/ы/- поддерживается не только семантически /выступают маркерами динамичности глаголов/, но и структурными особенностями, в частности, тождеством их места в глагольной словоформе; ср. убых. сы-йц1уа-уы-сы-н 'я ложусь на землю', каб. сы-ш1-о-с 'я сажу под чем-то', где убых. уы-, каб. о-/→ уэ-/ стоит между локальным превербом и корневой морфемой.

Вместе с тем не следует, по-видимому, исключить возможность морфонологического объяснения убых. у/ы/-, каб. уэ-/→ о- в динамических глаголах. Переход каб. уэ-→ адыг. э- выглядит несколько необычным на фоне общих фоне-

тических закономерностей адыгских языков: переход дифтонгических образований типа эу, уэ, в гласные звуки характерен не для адыгейского, а для кабардинского языка. В адыгейском языке сохраняются подобные дифтонгические образования, в то время как в кабардинском они преобразуются в гласный о: адыг. пстэуми → каб. псоми 'все', адыг. пхуэу → каб. фо 'мед', адыг. ккхъаум → каб. кхлом 'много, множество'. / араб. *qaum* 'племя, род, народ' / и др. В этой связи обращает на себя внимание также развитие на стыке морфем интерфикса -уэ- /→ -о-/: каб. Нартокхылуэ /→ нарт 'нарт', кхылуэ 'сын' / 'Нартоко, Нартоков'.

4.6. К истории спряжения

Во всех современных западнокавказских языках различаются типы спряжения. В абхазском и абазинском языках действует смешанное — лично-классное — спряжение: в 1-м лице ед. числа и во всех трех лицах мн. числа глагол имеет личное спряжение, во 2 — 3-м лице ед. числа спряжение классное. В адыгейском, кабардинском и убыхском языках глагол обладает однотипным — личным — спряжением. Поэтому вполне естественно, что давно идут споры относительно истории спряжения в абхазско-адыгских языках.

В настоящее время существуют разные точки зрения по разбираемому вопросу. Еще в 1932 г. Ж.Дюмезиль выдвинул два решения: грамматические классы являются либо абхазским /абазинским/ новообразованием, либо архаичным, утраченным в убыхском, адыгейском и кабардинском языках /Dumézil, 1932, 117-118/. О двух гипотезах Ж.Дюмезиля следует сказать, что автор касается лишь спряжения глагола и состава местоимений, оставляя в стороне историю классов в других частях речи. Кроме того, — это важно подчеркнуть, — вторая гипотеза /архаизм классного спряжения/, по Дюмезилю, означает существование в прошлом грамматических классов в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Выбор решения /гипотезы/, как писал Ж.Дюмезиль, может быть сделан лишь после изучения проблемы классов в нахских и да-

гестанских языках. При этом автор считает, что родство последних с абхазско-адыгскими языками "является не гипотезой, а фактом" /Там же, 8/.

Опираясь на общую концепцию генетического родства иберийско-кавказских языков, предполагающую утрату грамматических классов в тех языках, в которых они отсутствуют в их современном состоянии, К.В.Ломтатидзе и Г.В.Рогава развивают положение, согласно которому категория классов имела не только в местоимениях и глаголе, но и в именах во всех абхазско-адыгских языках /Рогава, 1950; 1956; Ломтатидзе, 1983/.

Г.Деетерс, как известно, отрицал возможность существования именных классов в истории абхазско-адыгских языков, а действующие классы в абхазском языке рассматривал как инновацию /Deeters, 1955/.

Свою точку зрения по вопросу о возможности вычленения грамматических показателей в именных основах мы высказали в другом месте /Кумахов, 1976 /. Не возвращаясь к этой проблеме, мы еще раз подчеркнем, что если постулировать существование действующих классов префиксальных показателей в именных основах, то с точки зрения релятивной хронологии они, на наш взгляд, могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского /абхазско-адыгского/ языкового единства /Там же, 54/. Это положение — оно не совпадает с положениями предшественников /в том числе Г.Деетерса/ об именных классах — предполагает отсутствие действующей грамматической категории классов в именах в истории абхазско-адыгских языков, хотя не исключает возможности ее существования в более отдаленную хронологическую эпоху. Существование же более отдаленной хронологической эпохи, т.е. эпохи, предшествовавшей периоду западнокавказского языкового единства, представляется не гипотезой, а бесспорным положением.

Что касается классных местоимений и классного спряжения, то нельзя отрицать факт, что их постулирование для эпохи индивидуального развития адыгейского, кабардинского и убыхского языков представляется более чем рискованным.

Обращает на себя внимание отсутствие данных для внутренней реконструкции классных местоимений и классного спряжения в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Классные местоимения и классное спряжение должны были оставить какие-то рефлексы либо в строении или составе самих личных местоимений, либо в оформлении и распределении личных аффиксов. Таких следов мы не находим в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Поэтому следует признать, что нет достаточных оснований говорить о существовании классных местоимений и классного спряжения в период самостоятельного развития адыгейского, кабардинского и убыхского языков.

Не ставя целью окончательно решить вопрос о генезисе классных местоимений и классного спряжения в абхазском и абазинском языках, можно все же сделать выводы, в конечном счете касающиеся отношения разбираемого явления к адыгско-убыхскому ареалу. 1. Рассматривать в данной группе языков классные местоимения и классное спряжение как новообразование, сложившееся на почве абхазско-абазинского единства. 2. Если же, напротив, классные местоимения и классное спряжение считать архаизмом, то их следует отнести к явлениям западнокавказского /общабхазско-адыгского/ уровня, не получившим, однако, распространения на адыгско-убыхский ареал в период после распада общего праязыкового единства. Последнее положение, естественно, не совпадает с гипотезой Ж.Дюмезиля, согласно которой отнесение классных местоимений и классного спряжения к архаизмам означает их утрату в адыгейском, кабардинском и убыхском. Оба вывода — что наиболее важно для настоящей работы — в равной мере предполагают отсутствие классных местоимений и классного спряжения как в праадыгском /общабхазском/, так и в праубыхском.

Относительно генетических и типологических отношений грамматических классов в абхазском и абазинском языках к грамматическим классам в нахских и дагестанских языках следует отметить один факт, недостаточно учитывающийся при постановке и рассмотрении этой проблемы. В абхазском

и абазинском языках генетическая связь классных местоимений и глагольных классных аффиксов в подавляющем большинстве случаев совершенно очевидна и прозрачна. В этом заключается отличие абхазского и абазинского языков от нахских и дагестанских языков с точки зрения генезиса и относительной хронологии грамматических классов. Указанное явление, во-первых, свидетельствует о возникновении в западнокавказском ареале /абхазском и абазинском/ той системы грамматических классов в глаголе, которая характерна их современному состоянию, в более поздние хронологические эпохи, чем категория класса в нахских и дагестанских языках. Повсеместная утрата генезиса классных показателей в обширном и разнообразном восточнокавказском /нахско-дагестанском/ языковом ареале отражает, на наш взгляд, хронологически более древний тип грамматической категории класса в восточнокавказских языках по сравнению с грамматической категорией класса в абхазском и абазинском. Во-вторых, в абхазском и абазинском генетическое тождество классных местоимений и классных показателей, отсутствующее в восточнокавказских языках, характеризует также своеобразие формирования и сложения грамматической категории в западнокавказских /абхазском и абазинском/ языках с типологической точки зрения. Иными словами, нет достаточных оснований исключить возможность независимого, параллельного сложения и развития грамматической категории класса в восточнокавказских и западнокавказских языках.

Во многих работах, рассматривающих грамматическую категорию класса, главными оказываются два постулата: грамматические классы считаются древнейшим явлением; раз грамматические классы являются древнейшими, то они непременно существовали и в тех родственных языках, в которых они ныне отсутствуют. Такая постановка вопроса представляется неправомерной с методической точки зрения. Отнесение грамматической категории класса к глубокой древности /если даже такая древность доказана/ вовсе не обязательно предполагает отмирание /существование/ этой категории в тех языках, в которых она не функционирует в их современ-

ном состоянии. Так, если даже постулировать грамматическую категорию класса для эпохи абхазско-адыгского языкового единства или более раннего хронологического периода, это вовсе не означает, что данная языковая категория непременно существовала в прошлом во всех западнокавказских /абхазско-адыгских/ языках.

5. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Глаголы распределяются по классам в зависимости от спряжения. Формы спряжения, аранжировка личных и других аффиксов, строение их огласовки, морфологическая маркированность лица определяются переходностью-непереходностью, динамичностью-статичностью глагола, структурой его основы, наличием /отсутствием/ неличных аффиксов в глаголе.

5.1. Одноличные простые глаголы

Г л а г о л ы типа к1уэ-н 'идти'. В спряжении одноличных простых динамических глаголов имеются расхождения между адыгскими языками. 1 — 2-е лицо ед. и мн. числа выражается личными префиксами, восходящими к личным местоимениям: адыг. с-э-к1уэ, каб. с-уэ-к1уэ/-р/ 'я иду', адыг. у-э-к1уэ, каб. у-эу-к1уэ/-р/ 'ты идешь', адыг. т-э-к1уэ, каб. д-эу-к1уэ 'мы идем', адыг. ш1у-э-к1уэ, каб. ф-эу-к1уэ/-р/ 'вы идете'.

3-е лицо наст. времени формально маркировано преф. ма-, в прошедшем и будущем — нулевым префиксом: каб. ма-к1уэ/-р/ 'он идет', адыг. ма-к1уэ-х, каб. ма-к1уэ/-р/ 'они идут', адыг. к1уа-гъэ, каб. к1у-а-ш1 'они пошли', адыг. к1уэ-ш1т, каб. к1уэ-н-ш1 'он пойдет'. Если личные префиксы 1 — 2-го лица общеадыгский язык унаследовал от более ранних праязыковых сосотояний, то преф. ма- / мэ- наст. времени и нулевой префикс прошедш. и буд. времен не идут глубже общеадыгского хронологического уровня.

Расхождения между адыгскими языками касаются оформления личных аффиксов 1 — 2-го лица наст. времени, префикса

динамичности, корневой морфемы прош. времени, а также числового противопоставления в 3-м лице. В форме прош. и буд. времени оформление личных аффиксов огласовкой ы является продолжением общеадыгского состояния. В форме наст. времени произошла редукция гласного ы в личных префиксах в положении перед префиксом динамичности ^хуэ-/Рогава, 1977, 89/. Общеадыгское оформление личных аффиксов 1 — 2-го лица наст. времени продолжают формы отрицания и ряд других неиндикативных образований. Ср. адыг. сы-к1уэрэп, каб. сы-к1уэркы1ым 'я не иду', адыг. сы-к1уэрэба, каб. сы-к1уэркы1э 'разве я не иду'.

В оформлении динамичности более архаичен кабардинский язык, сохранивший общеадыгские аффиксы — преф. эу- + ^хуэ, суф. -р. Переход ^хуэ- → эу- обусловлен соседством с начальным консонантным элементом личного префикса после редукции гласного ы. В адыгейском от префикса динамичности ^хуэ- остался вокалический член э-. Суффикс динамичности -р в кабардинском языке удерживается на уровне вариантов /свободно чередуется с нулем/, а в адыгейском отсутствует. В общеадыгском языке суф. -р должен иметь статус инварианта, а не свободного варианта. В обоих языках суффикс динамичности -р сохраняется в формах отрицания, утверждения и ряда других неиндикативных образований. В целом изменения, имевшие место в период после распада общеадыгского единства, затрагивают разные члены парадигмы одноличных непереходных глаголов: ^хсы-уэ-к1уэ-р → каб. с-эу-к1уэ-/р/, адыг. с-э-к1уэ 'я иду', ^хуы-уэ-к1уэ-р → каб. у-эу-к1уэ/р/, адыг. у-э-к1уэ 'ты идешь' и др.

К позднейшим инновациям относится числовое противопоставление 3-го лица в адыгейском языке с помощью морфемы -х: мак1уэ 'он идет' — мак1уэ-х 'они идут'. Кабардинский продолжает общеадыгское состояние — отсутствие числового противопоставления 3-го лица: мак1уэ/р/ 'он идет', 'они идут'. В письменно-литературном стандарте кабардинского языка также отмечается стремление к числовому противопоставлению 3-го лица с помощью суф. -хэ /ма-к1уэ-р 'он идет' — ма-к1уэ-хэ-р 'они идут'/, что, однако, не стало

нормой живого разговорного языка и диалектов.

Оформление огласовки личного префикса 3-го лица определяется фонетическим строением корня /основы/. Общеадыгская форма мэ- изменяется в ма- в личных формах, образованных от корневых морфем типа SV, SSV где символ у означает гласный э; ср. адыг. мэ-джэгу → каб. мэ-джэ-гу 'он играет', адыг. мэ-шы → каб. мэ-шы 'он ползет', адыг. мэ-чы → каб. мэ-ж 'он застывает', но адыг., каб. ма-дэ 'он шьет, занимается шитьем', адыг., каб. ма-блэ 'горит'. Конечный гласный ы корня /основы/ одноличных глаголов сохраняется в адыгейском языке во всех временных формах индикатива, в то время как в кабардинском языке этот гласный удерживается лишь в форме буд. времени: адыг. с-э-джэгу, каб. с-эу-джэгу 'я играю', адыг. сы-джэгу-гъ, каб. сы-джэгу-а-шъ 'я играл', адыг. сы-джэгу-шът, каб. сы-джэгу-ншъ 'я буду играть'.

5.2. Соотносительные статические и динамические глаголы

С т а т и ч е с к и е г л а г о л ы т и п а а д ы г .
шысы-н, каб. шы-сы-н 'сидеть'. В глаголах этого типа в отличие от глаголов типа к1уэ-н 'идти' нулевым префиксом оформлено 3-е лицо не только прош. и буд. времени, но и наст. времени: адыг. шысы, каб. шыс-шъ 'он сидит', адыг. шысы-гъ, каб. шыс-а-шъ 'он сидел', адыг. шысы-шът, каб. шысы-н-шъ 'он будет сидеть'. Для парадигмы этого глагола характерно числовое противопоставление 3-го лица с помощью морфемы -х, что является адыгейским новообразованием: шылыты 'он лежит' — шылыты-х 'они лежат'. Общеадыгский не знал подобного противопоставления форм числа 3-го лица.

Однотипность огласовки личных аффиксов в настоящем, прошедшем и будущем времени, что одинаково прослеживается во всех живых диалектах, должна быть приписана общеадыгскому состоянию. Этимологический конечный гласный корня редуцируется в наст. времени, а в кабардинском и в

прош. времени: *сы-шы-сы → адыг. сы-шы-с → каб. сы-шы-с-шь 'я сажу', *сы-шы-сы-гъэ → адыг. сы-шы-сы-гъ → каб. сы-шы-с-а-шь 'я сидел'.

Динамические глаголы типа адыг. шьэсы, каб. шьэус 'он сидит'. По оформлению личных префиксов 1 — 2-го лица и форма выражения 3-го лица глаголы этого типа тождественны соотносительным статическим глаголам. Спецификой парадигмы глаголов разбираемого типа является оформление местного преф. шь- /← *шы-/ и корневой морфемы. Наличие префикса динамичности в соседстве с *шы- обусловило полную редукцию вокалического элемента последнего. Кроме того, в форме наст. времени адыгейский язык удерживает этимологический конечный гласный ы в корневой морфеме: *сы-шы-уэ-сы → адыг. сы-шьэ-сы, каб. сы-шь-эу-с 'я сажу'.

5.3. Одноличные производные глаголы /глаголы с направительным префиксом/

Динамические глаголы имеют одинаковую огласовку личных префиксов в настоящем, прошедшем и будущем времени /адыг., каб. сы-, уы-, адыг. ты-, каб. ды-, адыг. шыуы-, каб. фы-/: адыг. сы-ккъ-э-к1уэ, каб. сык1-эу-к1уэ/р/ 'я иду сюда', адыг. сы-ккъэ-к1уа-гъ, каб. сы-кы1э-к1у-а-шь 'я пришел сюда', адыг. сы-ккъэ-к1-уэ-шьт, каб. сы-кы1э-к1уэ-н-шь 'я приду сюда'. Глаголы этого типа отличаются от соотносительных бесприставочных /простых/ аранжировкой префиксов: префикс динамичности перемещается, следуя уже за направительным префиксом. Ср. адыг. у-э-к1уэ, каб. у-эу-к1уэ-/р/ 'ты идешь', но адыг. уы-ккъ-э-к1уэ, каб. уы-кы1-эу-к1уэ-/р/ 'ты идешь'.

Статические глаголы сохраняют общеадыгское оформление направительного префикса с огласовкой ы: адыг. сы-ккы-шы-с, каб. сы-кыы-шы-с-шь 'я сажу сбоку'.

Переход префикса динамичности э → а- в адыгейском языке /ср. бжедуг. сы-ккъ-а-к1уэ 'я иду сюда', уы-ккъ-а-к1уэ 'ты идешь сюда', ккъ-а-к1уэ 'он идет сюда' /не влияет на

оформление огласовки личных аффиксов и преверба. Огласовка первого преверба меняется, если глагол включает и второй направительный преверб. Ср. адыг. ккы-н-э-сы 'он прибывает сюда'.

5.4. Распределение морфем одноличного глагола

Одноличные глаголы включают различные аффиксы, не влияющие на число лиц в глаголе. К ним относятся аффиксы направления, позволительности, локальности, возвратности и др. Морфемы личной формы одноличного глагола распределяются следующим образом.¹

1. С префиксом направления: С-Н-Д-К; ср. адыг. сы-ккы-э-кыуэ, каб. сы-кы1-о-кыуэ 'я иду сюда'.

2. С префиксами направления и позволительности: С-Н-П₁-К; ср. адыг. сы-ккыэ-рэ-кыу, каб. сы-кы1ы-ре-кыуэ 'пусть я приду сюда'.

3. С префиксами направления, позволительности, негатива и возвратности С-Н-П₁-Н₁-К-В₁; ср. каб. фы-кы1ы-ре-мы-кыуэ-ж 'пусть вы не придете обратно'.

4. С аффиксами направления, позволительности, негатива, возвратности, завершенности действия: С-Н-П₁-Н₁-К-В₁-З: каб. сн-кы1ы-ре-мы-кыуэ-жы-хэ 'пусть я совсем не приду сюда обратно'.

Приведенные модели одноличного многоморфемного глагола сложились в эпоху общеадыгского единства. Иначе трудно объяснить их наличие во всех адыгских диалектах. Другое

¹ Здесь и далее для обозначения субъектно-объектных аффиксов и других значимых элементов многоморфемной личной формы приняты сокращения: С - субъект, С₁ - соучастие, О - прямой объект, О₁ - первый косвенный объект, О₂ - второй косвенный объект, О₃ - третий косвенный объект, Н - направление, Н₁ - негатив, В - версия, В₁ - возвратность, В₂ - время, Л - локальность, Д - динамичность, П - побудительность, П₁ - позволительность, З - завершенность, К - корень /основа/.

дело — некоторые поздние диалектные инновации, связанные с огласовкой морфем, в частности, префикса субъекта, повелительности и корня: *уэ-рйэ-к1уэ → адыг., уэ-рэ-к1у, каб. уы-рйэ-к1уэ 'пусть ты идешь', *уэ-рйэ-чъэ → адыг. уэ-рэ-чъ, каб. уы-рйэ-жэ 'пусть ты бежишь'.

Что касается основных моделей, то они унаследованы общеадыгским языком от западнокавказского состояния, что подтверждается их однотипностью во всех западнокавказских языках: каб. сы-мы-к1уэ, убых. сы-м-к1ьа-н 'я не иду', адыг. сы-ккъэ-к1уа-гъ, убых. сы-й-к1ьа-кыа, абх. с-аа-и-т1 'я пришел сюда'.

5.5. Двухличные простые глаголы

Различается несколько типов двухличных простых переходных глаголов. К простым переходным относятся глаголы типа общеадыг. хы-н 'нести', шы-н 'делать', зы-н 'цедить', хуы-н 'гнать'. Последние стабильны по своей основе, т.е. одновременно не образуют парадигмы непереходных глаголов. Их функционирование во всех адыгских диалектах лишь в классе переходных глаголов дает основания утверждать, что подобные глаголы обладали стабильностью основы в эпоху общеадыгского языка.

В отличие от общеадыгских стабильных глаголов простые переходные глаголы типа ды-н 'шить', тхы-н 'писать', шхы-н 'есть', гуы-н 'толочь', 'рушить' имеют соотносительные непереходные пары с э- основой: дэ-н 'шить вообще', тхэ-н 'писать вообще', шхэ-н 'есть вообще', гуэ-н 'толочь, рушить вообще'. При этом непереходный глагол может быть не только одноличным, но двухличным и трехличным. Ср. трехчленные оппозиции типа адыг. йэ-т1ы, каб. йэ-т1 'он копает что-то', адыг., каб. ма-т1э 'он копает вообще', адыг. йэ-т1э: ар ч1ыгуым йэ-т1э 'он копается в земле' /Гишев, 1968, 3-35/. Третий член оппозиций /непереходный двухличный глагол/ адыгейское новообразование, в то время как двучленные противопоставления типа йэ-т1ы 'он копает что-то' — ма-т1э 'он копает вообще' восходит к общеадыгскому состоянию. Ср. также адыг. йэ-бзы, каб.

йэ-бз 'он режет, кроит что-то' — адыг., каб. ма-бзэ 'он режет, кроит вообще', адыг. йэ-бзэ 'режет' /двухличный непереходный/, адыг. йэ-уыпсэ, каб. йэ-уыпс 'он бреет что-то' — адыг., каб. мэ-уыпсэ 'он бреет вообще' — адыг. йэ-уыпсэ 'он бреет' /двухличный непереходный/.

В простых двухличных переходных глаголах префиксы субъекта, прямого объекта, динамичности и корневой морфемы распределяются по модели О-С-Д-К: адыг. уы-с-э-лъэгъуы, каб. уы-з-о-лъагъу 'тебя я вижу'. Указанный порядок распределения личных аффиксов и корня переходного глагола — общий для всех западнокавказских языков: убых. уы-з-би-ан, абх. уы-з-бот1 'тебя я вижу', убых. шъуы-з-биан, абх. шъуы-з-бот1 'вас я вижу'. Отсюда есть основания утверждать, что рассматриваемая модель восходит к праязыковому /западнокавказскому/ состоянию. В период после распада общеадыгского единства произошли изменения, касающиеся как фонетического оформления личных аффиксов, так и морфологического выражения формы 3-го лица. В адыгских языках прямой объект 3-го лица выражается нулевым аффиксом: адыг. с-э-лъэгъуы, каб. с-о-лъагъу 'я его вижу'. Наличие аффикса прямого объекта 3-го лица в двухличных переходных глаголах убыхского языка предполагает его отпадение еще в период общеадыгского единства: убых. /а/з-бийан 'я его вижу', а-з-бийан 'я их вижу'.

Числовое противопоставление прямого объекта 3-го лица типа адыг. йэ-лъэгъуы 'он его видит' — йэ-лъэгъуы-х 'он их видит' — адыгейское новообразование. В презентной форме озвончение личных префиксов 1-го лица ед. числа и 2-го лица мн. числа в интервокальном положении — кабардинская инновация: уы-з-о-лъагъу ← *уы-сы-уэ-лъэгъуы 'тебя я вижу', сы-в-о-лъагъу ← *сы-шъуы-уэ-лъэгъуы 'меня вы видите'. Кроме того, в зависимости от наличия /отсутствия/ аффикса объекта фонетически видоизменяется аффикс субъекта 2-го лица ед.ч. Ср. каб. сы-б-о-лъагъу ← *сы-уы-уэ-лъэгъуы 'меня ты видишь', но вариантыны формы у-о-лъагъу, б-о-лъагъу 'ты его видишь'. В презентной форме к адыгейским новообразованиям должно быть отнесено отпадение со-

нантического элемента личного аффикса 3-го лица мн.ч.: адыг. а-лъэгъуы ←^х йа-лъэгъуы 'они видят что-то'. С точки зрения оформления личных аффиксов презентная форма отличается от форм прош. и буд. времени. Так, отсутствие интервокальных условий способствует сохранению общеадыгской формы личных аффиксов, подвергающихся озвончению в презентной форме: каб. уы-з-о-хъ 'я тебя несу', но уы-с-хъашъ 'я тебя нес', уы-с-хъыншъ 'я тебя понесу'.

Различия в оформлении личных аффиксов определяется также фонетическим строением глагольной основы: адыг. с-лъэгъуыгъ, каб. с-лъэгъуашъ 'я видел', но адыг. сы-убы-тыгъ, каб. сы-убыдашъ 'я его схватил', каб. п-лъэгъуы-нышъ 'ты увидишь', адыг. уы-убытышът, каб. уы-убыдынышъ 'ты схватишь'. В кабардинском языке основы с фактитивным у-допускают вариантное оформление личного аффикса 2-го лица ед. числа, что явно относится к поздним инновациям: уы-укълэбзашъ, бы-укълэбзашъ 'ты чистил', уы-уычлашъ, бы-уы-члашъ 'ты убил'.

Диалектные особенности позволяют реконструировать общеадыгское оформление личных аффиксов двухличных переходных глаголов. В этом отношении показательны данные бжедугского диалекта, сохраняющего общеадыгскую огласовку личных аффиксов 1 — 2-го лица, в то время как в других адыгских диалектах отмечаются фонетические изменения в период после распада праязыкового единства. Ср. бжед. сы-дзыгъэ 'я бросил', уы-дзыгъэ 'ты бросил', ты-дзыгъэ 'мы бросили', шъуы-дзыгъэ 'вы бросили', где личные префиксы субъекта сохраняют общеадыгское оформление, тогда как для других диалектов характерна нулевая огласовка: темирг., абадз. з-дзыгъэ, каб. з-дзашъ 'я бросил', темирг. абадз. д-дзыгъэ, каб. д-дзашъ 'мы бросили' и т.д.

Различия между адыгскими языками в оформлении личного аффикса 3-го лица при отсутствии /нулевого выражении/ объектного показателя обусловлено инновационными процессами в адыгейских диалектах. Ср. адыг. ы-тхыгъ, каб. йы-тхашъ 'он написал что-то', адыг. а-тхыгъ, каб. йа-тхашъ 'они написали', где кабардинский язык продолжает обще-

адыгское оформление личных аффиксов /йы-, йа-/. Однотипное же оформление тех же аффиксов при наличии объектных аффиксов /адыг. сы-й-хыгъ, каб. сы-й-хъашъ 'он меня унес', адыг. с-а-хыгъ, каб. с-а-хъашъ 'они меня унесли'/ может быть приписано общеадыгскому состоянию, хотя и в этой позиции для раннеобщеадыгского языка должны быть реконструированы архетипы *йы-, *йа-: *сы-йы-хыгъэ → адыг. сы-й-хыгъ, каб. сы-й-хъашъ → с-и-хъашъ 'он меня унес', *сы-йа-хыгъэ → адыг. с-а-хыгъ, каб. с-а-хъашъ 'они меня унесли'.

В формах прош. и буд. времени наряду с описанными закономерностями оформления огласовки личных аффиксов происходят фонетические изменения на стыке субъектного аффикса и нулевой ступени чередования и консонантного элемента корневой морфемы. Ассимилятивные явления могут быть общими для адыгских языков или частными, т.е. ограниченными одним языком или группой диалектов. Аффикс субъекта 1-го лица ед. числа с- в адыгских диалектах в положении перед звонким согласным изменяется в з-: адыг. с-гъыч1ыгъэ → згъыч1ыгъэ, каб. с-жъыш1ашъ → зжъыш1ашъ 'я постирал', адыг. с-гъэзбыбыгъ → згъэзбыбыгъ, каб. с-гъэлъэташъ → згъэлъэташъ 'я заставил его улететь'. В адыгейском языке слияние афф. с- со следующим согласным дает аффрикаты: с + шъ → ч, с + ш → чъ, с + ш1 → ц1ъ: с-шъагъэ → чагъэ 'я продал', с-шхыгъэ → чъхыгъэ 'я съел', с-ш1ыгъэ → ц1ыгъэ 'я сделал'. Аффикс субъекта 1-го лица мн. числа адыг. т-, каб. д- изменяется в т1- перед абруптивами: адыг. т-п1уыгъэ → т1п1уыгъэ, каб. д-п1ашъ → т1п1ашъ 'мы воспитали'. Исключение составляет позиция перед абруптивом ш1. В этом положении адыг. т-, каб. д- /→ т1/, подвергаясь взаимной ассимиляции дают аффрикату ц1ъ: адыг. т-ш1ыгъэ → ц1ыгъэ, каб. т-ш1ашъ → ц1ашъ 'мы сделали'. Аффикс д- в кабардинском языке в положении перед глухими придыхательными, за исключением свистяще-шипящего спиранта шъ, повсеместно изменяется в т-: д-хъашъ → тхъашъ 'мы несли'. Аффиксы т-, д- и спирант шъ в соседстве дают аффрикату цъ: адыг. т-шъагъэ → цъагъэ 'мы ткали', каб. т-шъашъ → цъашъ

'мы продали'. В адыгейском языке афф. т- в положении перед звонкими изменяется в д-: т-гыч1ыгъэ → дгыч1ыгъэ 'мы постирали'.

Аффикс субъекта 2-го лица ед. числа у- в адыгских языках изменяется в б- перед звонкими согласными, в п- перед глухими согласными, в п1- перед абруптивами: адыг. б1ыч1ыгъэ, каб. бжыш1ашъ 'ты постирал', адыг. пхыгъэ, каб. пхъашъ 'ты носил', адыг. п1шыгъэ, каб. п1ш1ашъ 'ты сделал'. Аффикс субъекта 2-го лица мн. числа шъу-, ф- подвергается озвончению перед звонкими согласными и абруптивации перед абруптивными: адыг. шъу-гыч1ыгъ → жъугыч1ыгъэ, каб. ф-жыш1аш1 → вжыш1аш1 'вы постирали', адыг. шъу-шыгъэ → ш1ушыгъэ, каб. ф-ш1ашъ → ф1ш1ашъ 'вы сделали'. В положении перед звонкими согласными афф. шъу-, как и афф. с-, т-, не озвончается в бжедугском диалекте.

В простых двухличных непереходных глаголах префиксы субъекта, косвенного объекта, динамичности и корневой морфемы распределяются по модели: С-О₁-Д-К: адыг. сы-шъу-э-жэ, каб. сы-в-о-жъэ 'я вас жду', адыг. ты-шъу-э-жэ, каб. ды-в-о-жъэ 'мы вас ждем'. Подобное распределение личных префиксов двухличного непереходного глагола характерно также для убыхского, абхазского и абазинского языков, что позволяет приписать его западнокавказскому состоянию: убых. сы-уы-йа-н, абх. с-уы-с-у-ейт1 'я тебя бью'.

Субъект 3-го лица выражается нулевым аффиксом: адыг. й-э-жэ, каб. й-о-жъэ 'он его ждет'. Вместе с тем форма 3-го лица более дифференцирована в адыгейском языке: адыг. й-э-жэ 'он его ждет', й-а-жэ 'он их ждет', каб. й-о-жъэ 'он его/их/ ждет'. Различия между адыгскими языками касаются также формы выражения объекта 2-го лица ед. числа: *ты-уэ-уэ-жэ → адыг. ты-у-э-жэ, каб. ды-н-о-жъэ 'мы тебя ждем'; *сы-уэ-уэ-жэ → адыг. сы-у-э-жэ, каб. сы-н-о-жъэ 'я тебя жду', где в кабардинском языке имеет место слияние префикса уэ- с префиксом динамичности уэ-.

5.6. Двухличные производные глаголы

Двухличный переходный глагол с префиксом побудительности характеризуется дистрибуцией: О-С-П-К-В₂. Ср. адыг.

уы-з-гъэ-к1уа-гъ 'я заставил тебя идти'. Двухличный переходный глагол с префиксами направления и каузатива имеет дистрибуцию: О-Н-С-П-К-В₂. Ср. адыг. уы-ккъэ-з-гъэ-к1уа-гъ 'я заставил тебя идти сюда'. Подобное же распределение морфем производного двухличного глагола, побудительности и направления свойственно всем западнокавказским языкам: убух. шъуы-з-гъа-к1ъан 'я заставляю вас идти', абх д-на-р-гейт1 'они его /человека/ повели туда'. В данном случае однотипность модели едва ли может быть объяснена параллельным развитием: скорее всего, мы имеем дело с продолжением западнокавказского состояния с точки зрения дистрибуции морфем. То же можно сказать о распределении морфем двухличного глагола с отрицательным префиксом, стоящим впереди корня при отсутствии каузативного префикса: каб. уы-э-мы-лъагъу, убух. уы-сы-м-б1ан, абх. уы-сы-м-бойт1 'я тебя не вижу'.

В современных адыгских языках разнообразны способы образования двухличных непереходных глаголов. В этих целях применяются префиксы соучастия, версии, локальности и др., составляющие разные модели многоморфемной личной формы.

1. С префиксом соучастия: С-О₁-С₁-Д-К: адыг. сы-б-д-э-к1уэ, каб. сы-б-д-о-к1уэ 'я иду вместе с тобой'.
2. С префиксами направления и соучастия: С-О₁-Н-С₁-Д-К: каб. с-а-к1ы-д-о-к1уэ 'я иду вместе с ними сюда'.
3. С префиксом версии: С-О₁-В-Д-К: адыг. с-а-ш1у-э-к1уэ, каб. с-а-ф1-о-к1уэ 'я иду с ними против их желания'.
4. С префиксами направления и локальности: С-О₁-Н-Л-Д-К: каб. с-а-к1ы-гу-о-хъэ 'я подхожу к ним сбоку'.
5. С префиксами направления, версии и негатива: С-Н-О₁-В-Н₁-К: каб. сы-к1ы-ф-хуэ-мы-к1уэ 'я не хожу для вас сюда'.
6. С префиксами направления, соучастия, позво-лительности и негатива: С-Н-О₁-С₁-П₁-Н₁-К: каб. сы-к1ы-в-ды-р1э-мы-к1уэ 'пусть я не хожу с вами сюда'.

Аналогичное распределение морфем двухличного непереходного глагола характерно также для других родственных языков, что говорит о древности сложения рассматриваемых

моделей личных форм во всей группе западнокавказских языков: абх. с-и-з-ц-ойт1 'я для него иду'; с-и-цу-ц-ойт1 'я от него иду', с-и-ц-ц-ойт1 'я с ним иду', с-и-ц-гыл-ейт1 'я с ним встал' и др. В распределении морфем производных двухличных непереходных глаголов отмечаются некоторые отклонения от праязыковых моделей, что является поздней диалектной инновацией. Как отмечалось, сюда могут быть отнесены формы типа абадз. уы-з-д-э-к1уэ 'я с тобой иду', шыуы-з-д-э-к1уэ 'я с вами иду', употребляющиеся наряду с соотносительными традиционными формами сы-б-д-э-к1уэ 'я с тобой иду', сы-жыу-д-э-к1уэ 'я с вами иду'. Характерно, что перестройка аранжировки личных аффиксов охватывает не только глаголы с префиксами соучастия и версии, но и другие группы производных глаголов. Ср. варианты формы типа абадз. сы-шыу-э-дэ1у, шыуы-с-э-дэ1у 'я вас слушаю' /Меретуков, 1985, 144-145/. Подобное перераспределение личных аффиксов двухличного непереходного глагола не получило широкого распространения, а охватывает лишь некоторые диалектные ареалы адыгейского языка.

Наряду с указанными средствами образования двухличных непереходных глаголов используются: 1/ направительный суф. -ч1/ы/: адыг. ма-плээ 'он смотрит', й-э-плээ-ч1ы, каб. й-о-плээ-ч1 'он смотрит вокруг кого-чего-либо'; 2/ суф. -л1/э/: й-э-чъа-л1э, каб. й-о-жа-л1э 'он бежит к кому-чему-либо'; 3/ корневой элемент -х/ы/: адыг. йэ-пшы-хы, каб. й-о-пшы-х 'он сползает с чего-либо'; 4/ чередование конечных гласных: адыг. й-э-лъэ1уы, каб. й-о-лъэ1у 'он просит его'; 5/ конверсия: каб. мэ-далуэ 'он слушает'. й-о-далуэ 'он его слушает'.

При образовании двухличных непереходных глаголов от одноличных непереходных глаголов морфологический способ сочетается с морфонологическим: морфемный элемент ч1/ы/ + чередование гласных: каб. мэ-т1ыс, йо-т1ысэ-ч1 'они садятся вокруг кого-чего-либо'; морфемный элемент -х/ы/ + чередование гласных: адыг., каб. ма-лээ 'он прыгает' адыг. й-э-лшы-хы, каб. й-о-лшы-х 'он прыгает с чего-ли-

бо'; локальный преверб + чередование гласных: адыг. с-э-чъэ, каб. с-о-жэ 'я бегу', адыг. сы-гу-э-чъы, каб. сы-гу-о-ж 'я бегу сбоку'. Степень продуктивности рассматриваемых способов преобразования одноличных глаголов в двухличные различна в разных диалектах. Однако все указанные модели двухличных глаголов характерны для всех адыгских диалектов, что позволяет отнести их сложение к общеадыгской эпохе.

5.7. Трехличные простые глаголы

Трехличными с простыми основами /корнями/ могут быть только переходные глаголы: адыг. шъу-йэ-с-ты-гъ, каб. ф-йэ-с-т-а-шъ 'я вас ему отдал', адыг. шъу-йэ-с-пхы-гъ, каб. ф-йэ-с-пх-а-шъ 'я вас привязал к нему'. Простой трехличный переходный глагол характеризуется дистрибуцией О-О₁-С-Д-К: адыг. у-йа-с-э-ты, каб. у-а-з-о-т 'я тебя им отдаю'. Порядок распределения личных аффиксов и корневой морфемы является общим для всех западнокавказских языков: убых. шъ-а-у-туан 'нас им ты отдаешь', абх. у-йы-с-тойт1 'тебя /м./ ему я отдаю'. При устойчивости порядка распределения субъектно-объектных аффиксов, восходящего к западнокавказскому уровню, обращают на себя внимание расхождения между адыгскими языками, касающиеся форм выражения прямого и косвенного объекта 3-го лица. В презентной форме адыг. у-йэ-с-э-ты, каб. уы-з-о-т 'я тебя ему отдаю' адыгейский язык продолжает общеадыгское состояние, сохраняя префикс косвенного объекта йэ- в положении перед префиксом субъекта, в то время как кабардинский язык утратил его. В результате в кабардинском личная форма стала омонимичной уы-з-о-т: 'я тебя /им/ ему отдаю'; 'я его /их/ тебе отдаю'.

В зависимости от контекста личный префикс 2-го лица ед. числа уы- приобретает функции префикса прямого объекта и префикса косвенного объекта. Соответственно нулевым префиксом выражаются функции: 1/ личного префикса прямого объекта 3-го лица ед. числа; 2/ личного префикса объекта

3-го лица мн. числа; 3/ личного префикса косвенного объекта 3-го лица ед. числа; 4/ личного префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа. Характерно, что в формах прош. и буд. времени кабардинский язык /как и адыгейский/ сохраняет префикс косвенного объекта 3-го лица: у-йэ-с-ташь 'я тебя ему отдал', у-йэ-с-тыньш 'я тебя ему отдам'. Однако омонимичные формы типа ф-йэ-с-ташь 'я вас ему /им/ отдал' наряду с однозначными ф-ай-с-ташь 'я вас им отдал' показывают тенденцию к нейтрализации числового противопоставления форм 3-го лица косвенного объекта. В отношении префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа, стоящего перед префиксами прямого объекта 1 — 2-го лица адыгейский язык удерживает общеадыгскую форму, в то время как кабардинский язык утрачивает сонантический элемент префикса: адыг. у-йа-с-э-ты, каб. у-а-з-о-т 'я тебя им отдаю'.

Иначе обстоит дело с префиксом косвенного объекта в положении перед префиксом субъекта 3-го лица. Речь идет о формах типа адыг. рйэты, каб. йырйэт 'он ему дает кого-то-н.'. В их строении отмечаются существенные расхождения между адыгскими языками. Специалисты по-разному интерпретируют эти расхождения. Н.Ф.Яковлев считал, что адыгейский язык сохранил исходную форму выражения лица, а кабардинский язык приобрел начальный /надставной - по его терминологии/ преф. йы- /орф. и-/. Что касается адыг. р-йэ-ты /орф. реты/ 'он ему дает кого-то-н.', то Н.Ф.Яковлев расчленяет его на р-йэ-ты, где р- рассматривается им как префикс косвенного объекта /Яковлев, 1948, 98/. В то же время по непонятным причинам в каб. йы-р-йэ-т /орф. и-р-е-т/ 'он ему дает кого-то-н.' автор считает йы- префиксом субъекта, р- префиксом косвенного объекта, йэ- префиксом прямого объекта /Там же/. По мнению того же автора, преф. р/ы/- является "по происхождению префиксом 3-го лица непереходного субъекта, в прямой форме сохраняющимся в этом значении в шапсугском диалекте адыгейского языка в прошедшем совершенном времени, например, рэ-дагъэ 'он пошил, шил'" /Там же/. Наличие "надставного" префикса йы- в

кабардинском языке Н.Ф.Яковлев объясняет фонетическими причинами — невозможностью сонорного р в начальной позиции.

Иначе объясняют происхождение р Г.В.Рогава и З.И.Керашева, согласно которым перед показателем 3-го лица субъекта йы-/йа-/ префикс косвенного отношения йэ- переходит в р/э/-: *йэ-йы-тыгъ → р-и-тыгъ 'он дал ему то', *йэ-йа-йы-тыгъ → р-а-тыгъ 'они дали ему то' /Рогава, Керашева, 1966, 159/. Однако авторы не исключают и другой интерпретации:

"...возможно, восстанавливается сонорный р, исходный для й" /Там же/. Мнение Н.Ф.Яковлева о чисто фонетическом происхождении и инновационном характере йы- в каб. йы-р-йэ-т 'он ему отдает кого-что-н.' не может быть принято в силу того, что преф. йы- является показателем объекта 3-го лица ед. числа. Новообразованием следует считать скорее всего формы без начального префикса 3-го лица или с утратой его сонантического элемента, что характерно для адыгейского: адыг. р-и-тыгъ, каб. йы-р-и-ташь 'он ему отдал кого-что-н.', адыг. ы-тхыгъ, каб. йы-тхашь 'он написал что-н.'.

Вообще в специальной литературе вопрос о строении формы 3-го лица треличных переходных глаголов не получил однозначного решения. В синхронном плане допустимо считать, что формы типа каб. йырйэт 'он ему дает кого-что-н.', йарйэт 'он им дает кого-что-н.' различаются префиксами йы-, йа-, выражающими числовое противопоставление косвенного объекта 3-го лица /йы- 'ему', йа- 'им'/. Однако можно предположить и другое объяснение соотношений между указанными формами. Форма йырйэт 'он ему дает кого-что-н.' имеет строение йы-р-йэ-т, а форма йарйэт 'он им дает кого-что-н.' — й-ар-йэ-т, т.е. последние различаются не преф. йы-, йа- /как это имеет место при членении йы-р-йэ-т, йа-р-йэ-т/, а преф. р-, ар-, выражающими числовое противопоставление косвенного объекта 3-го лица. Соответственно формы сырйэт 'он меня ему отдает' состоит из сы-р-йэ-т, а форма сарйэт 'он меня им отдаст' — из с-ар-йэ-т, т.е. последние различаются также преф. р- 'ему', ар- 'им'. Подобное членение

предполагает, что адыг. арйэты 'он им дает кого-что-н.' состоит не из а-р-йэ-ты /Dimezil, 1975, 99/, а из ар-йэ-ты, где ар- также /как и в кабардинском языке/ выступает маркером косвенного объекта 3-го лица мн.числа. Однако в адыгейском в отличие от кабардинского отсутствует префикс прямого объекта й- /←^жйы-/: адыг. ар-йэ-ты, каб. й-ар-йэ-т 'он им дает кого-что-н.'.

Вместе с тем форма префикса косвенного объекта 3-го лица мн.числа ар- не может быть исходной не только для общеадыгского состояния. В форме ар- элемент р следует рассматривать либо как фонетическое наращение на стыке морфем, что характерно для адыгских языков /ср. каб. пхы-хуы→пхы-ры-хуы 'пробить'/, либо как результат перехода й→р. Однако в последнем случае фонетическое строение префикса /последовательность VC/ необычно для адыгских языков. Есть основания предположить /если принять переход й→р/, что имело место преобразование CV→KC /ра-→ар-/. Это поддерживается неустойчивостью префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа в глагольной словоформе: каб. с-а-кыи-дэ-кыуаш←^жсы-кы1-а-дэ-кыуаш 'я с ними пришел сюда'; варианты в адыгейском: сы-ккы-а-дэ-кыуаг, с-а-ккы-дэ-кыуаг 'я с ними пришел сюда'. Отсюда для адыг. ар-йэ-ты, каб. й-ар-йэ-т 'может быть принята реконструкция ^жйы-ра-йэ-ты←^жйы-йа-йэ-ты 'он им дает кого-что-н.'.

Как видно, полнота парадигмы спряжения трехличного переходного глагола, свойственная 1 — 2-му лицу, нарушается в 3-м лице. При этом ущербность парадигмы 3-го лица восходит к общеадыгскому состоянию. Такие явления, как отсутствие префикса прямого объекта 3-го лица ед. и мн. числа могут быть приписаны общеадыгскому состоянию: каб. фы-з-о-т 'я его /их/ вам отдаю', йэ-с-таш 'я его /их/ ему отдал'. В этом отношении общеадыгский язык сближается с убыхским языком. Ср. убых. а-с-туы 'я его им даю', а-с-туан 'я их им даю', где прямой объект 3-го лица ед. и мн. числа выражен нулевым аффиксом. Отсюда можно сделать вывод, что ущербность парадигмы 3-го лица восходит

к более ранним хронологическим уровням, чем общеадыгскому. В частности, отсутствие префикса прямого объекта 3-го лица едва ли можно объяснить поздним параллельным развитием адыгейского, кабардинского и убыхского языков. В то же время в этих языках отмечаются явления, относящиеся к бесспорным инновациям. К ним прежде всего должны быть причислены тенденции к компенсации неполноты спряжения 3-го лица трехличного переходного глагола с помощью нетрадиционного суффиксального и морфонологического противопоставления личных форм: адыг. шъуэ-сэ-ты 'я его вам даю' - шъуэ-с-э-ты-х 'я их вам даю', убых. а-у-туын 'ты его даешь им' - а-у-ту-ан 'ты их даешь им'.

5.8. ТРЕХЛИЧНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Трехличными производными могут быть как переходные, так и непереходные глаголы. Трехличные производные глаголы образуются от двухличных с помощью аффиксов локальности, союзности, версии, каузатива, направления и т.д. Морфемы трехличного глагола распределяются следующим образом.

1. Переходный глагол с префиксом локальности: $O-O_1-L-C-D-K$: адыг. у-а-хэ-с-э-шьы, каб. у-а-хы-э-о-ш 'я вывожу тебя из них'.
2. Непереходный глагол с префиксами версии или союзности: $C-O_1-B/C_1/O_1-K-B_2$: адыг. сы-п-ф-йэ-плъы-гъ 'я для тебя смотрел', сы-б-д-йэ-плъы-гъ 'я вместе с тобой смотрел'.
3. Переходный глагол с префиксами версии или союзности: $O-O_1-C_1/B/-C-D-K$: адыг. у-а-ды-с-э-шьэ, 'я тебя веду /веду/ вместе с ними', с-а-фэ-у-э-шьэ 'ты меня ведешь /ведешь/ для них'.
4. Непереходный глагол с префиксами соучастия и направления: $C-H-O_1-C_1-O_2-K-B_2$: адыг. уы-ккы-э-д-йэ-жа-гъ 'ты со мной ждал его'.
5. Переходный глагол с префиксами соучастия и направления: $O-O_1-H-C_1-C-K-B_2$: адыг. с-а-ккы-дэ-п-хы-гъ 'ты меня вместе с ними принес сюда'.

6. Непереходный глагол с префиксами направления, версии и локальности: $C-H-O_1-B-O_2-K-B_2$: адыг. сы-ккы-п-фы-т-йэ-хьа-гъ 'я для тебя всходил на поверхность чего-то'.

7. Переходный глагол с префиксами направления и побудительности: $O-H-O_1-C-P-K-B_2$: адыг. ун-ккъ-йэ-з-гъэ-хьы-гъ 'я заставил его нести тебя сюда'.

8. Переходный глагол с префиксами направления, версии, соучастия, побудительности: $O-O_1-H-O_2-B-C_1-C-P-K-B_2$: каб. у-а-кыы-с-хуы-д-и-гъэ-к1у-а-шь 'он заставил тебя прийти сюда вместе с ними для меня'.

9. Непереходный глагол с префиксом направления, соучастия и императива: $C-C_1-H-C_1-O_2-P_1-K$: адыг. с-а-ккы-д-йэ-рэ-плъ 'пусть я вместе с ними посмотрю'.

10. Переходный глагол с префиксами соучастия, отрицания и побудительности: $O-O_1-C_1-C-H-P-K$: каб. у-а-дэ-з-мы-гъа-к1уэ 'я не позволяю тебе идти вместе с ними'.

Все перечисленные модели /число их может быть увеличено/ личных форм трехличных глаголов восходят к общеадыгскому состоянию. Более того, данные других западнокавказских языков свидетельствуют о том, что порядок следования префиксальных морфем /префиксов субъекта, объекта, локализации, направления, соучастия, версии, каузатива, отрицания и корня/ трехличного глагола сложился в более ранний хронологический период. Ср., например, порядок расположения морфем трехличного глагола, восходящий к адыгско-убыхскому уровню: адыг., каб. у-ай-з-мы-гъэ-лъагъу, убых. у-а-сы-м-ды-б1а-н 'я не показываю тебя им'.

Порядок расположения морфем трехличного глагола обнаруживает и некоторые инновации, относящиеся к периоду после распада общеадыгского единства. К ним относится, в частности, перестановка префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа. Ср. адыг. сы-ккъ-а-дэ-к1уа-гъ, но каб. с-а-кыы-дэ-к1у-а-шь 'я пришел вместе с ними сюда', адыг. сы-ккъ-а-дэ-рэ-к1у, но каб. с-а-кыы-ды-р1э-к1уэ 'пусть я вместе с ними приду сюда'. Характерно, что в подобных формах речь идет не только о перестановке префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа а-, но и о различиях

между адыгскими языками в оформлении префиксов направления, соучастия и позволительности: адыг. ккь-, дэ-, рэ-, каб. кыы-, ды-, рыэ-. Расхождения касаются также полноты строения парадигмы. Так, косвенный объект 3-го лица ед. числа в глаголах, включающих префиксы версии или соучастия, выражен нулевым аффиксом: адыг. фэ-с-хыгъ 'я носил для него', но йэ-с-тыгъ 'я отдал ему'. Зато противопоставление форм числа 3-го лица косвенного объекта, за исключением форм, включающих префикс субъекта 3-го лица мн. числа, реализуется последовательно. Ср. оппозитивные формы числа косвенного объекта 3-го лица в кабардинском дэ-с-хъ-а-шь 'я носил его /их/ вместе с ним, йа-дэ-с-хъ-а-шь 'я носил его /их/ вместе с ними' при возможности употребления внеаппозитивных форм числа косвенного объекта 3-го лица типа йэ-с-т-а-шь 'я отдал ему /им/', йэ-п-т-а-шь 'ты отдал ему /им/'. В кабардинском языке в производных глаголах /как и в простых/ с префиксом субъекта 3-го лица мн. числа а- снимается противопоставление форм числа косвенного объекта 3-го лица: уы-ху-а-п1-а-шь 'они воспитали тебя для него /них/'. Существенные расхождения между простыми и производными глаголами обнаруживаются в оформлении огласовки личных аффиксов.

По оформлению огласовки аффиксов лица и версии парадигма личных форм прош. времени тождественна парадигме буд. времени. Парадигма личных аффиксов наст. времени отличается от парадигм прош. и буд. времени оформлением аффиксов субъекта и версии. В обоих языках в парадигме наст. времени нормальная ступень огласовки и версионного аффикса в позициях перед аффиксом субъекта 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа чередуется с нулевой ступенью огласовки в позиции перед аффиксом субъекта 3-го лица ед. и мн. числа: адыг. уы-фэ-с-э-п1уы, каб. уы-хуы-з-о-п1 'я воспитываю тебя для него', адыг. уы-фэ-т-э-п1уы, каб. уы-хуы-д-о-п1 'мы воспитываем тебя для него', адыг. уы-ф-йэ-п1уы, каб. уы-ху-е-п1 'он воспитывает тебя для него'. Парадигмы личных форм настоящего, прошедшего и будущего имеют тождественную огласовку аффиксов лица, версии /и соучастия/ в по-

зиции перед субъектным преф. а-: Ср.: адыг. уы-с-ф-а-пIу-ыгъ, каб. уы-с-ху-а-пIашъ 'они воспитали тебя для меня', адыг. уы-с-ф-а-пIуышът, каб. уы-с-ху-а-пIы-н-шъ 'они воспитают тебя для меня', адыг. уы-с-ф-а-пIуы, каб. уы-с-ху-а-пI 'они воспитывают тебя для меня'.

В кабардинском языке трехличные производные глаголы /с префиксом версии и соучастия/ позиционно ограничены с точки зрения их дифференциации по лицам косвенного объекта. Глаголы с указанными основообразующими префиксами в кабардинском языке не маркируют противопоставления форм числа косвенного объекта 3-го лица, если личная форма включает аффикс субъекта 3-го лица мн. числа. Формы уы-хуэ-с-ш-а-шъ 'я тебя повел для него', у-а-хуэ-с-ш-а-шъ 'я тебя повел для них', уы-дэ-с-ш-а-шъ 'я тебя повел с ним', у-а-д-э-с-ш-а-шъ 'я тебя повел с ними' противопоставляются тем, что косвенный объект 3-го лица ед. числа выражается нулевым аффиксом, а косвенный объект 3-го лица мн. числа — преф. а-, тогда как формы уы-ху-а-ш-а-шъ 'они тебя повели для него /них/', уы-д-а-ш-а-шъ 'они тебя повели с ним /с ними/' остаются немаркированными: лицо и число косвенного объекта выражены нулем. Отсутствие числового противопоставления косвенного объекта 3-го лица в кабардинском языке, а также стремление к различению форм числа прямого объекта 3-го лица с помощью суф. -х в адыгейском языке не только способствует образованию инновационных черт, но и создает базу для возникновения омонимичных форм в одном из сравниваемых языков: адыг. у-а-ф-а-хъы-гъ 'они несли тебя для них', каб. уы-ху-хъ-а-шъ 'они несли тебя для него /для них/', адыг. ф-а-хъы-гъэ-х 'они несли их для него', каб. ху-а-хъ-а-шъ 'они несли его /их/ для него /для них/'.

Между адыгскими языками также имеются расхождения в строении парадигмы трехличных непереходных глаголов. В кабардинском языке трехличный непереходный глагол реализует противопоставления не всех форм субъекта и объекта. Субъект 3-го лица ед. и мн. числа остается не выраженным морфологически; каб. къIы-з-д-йэ-плъ-а-шъ 'он /они/ со

мной смотрел /смотрели/ на кого-что-н.'. Подобное явление восходит к общеадыгскому состоянию, в то время как выражение субъекта 3-го лица ед. и мн. числа чередованием суф. -х с нулем — поздняя адыгейская инновация: адыг. ккы-з-д-йэ-плы-гъ 'он со мной смотрел на кого-что-н.', ккы-з-д-йэ-плы-гъз-х 'они со мной смотрели на кого-что-н.'. К общеадыгскому состоянию восходит также выражение косвенного объекта 3-го лица ед. ч. /лица соучастника действия или версионного действия/ нулевым аффиксом: адыг. д-йэ-плы-гъ 'он смотрел вместе с ним на кого-что-н.', но а-д-йэ-плы-гъ 'он смотрел с ними на кого-что-н.'. При наличии форм типа каб. сы-п1-фы-дэ-к1у-а-шь 'я против твоей воли пошел с ним /с ними/', сы-п-хуы-дэ-к1у-а-шь 'я ради тебя пошел с ним /с ними/' невозможны формы в значении 'ты ради него пошел со мной', 'ты против его воли пошел со мной', 'он ради него пошел со мной' и др. Парадигматический ряд дефектен, что также унаследовано от общеадыгского состояния. При этом степень дифференциации глагола зависит от состава словообразовательных аффиксов, входящих в основу. Ср. также трехличные непереходные глаголы типа каб. уы-с-хуы-бгъэдэ-хъ-а-шь 'ты ради меня подошел к нему /к ним/', сы-п-хуы-бгъэдэ-хъ-а-шь 'я ради тебя подошел к нему /к ним/'. Изменяясь по лицам субъекта и версионного объекта, глагол обладает только немаркированной формой 3-го лица второго косвенного объекта. Субъектно-объектные образования со вторым косвенным объектом 1-го и 2-го лица невозможны: нет форм в значении 'ты ради него подошел ко мне', 'ты ради него подошел к нам', 'я ради него подошел к тебе', 'я ради него подошел к вам'.

Ущербоность парадигмы трехличных непереходных глаголов — общее явление для адыгских языков. В этом отношении, однако, имеются существенные различия между адыгскими языками. Обращает на себя внимание отсутствие в кабардинском языке дифференциации по лицам косвенного объекта — 2-го лица ед. и мн. числа. В этом языке невозможны субъектно-объектные формы типа адыг. сы-ккы-ды-уэ-жа-гъ 'я с ним ждал тебя', уы-ккы-ды-сэ-жа-гъ 'ты с ним ждал

меня'. Глагол анализируемого типа изменяется по лицам субъекта действия и соучастника действия, хотя в третьем лице субъект ед. и мн. числа и косвенный объект /соучастника действия/ ед. числа формально не маркированы. Что касается второго косвенного объекта, то в противоположность адыгейскому языку в кабардинском языке возможна лишь одна форма — немаркированная форма 3-го лица: каб. сы-б-д-йэ-жъ-а-шь 1/ 'я с тобой ждал его'; 2/ 'я с тобой ждал их', но адыг. сы-б-д-йэ-жа-гъ 'я с тобой ждал его'. Парадигматические ряды 1 — 2-го лица второго косвенного объекта отсутствуют в кабардинском языке.

В кабардинском языке омонимия субъектно-объектных форм получила широкое распространение. Ввиду того, что в трехличном непереходном глагоде число может остаться формально немаркированным с помощью суф. -х/э/, в кабардинском снимается противопоставление форм числа субъекта и объекта 3-го лица: каб. кыыздйежъашъ 1/ 'он со мной ждал его'; 2/ 'он со мной ждал их'; 3/ 'они со мной ждали его'; 4/ 'они со мной ждали их'. Немаркированной и омонимичной кабардинской форме кыыздйежъашъ в адыгейском соответствуют маркированные, оппозиционные формы: адыг. ккыздйэ жагъ 'он со мной ждал его', ккыздйажагъ 'он со мной ждал их', ккыздйэжагъэх 'они со мной ждали его', ккыздйажагъэх 'они со мной ждали их'. При отсутствии опознавательных признаков оппозитивных членов валентность личной формы 3-го лица определяется ее соотношением с 1 — 2-м лицом. В парадигмах трехличных непереходных глаголов типа адыг. фьдэк1уэ-н, каб. хуыдэк1уэ-н 'идти с ним ради него' снимается противопоставление форм ед. и мн. числа лица соучастника действия: адыг. сы-фы-дэ-к1уэ, каб. сы-хуы-до-к1уэ 'я ради него хожу с ним /с ними/', адыг. уы-с-фы-дэ-к1уэ, каб. уы-с-хуы-до-к1уэ 'ты ради меня ходишь с ним /с ними/'.

Парадигмы трехличного непереходного глагола типа адыг. дйэжэ-н, каб. дйэжэ-н 'ждать с кем-л.' настоящего и будущего времени в адыгейском языке не дают отклонений в распределении аффиксов лица, соучастия и корня. Огласовка

аффиксов лица и соучастия также совпадает в парадигмах прошедшего, настоящего и будущего времени. В кабардинском языке парадигма наст. времени отличается от парадигм прош. и буд. времени отсутствием показателя 3-го лица косвенного объекта йэ-: последний редуцируется до нуля в этом положении: каб. сы-б-д-йэ-жъ-а-шь 'я с тобой ждал его', сы-б-д-йэ-жъэ-ну-шь 'я с тобой подожду его', но сы-б-до-жъэ 'я с тобой жду его'. Что касается огласовки корневой морфемы, то правила ее оформления подчиняются общим закономерностям изменений конечных этимологических гласных перед аффиксами времени в период индивидуального развития адыгских языков и диалектов /см. раздел "Категория времени"/.

5.9. Четырехличные и пятиличные глаголы

Четырехличные переходные и непереходные глаголы могут быть только производными: они образуются от трехличных глаголов с помощью префиксов соучастия, версии и других морфем, увеличивающих число лиц в глаголе.

1. Четырехличный переходный глагол с префиксами соучастия образует модель $O-O_1-C_1-O_2-C-K-B_2$: адыг. у-а-д-йэ-с-ты-гъ, 'я тебя отдал ему вместе с ними'.

2. Четырехличный переходный глагол с префиксами направления, версии и побудительности: $O-O_1-N-B-O_2-C-P-K-B_2$: каб. у-а-кыы-хуы-з-и-гъэ-ш-а-шь 'он велел мне привести тебя сюда для них'.

3. Четырехличный переходный глагол с префиксами направления, версии и негатива: $O-O_1-N-B-O_2-C-N_1-K$: каб. у-а-кыы-ху-йэ-з-мы-т 'я не даю тебя ему для них'.

4. Четырехличный непереходный глагол с префиксами направления, соучастия, локализации и версии: $C-O_1-N-C_1-L-O_2-B-O_3-K-B_2$: адыг. у-а-ккыы-ды-шыы-с-ф-йэ-жа-гъ 'ты там с ними для меня ждал меня'.

Все абхазско-адыгские языки объединяются аранжировкой субъектно-объектных префиксов четырехличного глагола, Ср. тождественное распределение личных показателей версиянно-

го префикса и корневой морфемы в адыгейском и абхазском языках: адыг. у-а-ф-йэ-с-тыгъ 'я отдал тебя ему для них', абх. и-у-з-лы-с-тоит1 'я даю что-то ей для тебя'.

Возможны формы пятиличных глаголов, хотя они ущербны в смысле выражения всех пяти лиц положительными аффиксами: адыг. с-фы-д-йэ-жъу-гъэ-хъы-гъ, каб. с-хуы-д-йэ-в-гъэ-хъ-а-шь 'вы для меня заставили его нести с ним его', адыг. с-фы-д-йэ-шьу-1уыл1ы-гъ, каб. с-хуы-д-йэ-ф-1уыл1-а-шь 'вы для меня заставили его с ним прибить что-то к чему-то'. Не только в пятиличном, но и в четырехличном глаголе далеко не всегда все лица выражены положительными аффиксами. Так, в адыг. ф-йэ-з-гъэ-шьа-гъ, каб. ху-йэ-з-гъэ-ш-а-шь 'я заставил его /их/ вести его /их/ для него' выражен нулем не только прямой объект 3-го лица ед. и мн. числа, но и версионный объект; в адыг. ккъы-ды-с-и-ты-гъ, каб. къы-ды-з-и-т-а-шь 'он мне отдал кого-что-н. вместе с ним' прямой объект и лицо соучастника 3-го лица ед. числа выражены нулем.

Полнота парадигмы зависит от формы лица, времени и строения основы многоличного глагола. В каб. с-а-ху-йэ-б-гъэ-ш-а-шь 'ты заставил его вести меня для них' маркированы все лица четырехличного переходного глагола, в то время как в форме от того же глагола хуы-з-о-гъа-шэ 'я заставляю его вести кого-что-н. для него' из четырех лиц маркировано только одно — лицо субъекта 1-го лица ед. числа.

Имеются различия между адыгскими языками в спряжении четырехличных и пятиличных глаголов. Это выражается прежде всего в том, что в адыгейском языке в отличие от кабардинского личная форма многоличного глагола более дифференцирована /ср. адыг. у-а-ккъы-ды-шьы-с-ф-йэ-ж-а-гъ 'ты там с ними для меня ждал его' при отсутствии подобной формы четырехличного непереходного глагола в кабардинском языке/. Кроме того, в адыгейском языке использование афф. -х как маркера формы числового противопоставления 3-го лица делает многоличный глагол морфологически более дифференцированным по сравнению с кабардинским языком. Ср. пя-

тиличный глагол: адыг. с-фы-д-йэ-жъу-гъэ-шьа-гъ 'вы для меня заставили его вести с ним его', с-фы-д-йэ-жъу-гъэ-шьа-гъэ-х 'вы для меня заставили его вести с ним их', каб. с-хуы-д-й-в-гъэ-ш-а-шъ 'вы для меня заставили его вести с ним его /их/'. Как и в других типах глаголов /одноличных и многоличных/ втягивание морфемы числа -х как маркера в парадигму спряжения пятиличного глагола — позднее новообразование.

6. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Предварительные замечания. Общеадыгский язык характеризуется развитой системой времен. В общеадыгском различаются следующие времена в изъявительном наклонении: настоящее, будущее, перфект, плюсквамперфект, аорист. После распада общеадыгского языкового единства временная система значительно осложнилась: образованы новые временные формы, возникли новообразования, касающиеся как строения презентной основы, так и оформления личных форм старых /общеадыгских/ времен. В целом инновации в структуре оппозиции временных форм и в оформлении основы и личных показателей обусловили существенные расхождения между адыгскими языками.

6.1. Настоящее время

В специальной литературе высказано мнение, что основа динамического глагола включала преф. уэ- и суф. -р; ср. адыг. сэк1уэ, каб. сок1уэ ← *сы-уэ-к1уэ-р 'я иду', адыг. сэшьэ, каб. сомэ ← *с-уэ-шьэ-р 'я его веду' /Рогова, 1977, 89/. Общеадыгская основа оказалась более устойчивой в кабардинском языке: в нем сохраняется префикс о- /←уэ-/ и суф. -р. Правда, последний функционирует лишь на уровне вариантов. В адыгейском языке кабардинскому факультативному -р соответствует нулевой показатель; адыг. сэк1уэ, каб. сок1уэ/р/ 'я иду'. Отсутствие суф. р- влечет за собой изменение конца основы в кабардинском языке: этимологический

гласный ы в абсолютном исходе редуцируется до нуля: адыг. йэ-хы → каб. йэ-хь 'он несет', адыг. йэ-дзы → каб. йэ-дэ 'он бросает'.

В отношении же презентных основ статических глаголов более консервативен адыгейский язык. К кабардинским новообразованиям может быть отнесен суф. -шь в статических глаголах: адыг. сы-шыс → каб. сы-шыс-шь 'я сижу', адыг. уы-шыс → каб. уы-шыс-шь 'ты сидишь'. Суф. -шь, в отличие от суф. -р, имеет релевантное значение, хотя не характерен для всех кабардинских диалектов /например, -шь в статических глаголах отсутствует в бесланевском и кубанском диалектах: бесл. сы-шыт, куб. сы-шыт 'я стою'/. Для общеадыгского языка правомерно реконструировать огласовку ы в презентных основах статических глаголов типа адыг. шыль, каб. шылышь /←^жшылы/ 'он лежит', адыг. шыс, каб. шысышь /←^жшысы/ 'он сидит'. Отсюда следует, что появление -шь в статических глаголах кабардинского языка имело место после отпадения конечного гласного в парадигме наст. времени.

Наст. время отличается от других времен строением личных аффиксов: адыг. с-э-тхэ, каб. с-о-тхэ 'я пишу', но адыг. сы-тхагъ, каб. сы-тхашъ 'я писал', адыг., каб. ма-тхэ 'он пишет', но адыг. тхагъэ, каб. тхашъ 'он писал'. В оформлении личных аффиксов наст. времени произошли изменения, обусловившие расхождения между адыгскими языками /отчасти и диалектами/ в эпоху распада общеадыгского единства.

С точки зрения строения презентной основы адыгские языки отличаются от других западнокавказских языков: убых. с-к1ъа-н, абх. с-цойт1, абаз. с-цит1 /←^жс-ца-уа-йт1/ 'я иду'. Суффиксы наст. времени динамических глаголов сложились после распада западнокавказского языкового единства. Несколько иначе обстоит дело с относительной хронологией основы наст. времени статических глаголов. Есть основания полагать, что в абхазском и абазинском языках основа статического глагола восходит к общему архетипу, сложившемуся в эпоху их диалектного единства: абх. с-т1уоуп1 → абаз.

с-ч1уап1 'я сижу'. Что касается адыгейского, кабардинского, убыхского языков, то в этом отношении имеются структурные признаки, объединяющие эти языки. Мы отмечали, что в общеадыгском языке отсутствовал суф. -шь в статических глаголах, характерный для некоторых кабардинских диалектов /и литературного языка/. Адыгейский язык и отдельные кабардинские диалекты сближаются с убыхским языком с точки зрения строения статических глаголов, оформления их основ /Кумаров, 1971, 328/. Ср. адыг., бесл., куб. сы-те-с, убых. сы-гьы-с 'я сижу на чем-то', адыг., бесл., куб. уы-те-с, убых. уы-гьы-с 'ты сидишь на чем-то'. Однотипны модели статических форм от именных основ в адыгейском, убыхском и некоторых кабардинских диалектах /Там же, 328/. Ср. адыг. сы-шыу /← сы-шыуы/, бесл., куб. сы-ф1 /← *сы-ф1ы/, убых. сы-ч1а 'я счастлив', адыг. уы-шыу /← *уы-шыуы/, бесл., куб. уы-ф1 /← *уы-ф1ы/, убых. уы-ч1а 'ты счастлив'. Общность архетипа модели статических глаголов /первичных и отыменных/ в убыхском, адыгейском и кабардинском очевидна. Общая модель строения статических глаголов может быть отнесена к адыгско-убыхскому хронологическому уровню. Что касается суф. -н в статических глаголах мн.ч. убыхского языка /ср. шьы-ч1а-н 'мы счастливы'/, то его следует отнести к убыхским новообразованиям, возникшим по аналогии с моделью динамических глаголов /ср. убых. шь-к1а-н 'мы идем'/.

6.2. Будущее время

В современных адыгских языках различаются будущее I и будущее II. Из них к общеадыгскому языку возводится будущее I. Основа общеадыгского буд. времени характеризуется суф. -н. Общеадыгское состояние продолжает адыгейский язык и бесланевский диалект кабардинского языка: адыг., бесл. с-шыы-н 'я сделаю', адыг. сы-чъэ-н, бесл. сы-джэ-н, сы-джэ-н 'я побегу'. Во всех кабардинских диалектах также сохраняется общеадыгский суффикс буд. времени -н. Но форма буд. времени в большинстве кабардинских диалектов и говоров осложняется суф. -шь или огласовкой э: бакс., каб. лит.

с-шы-н-шь, куб. с-шы-нэ 'я сделаю', бакс., каб. лит. сы-жэ-н-шь, куб. сы-жэ-нэ 'я побегу'. Форма буд. времени с суф. -шь или огласовкой э — кабардинское новообразование.

Вопрос о генезисе общеадыгского суффикса буд. времени -н остается неясным. Не выдерживает критики утверждение Н.Ф.Яковлева и Д.А.Ашкамафа /1941, 342/, что рассматриваемый суффикс восходит к слову нэ 'глаз, отверстие'. Говоря о происхождении буд. времени, следует отметить его материальное и функциональное сходство с общеадыгской инфинитивной /масдарной/ формой на -н. Буд. время используется в функции инфинитива, что не может быть случайным с точки зрения его генезиса, развития и становления: адыг. с-тхы-н 'я напишу', с-тхы-н файэ 'мне нужно написать'. Со значением намерения, цели, долженствования форма на -н представлена в убыхском языке: убых. уы-малъа-уы-н 'тебе нужно читать'. В этой форме суф. -уы является показателем буд. времени, а -н выражает /как и в адыгских языках/ инфинитивное значение цели, долженствования и намерения. Отсюда можно сказать, что разбираемый адыгско-убыхский суф. -н исторически обладает инфинитивным значением, на базе которого сложилось буд. время в общеадыгском языке.

Будущее II образовано в период после распада общеадыгского диалектного единства. В адыгейском языке буд. время образуется от чистой основы с помощью суф. -т в бжедугском диалекте, с помощью -шьт в остальных диалектах и адыгейском литературном языке. В кабардинском языке будущее II образуется от основы будущего I посредством суф. -у, а также в утвердительной форме отмечено суф. -шь в большинстве диалектов: бжедуг. с-тхы-т, адыг. лит. с-тхы-шьт, каб. лит. с-тхы-н-у-шь 'я напишу'.

В адыгейских диалектах показатели будущего II -т, -шьт — фонетические варианты. Каб. -у не имеет никакого отношения к адыгейским вариантам -т, -шьт в генетическом плане. Обращает на себя внимание фонетическое и функциональное тождество каб. -у с убых -/а/у в буд. времени: убых. уы-э-бйа-у 'тебя я увижу'. Однако по модели образования формы буд. времени на -у в кабардинском и убыхском различны: в кабар-

динском форма на -у производна от формы на -н, в убыхском языке форма на -у образуется непосредственно от основы глагола. Это дает основание утверждать, что будущее на -у в кабардинском и убыхском сложилось в эпоху их индивидуального развития.

В отношении же генезиса -т, -шьт в адыгейском языке и соотношения между ними существуют разные мнения. Одни авторы возводят суф. -шьт к основе глагола шьты-н 'стоять, быть, находиться' /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 342/, а другие сближают его бжедугский фонетический вариант с убыхским суффиксом буд. времени -т /-от/ /Мухамеджанов, 1963, 124/. Признание генетической связи -шьт с глаголом шьты-н 'стоять, быть, находиться' предполагает вторичность -т, т.е. переход -шьт → -т. Напротив, сближение бжедуг. -т с убых. -т /-от/ означает, что мы имеем дело с адыгско-убыхским архетипом, утраченным адыгскими языками, за исключением бжедугского диалекта. Убых. -т /-от/ присоединяется не к основе, как это наблюдается при образовании будущего II с помощью -т, -шьт в адыгейском языке, а к основе другого буд. времени с суф. -у /-ау/: убых. уы-з-биа-у-т/-от/ 'тебя я увижу', сы-у-кIу-ау-т/-от/ 'меня ты убьешь'. Иными словами, буд. время на -т /-от/ в убыхском языке, как и буд. время на -у в кабардинском языке, производно, т.е. образовано от первичного /исходного/ будущего, в то время как буд. время на -т в бжедугском не может быть рассмотрено производным от другого /исходного/ будущего, служащего производящей основой. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в убыхском языке и бжедугском диалекте формы буд. времени, включающие суф. -/о/т, -т, сложились независимо друг от друга в период самостоятельного существования убыхского и адыгейского языков.

Есть и другой аргумент, опровергающий точку зрения, согласно которой убых. -/о/т, бжедуг. -т восходят к одному архетипу. Бжедуг. -т отвечает форме -шьт в других адыгейских диалектах во многих новообразованиях, сложившихся на адыгейской почве: кIуэ-гъэ-шьт 'он, наверное, пошел', уэ-кIуэ-шьты-н 'ты, наверное, идешь'. Подобные новообра-

зования представлены в бжедугском диалекте с вариантом -т, что не представляется возможным объяснить переходом последнего в -шьт в других адыгейских диалектах.

Что касается положения, согласно которому суффикс буд. времени -шьт развился на базе основы глагола шьты-н 'стоять быть, находиться', то для его принятия недостаточно одного фонетического сходства сравниваемых единиц. Это объяснение делает шатким отсутствие материала родственных языков /в том числе кабардинского/, подтверждающего развитие суффикса буд. времени на базе основы самостоятельного глагола в значении 'стоять, быть, находиться'.

6.3. Прошедшее совершенное время

В общеадыгском языке прош. совершенное /перфект/ характеризуется суф. -гъэ. Общеадыгский перфектный суф. -гъэ /в определенных позициях без огласовки — в виде -гъ/ сохранился в адыгейском языке, а в кабардинском языке изменился в -а. Ср. адыг. с-тхы-гъэ → каб. с-т-х-а-шь 'я написал', адыг. к1уа-гъэ → каб. к1у-а-шь 'он ушел', адыг. шьы-ты-гъ, каб. шьыт-а-шь /← *шьыты-гъэ/ 'он стоял'. Общеадыгский суф. -гъэ в кабардинском языке сохраняется в старых перфектных формах причастия, подвергшихся субстантивации: каб. тхыгъэ 'письменность', бзыгъэ 'кусочек, ломоть'.

Общеадыгский перфектный суф. -гъэ оказывает влияние на фонетическое строение конца основы. Конечный гласный э в положении перед перфектным суф. -гъэ изменяется в гласный а: адыг. к1уагъэ ← *к1уэгъэ 'он шел'. Поскольку переход э → а в положении перед -гъэ охватывает все адыгейские диалекты и говоры, формы типа к1уагъэ могут быть отнесены к общеадыгскому состоянию. Иными словами, переход э → а в рассматриваемой позиции мог иметь место еще в праязыке. В кабардинском языке в основах анализируемого типа переход гъэ → а сопровождается слиянием двух одинаковых гласных аа в один гласный а, выполняющий функцию перфектного суффикса. В результате в основах данного типа в кабардинском языке бесследно исчез конечный этимологический гласный,

что привело к преобразованию строения основы: в положении перед перфектным суф. -а основа оканчивается только на согласный. В кабардинском языке этот фонетический процесс распространяется и на основы с конечным гласным ы. Последний поглощается вторичным суф. -а, что приводит к выравниванию строения исторически разнотипных основ/основы на конечные гласные э, ы: каб. сы-тх-а-шь ← ^хсы-тхагъ ← ^хсы-тхэ-гъэ 'я писал', с-ш1-а-шь ← ^хс-ш1ы-гъэ 'я сделал'.

В отличие от кабардинского языка, утратившего общеадыгские огласовки основ в положении перед новым перфектным суф. -а, адыгейский язык продолжает в этой позиции общеадыгское состояние, сохраняя общеадыгские огласовки. Мы отмечали, что изменение этимологического гласного а в положении перед старым /общеадыгским/ перфектным суф. -гъэ в гласный а может быть приписано общеадыгскому состоянию. Другими словами, огласовка а в основах типа к1уа-гъэ 'он шел', чъагъэ 'он бежал', жъуа-гъэ 'он пахал' рассматривается в качестве общеадыгского явления. Еще более устойчивой оказалась в адыгейском языке огласовка ы в положении перед перфектным суф. -гъэ. Здесь адыгейский язык удерживает конечный этимологический гласный ы, утраченный кабардинским языком: адыг. с-ш1ы-гъэ → каб. с-ш1-а-шь 'я сделал', с-шхы-гъэ → каб. с-шх-а-шь 'я съел'.

Таким образом, строение производящей основы перфекта, допускающего лишь конечные консонантные элементы, и переход старого перфектного суф. -гъэ в суф. -а должны быть отнесены к кабардинским новообразованиям. В число кабардинских нововведений входит также суф. -шь в перфекте утвердительной формы /как и в утвердительных формах наст. и буд. времени/. В адыгейском языке выбор вариантов перфектного суф. -гъэ, -гъ зависит от акцентной структуры личной формы глагола. Суф. -гъэ теряет общеадыгскую огласовку э и оформляет нулевую ступень огласовки при оттяжке ударения с последнего слога под влиянием перфиксальных слогаобразующих элементов /личных аффиксов, аффиксов каузатива, союзности, провербов и т.д./: тхагъэ 'он писал', но сы-тхагъ 'я писал', дэ-тхагъ 'он писал с ним'.

Удовлетворительного решения вопроса о генезисе общеадыгского перфектного суф. -гъэ пока нет в специальной литературе. Произвольны утверждения как Р.Эркerta, связывающего генетически -гъэ с наречием дыгъуасэ 'вчера' /Erckert, 1895, 266/, так и Н.Ф.Яковлева и Д.А.Ашхамафа /1941, 342/, возводивших его к существительному гъэ 'год'. Бездоказательно мнение, что "первоначально перфект выражал буквально действие, свершившееся прошлым летом, в прошлом году. Удвоенный же суффикс плюсквамперфекта -гъа-гъэ буквально обозначал "позапрошлым летом, два года назад, очень давно" /Там же/.

Общеадыгский перфектный суф. -гъэ не имеет надежных соответствий в других западнокавказских языках. В убыхском языке перфект образуется с помощью суф. -кы́а: убых. уы-з-бйа-кы́а 'тебя я вижу'. В абхазском и абазинском из суффиксов прош. времени обращает на себя внимание -хъ́а /орф-хъ́а/ — показатель плюсквамперфекта: абх. д-ца-хъ́ейт1 /← *д-ца-хъ́а-йт1/ 'он /человек/ уже ушел'. Однако общеадыг. -гъэ, убых. -кы́а, абх., абаз. -хъ́а пока лишено опоры на звукосоответствия между западнокавказскими языками.

В кабардинском языке существует перфект II, образованный от основы на -а /перфекта I/. Он указывает на действие, которое протекало в ограниченное время: каб. с-тха-т 'я писал тогда'. Нет оснований сказать, что перфект II восходит к общеадыгскому состоянию и утрачен адыгейским языком. Судя по всему, перфект II сложился на кабардинской почве после распада общеадыгского языкового единства.

6.4. Прошедшее несовершенное время

В строении основы прошедшего несовершенного /имперфекта/ между адыгскими языками имеются значительные расхождения. В кабардинском языке имперфект как в финитной, так и в инфинитной форме характеризуется суф. -т: каб. сы-к1уэ-т 'я ходил', с-шы-т 'я делал', сы-тхэ-т 'я писал'. Между основой глагола и имперфектным суф. -т может быть факультативный афф. -р: сы-к1уэ-р-т 'я шел'. В адыгейском языке

для финитного имперфекта используются сложный суф. -шьтыгъэ /бжедуг. -тыгъэ/, для инфинитного имперфекта — суф. -т: адыг. лит. сы-к1уэ-шьтыгъэ, бжедуг. сы-к1уэ-тыгъэ 'я шел', адыг. сы-к1уэ-т-и ккъэс-хъы-шьтыгъ, бжедуг. сы-к1уэ-т-и ккъэс-хъы-тыгъ 'я ходил и приносил'.

Суффикс финитного имперфекта в адыгейском языке включает два элемента: шьты+гъэ. Первый элемент генетически тождествен суффиксу будущего II, а второй элемент представляет собой общеадыгский перфектный суф. -гъэ. Финитный имперфект на -шьтыгъэ /бжедуг. -тыгъэ/ сложился на адыгейской почве, в то время как инфинитный имперфект на -т может быть приписан общеадыгскому состоянию. Судя по материалу кабардинского языка, общеадыгский язык вообще не различал основ финитных и инфинитных имперфектов: суф. -т служил характеристикой основы имперфекта независимо от финитности и инфинитности глагольного действия.

С точки зрения строения имперфекта кабардинский язык составляет более консервативную зону по сравнению с адыгейским языком. Наряду с новообразованием -шьтыгъэ /-тыгъэ/ — составным суффиксом финитного имперфекта — в адыгейском языке отмечаются и другие инновации. К ним могут быть отнесены случаи образования имперфекта от основы депричастия наст. времени и порядок следования имперфектного и числового суффиксов в шапсугском диалекте: шапс. аш1эу-шьтыгъ 'они знали', йэджэхэу-шьтыгъ 'они звали', к1уэ-хэ-шьтыгъ /адыг. лит. к1уэ-шьтыгъэ-х/ 'они ходили', алыгъэ-хэ-шьтыгъ /адыг. лит. алыгъы-шьтыгъэ-х/ 'они держали' /Керашева, 1957, 73-74/.

6.5. Давнопрошедшее время

Давнопрошедшее /плюсквамперфект/ сложилось в эпоху общеадыгского языкового единства. Давнопрошедшее образовано от основы прошедшего совершенного /перфекта/ с помощью повторения общеадыгского перфектного суф. -гъэ. Общеадыгская форма этого времени сохранилась в адыгейском языке без каких-либо существенных фонетических измене-

ний, если не считать отпадения конечного гласного второго перфектного суффикса в определенных позициях: адыг. сы-к1уэ-гъа-гъ ← *сы-к1уэ-гъа-гъэ 'я ходил тогда', ы-ш1ы-гъа-гъ ← *ы-ш1ы-гъа-гъэ 'он делал тогда'. Исходной формой -гъа-гъэ является *-гъэ-гъэ, хотя для позднего общеадыгского может быть постулировано -гъа-гъэ. К архетипу *-гъэ-гъэ восходит и -гъа в кабардинском плюсквамперфекте: сы-к1уэ-гъа-шъ ← *сы-к1уэ-гъа-гъ ← *сы-к1уэ-гъэ-гъэ 'я тогда ходил'.

В адыгских языках встречается новая форма давнопрошедшего времени /плюсквамперфект II/. Эта форма в кабардинском языке образуется от основы старого плюсквамперфекта посредством суф. -т. Это тот же суф. -т, с помощью которого от перфекта I производится перфект II. Как отмечалось, в перфекте суффикс т указывает на то, что действие происходило в ограниченное время. Такое же значение суф. -т вносит в плюскваперфект: каб. сы-к1уэ-гъа-т 'я тогда ходил'. Плюсквамперфект на -т, как и перфект на -т — кабардинское новообразование,

В адыгейском языке также выделяют плюсквамперфект на -шъты-гъа-гъэ: ы-1уэ-шъты-гъа-гъэ 'он говорил'. Адыгейская форма на -шъты-гъа-гъэ функционально не тождественна кабардинскому плюсквамперфекту II /сы-к1уэ-гъа-т 'я тогда ходил'/. Однако обе формы независимо от смысловых различий объединяются хронологическими рамками: они сложились в период индивидуального развития адыгских языков.

6.6. Аорист

По вопросу об аористе существуют разные мнения. Даже не все исследователи выделяют аорист в системе временных форм адыгских языков. Мы относим к аористу лишь глагольные формы типа адыг. ыпхъуат, каб. йыпхъуатэшъ 'он схватил', адыг. к1уи, каб. к1уэри 'он пошел и'.

Аорист — общеадыгское явление. В общеадыгском языке основа аориста не имела специального морфологического /положительного/ показателя. Чистая основа аориста сохра-

няется в финитных и инфинитных формах адыгских языков, хотя после распада праязыкового единства аорист претерпел изменения с точки зрения его строения и функционирования. В финитных глаголах типа адыг. ы-пхуат 'он схватил' имеет место лишь отпадение конечного гласного /общеадыг. ы-пхуатэ/, т.е. морфологически общеадыгская аористная основа не изменилась. В кабардинском языке соответствующая аористная форма, хотя и включает суф. -шь, сохранила общеадыгскую огласовку: каб. ыы-пхуа-тэ-шь 'он схватил'. Кабардинский язык удерживает также конечные этимологические гласные э, ы в аористных основах инфинитных /союзных/ форм: ыы-пхуатэ-ри 'охватил и', к1уэ-ри 'пошел и'. Ср., однако, в префиксальных формах: с-хьы-ри 'я нес и', но уы-с-хь-ри ← уы-схьы-ри 'я тебя нес и'. В адыгейском языке произошло фонетическое выравнивание основ на ы и э в инфинитной /союзной/ форме: с-ш1и ← ^{*}с-ш1ый 'я сделал и', к1уи ← ^{*}к1уий ← ^{*}к1уэ-й 'он пошел и'.

Кабардинский аорист на -шь может быть финитным и инфинитным. Инфинитные формы в конструкциях типа се1эшъ-се1эри к1исчашъ 'я тянул, тянул и вытянул' употребительны в диалектах и литературном языке. Что касается финитных форм на -шь, то они характерны для устно-поэтической речи: Гуэгуэжъ йык1уэр зауэм хэч1ыж1ъ /А. 1963, 283/ 'Сын Гоголя оставил поле битвы'. Конструкции, включающие финитные формы аориста типа хэч1ыж1ъ 'он оставил' /букв. 'он вышел'/, имеют широкое распространение в языке эпической поэзии. Аористная форма относится к тем продуктивным средствам, с помощью которых создается эпифорическое окончание в поэзии. Характерно, что аористная форма на -шь, выполняя функции финального слова, нередко завершает целое эпическое сказание: Уэ зы п1альэ кызэптрэ, Сэ зы п1альэ уэстыжгуэ, Нартхэр дэ кы1тпэплъэнк1ым, - Ж1эри йы-шьхьэр ф1ихри к1ежъэж1ъ 'Ты даешь один срок, Я даю тебе другой срок, Нарты не будут нас ждать, - Сказав так, снес ему голову и пустился /в обратный путь/' /Н. 1974, 66/. Аористная форма на -шь в финитной функции употребляется в народных пословицах и поговорках: Хамэхъэ к1ыхьэри уы-

нэхъэ йырихушъ /посл./ 'Пришла чужая собака и прогнала хозяйскую собаку'. Поскольку язык элической поэзии, народных пословиц и поговорок сохраняет традиционные, архаичные и наддиалектные формы речи, не представляется возможным отнесение финитных форм аориста на -шъ к поздним новообразованиям /хотя они возникли, по-видимому, на кабардинской почве/.

Показательны также союзные формы аориста без суф. -р в кабардинской устно-поэтической речи: Джанэ бажиблу дыкыильхуи... 'Мать родила нас семерых лисиц...'. Дилъакъуэхэр члэшти уыдз чырым дыхэни.... Так как у нас короткие ноги, мы застряли в траве...' /А. 1974, 128/ /дыкыильхуи, дыхэни вместо дыкыильхури, дыхэнэри/. Отсутствие -р в адыгейском языке и особенности кабардинской устно-поэтической речи заставляют усомниться в том, что союзный аорист с данным суффиксом восходит к общеадыгскому языку.

7. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Предварительные замечания. Для общеадыгского языка характерна развитая, многочисленная система наклонений. Общеадыгский включает следующие наклонения: изъявительное, условное, предположительное, желательное, повелительное и наклонение удивления. Не все наклонения, реконструируемые для общеадыгского состояния, сложились на общеадыгской почве. Некоторые из них хронологически соотносятся с более ранними праязыковыми состояниями. Вместе с тем в период после распада общеадыгского единства система наклонений подверглась изменениям: возникли новые формы наклонения, осложнились старые, общеадыгские формы наклонения.

7.1. Изъявительное наклонение

Среди наклонений выделяется изъявительное /индикатив/, характеризующееся разнообразием форм словоизменения. Общеадыгский индикатив обладает многообразием форм выраже-

ния категории времени /см. главу "Категория времени"/. В индикативе различаются положительные /утвердительные/ и отрицательные формы. Положительные формы общеадыгского индикатива подверглись значительным изменениям в современных адыгских языках. Характерны некоторые инновации, свойственные индикативу и другим наклонениям. Так, в положительной форме индикатива кабардинский язык приобрел специальный суф. -шь. Однако последний не является спецификой только индикатива. Суф. -шь объединяет кабардинский индикатив с предположительным наклонением: стхашь 'я написал' /индикатив/, стхыгъэншь 'я, наверное, написал'.

Отрицательная форма временных форм общеадыгского индикатива выражалась с помощью специального суффикса. Современные адыгские языки не сохранили общеадыгской формы выражения отрицания в индикативе. Суффиксы отрицания -п /адыг./, -кы́ым /каб./ сложились в период индивидуального развития адыгских языков. Данные родственных языков позволяют реконструировать для общеадыгского состояния суф. *-м для выражения отрицательной формы. Заметим, однако, что общеадыгский индикатив в этом отношении не стоит особняком, а объединяется с некоторыми другими наклонениями. Новые суф. -п /адыг./, -кы́ым /каб./ в индикативе /адыг. кӀуэрэ-п, каб. кӀуэр-кы́ым 'он не идет'/ и других наклонениях /например, предположительном — адыг. кӀуэныгъэ-п, каб. кӀуэнтэкы́ым 'он не пошел бы'/ генетически различны. Суф. -п — адыгейское новообразование, а суф. -кы́ым, хотя и включает общеадыгский отрицательный суф. -м, возник на кабардинской почве.

7.2. Условное наклонение

Адыгские языки и диалекты унаследовали от праязыкового состояния форму условного наклонения, выраженную с помощью суф. -мэ /в кабардинском языке имеется также фонетический вариант этого суффикса без огласовки в виде -м/. Ср. адыг., каб. сыкӀуэ-мэ 'если я пойду', уыкӀуэ-мэ 'если ты пойдешь', кӀуэ-мэ 'если он пойдет'. Хотя общеадыг-

ский суффикс условного наклонения сохранился в адыгских языках, между ними имеются расхождения в образовании этого наклонения.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что парадигма временных форм от условного наклонения дефектна в кабардинском языке. Это выражается в отсутствии условного наклонения от личных форм наст. времени типа адыг. сэ-кӀуэмэ 'если я иду', уэӀуэмэ 'если ты идешь', макӀуэмэ 'если он идет'. Отсюда адыгейским оппозитивным формам сэ-кӀуэмэ 'если я иду' — сыкӀуэмэ 'если я пойду', уэӀуэмэ 'если ты идешь' — уыкӀуэмэ 'если ты пойдешь', макӀуэмэ 'если он идет' — кӀуэмэ 'если он пойдет' в кабардинском соответствуют лишь формы типа сыкӀуэмэ, уыкӀуэмэ, кӀуэмэ. Причем последние функционально покрывают приведенные оппозитивные формы адыгейского языка, выражая функции наст. и буд. времени. Ср. каб. сыкӀуэмэ 'если я пойду /иду/', уыкӀуэмэ 'если ты пойдешь /идешь/', кӀуэмэ 'если он пойдет /идет/'. Трудно сказать, что общеадыгский язык различал формы наст. и буд. времени типа адыг. макӀуэмэ — кӀуэмэ. Бесспорно то, что в общеадыгском условное наклонение характеризуется менее развитой системой форм словоизменения. В этой связи показательно, что условное наклонение образуется не от будущего I, восходящего к общеадыгскому языку, а от будущего II, сложившегося в период после распада общеадыгского единства. Это говорит в пользу того, что оппозиция буд. времени другим временам условного наклонения — новообразование, сложившееся в эпоху индивидуального развития адыгских языков.

Что касается генезиса суффикса условного наклонения -мэ, то пока нет достаточного материала для решения этого вопроса. В убыкском языке функциональным эквивалентом -мэ выступает суф. -ба: убых. сыйкӀаба 'если я пойду', шыйкӀанаба 'если мы пойдём'. Однако близость рассматриваемых суффиксов не имеет надежной опоры на звукосоответствия между сравниваемыми языками, хотя в современных адыгских языках и диалектах нередко встречается чередование м : б; например, адыг. бахъсымэ, каб. мэхъсымэ 'буза'.

7.3. Предположительное наклонение

Для общеадыгского состояния может быть постулировано предположительное наклонение, образованное посредством суф. -н от основы перфекта. Общеадыгская форма сохранилась в адыгских языках, хотя в кабардинском осложнилась формантом -шь: адыг. к1уэгъэ-н, каб. к1уэгъэ-н-шь 'он, наверное, пошел': ср., однако, адыг., каб. мык1уэгъэ-н 'он, наверное, не пошел'.

Суф. -н восходит к суффиксу буд. времени. Заметим, что к суффиксам буд. времени возводятся и новые формы предположительного наклонения: адыг. к1уэгъэ-шьт, к1уэгъэ-шьты-н

каб. к1уэгъэ-ну-шь 'он наверное пошел'. Адыгские языки расходятся с точки зрения оформления предположительного наклонения и его временной дифференциации. В этом отношении более консервативным оказался кабардинский язык, в то время как адыгейский язык приобрел целый ряд новообразований. В кабардинском языке формы предположительного наклонения базируются на старой /общеадыгской/ перфектной основе, причем сохраняется общеадыгский суф. -гъэ, изменившийся в -а в индикативе: тх-а-шь 'он писал', но тхэ-гъэ-н-шь, тхэ-гъэ-ну-шь 'он, наверное, писал', тхэ-гъэ-н-т

тхэ-гъэ-ну-т 'он, наверное, писал тогда'. Для адыгейского языка характерно разнообразие временных основ, выступающих в качестве производящих форм для предположительного наклонения: уэхьы-шьты-н 'ты, наверное, несешь', пхьын-шьты-н 'ты, наверное, понесешь', пхьышьтыгъэ-шьт 'ты, наверное, носил', пхьыгъэгъэ-шьт, пхьыгъагъэ-шьты-н 'ты, наверное, носил тогда'. Подобные формы сложились на адыгейской почве, т.е. не могут быть приписаны общеадыгскому состоянию.

7.4. Желательное наклонение

На основании данных внутренней реконструкции могут быть постулированы для общеадыгского состояния разные формы желательного наклонения /оптатива/, образованные разными

морфологическими способами — префиксальным и суффиксальным. Суффиксальный оптатив базируется на основах прош. времени и характеризуется общеадыгским показателем -йэт. Последний /с фонетическими вариантами -ит, -т/ сохраняется в адыгейском языке: к1уагъа-йэт 'хотя бы он пошел'. Общеадыгский оптативный суф. -йэт дает форму -рэт в кабардинском языке: к1уа-рэт 'хотя бы он пошел'. Переход общеадыг. -йэт → каб. -рэт обосновывается изменением сонанта й в сонорный р в морфемных швах: ср. каб. к1уэц1ы-ры-ч1ын ← ^хк1уэц1ы-йы-ч1ын 'пройти сквозь что-то', сы-ра-пхъушъ ← ^хсы-йа-пхъуы 'я их дочь'.

В общеадыгском допустимо наличие временной дифференциации суффиксального оптатива. Во всяком случае есть основание утверждать, что общеадыгский язык различал формы перфекта и плюсквамперфекта в суффиксальном оптативе. Ср. адыг. к1уагъайэт ← ^хк1уэгъэйт 'хотя бы он пошел' /плюсквамперфект/. Вместе с тем нельзя согласиться с точкой зрения, согласно которой "временные формы желательного наклонения представляют собой только остаток некогда существовавшей полной системы времен" /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 347/. Данные как внешней, так и внутренней реконструкции не позволяют, например, постулировать для общеадыгского состояния наличия форм наст. и буд. времени суффиксального оптатива. На кабардинской почве возник суффиксальный оптатив на -шъэрэт: к1уашъэрэт 'хотя бы он пошел', йытхашъэрэт 'хотя бы он написал'.

С точки зрения оформления префиксального оптатива имеются существенные расхождения между адыгскими языками, касающиеся строения как оптативного аффикса, так и личных показателей: адыг. сэ-рэ-к1у, каб. сы-р-е-к1уэ 'пусть я пойду'. В кабардинском префикс е- /йэ-/, по-видимому, восходит к показателю косвенного объекта. Однако в одноличных /безобъектных/ глаголах наличие преф. е- функционально не мотивировано. Другое дело — двухличные и многоличные глаголы, связанные с объектом 3-го лица: адыг. ккъ-э-рэ-плъ, каб. кы1ы-р-е-плъ 'пусть он смотрит сюда'. В одноличный кабардинский оптатив /сы-р-е-к1уэ 'пусть я иду'/ префикс

е- ←/йэ-/ мог проникнуть из оптатива объектных глаголов под давлением системы, т.е. в силу тенденций к выравниванию парадигмы.

Значительны различия между адыгскими языками в строении личных аффиксов. Не говоря уже о различии в огласовке личных аффиксов /ср. адыг. сэ-рэк1у, каб. сы-рек1уэ 'пусть я иду', адыг. тэ-рэк1у, каб. ды-рек1уэ 'пусть мы идем'/, расхождения между адыгскими языками касаются морфологического противопоставления форм лица. В адыгейском языке в отличие от кабардинского отсутствует противопоставление личных аффиксов 2 — 3-го лица ед. числа в префиксальном оптативе. Ср. адыг. уэ-рэк1у 'пусть ты идешь', уэ-рэк1уэ 'пусть он идет' /каб. уы-рек1уэ 'пусть ты идешь', йы-рек1уэ 'пусть он идет'/. Отсутствие противопоставления личных аффиксов 2 — 3-го лица ед. числа сближает адыгейский префиксальный оптатив с другим кабардинским оптативом. Речь идет о формах оптатива типа каб. уы-к1уэ 'пусть ты пойдешь', уы-к1уэ 'пусть он пойдет', где префикс уы- используется для оформления 2 — 3-го лица ед. числа.

Есть основания утверждать, что отсутствие противопоставления личных аффиксов 2 — 3-го лица ед. числа в рассматриваемых формах оптатива восходит к общеадыгскому языку. Архаизм недифференцированного выражения оптативных форм 2 — 3-го лица ед. числа подтверждается тем, что подобные формы характерны для идиоматических выражений, сохраняющих наиболее древние и традиционные особенности языка, в том числе морфологического строя. Ср., каб. Уэ зэпытрэ зэч1эсу уык1уэ 'Скатертью тебе дорога', Ар зэпытрэ зэч1эсу уык1уэ 'Скатертью ему дорога', Уэ жьыльхэ махуэ уыху 'Да будет твоя старость счастливой', Ар жьыльхэ махуэ уыху 'Да будет его старость счастливой'. Как видно, оптативные формы уык1уэ, уыху используются для 2 — 3-го лица и синтаксически согласуются с личными местоимениями уэ 'ты /твой/' и ар 'он /его/'. Вместе с тем преф. уы- в оптативных формах не всегда выполняет функцию личного префикса. В идиоматических выражениях типа каб. Йы-хьэдэр д-а-уы-х, Йыхьэдэр ш1-а-уы-льхэ 'пусть он умрет',

йы-уы-гъаш1э 'пусть он живет', йа-уы-гъаш1э 'пусть они живут' преф. уы- не является личным показателем. В формах д-а-уы-х, ш1-а-уы-лъхъэ выделяются локальные превербы д-, ш1-, личный префикс субъекта 3-го лица мн. числа а-, преф. уы- и основы -х, -лъхъэ. Формы йы-уы-гъаш1э, йа-уы-гъаш1э противопоставляются лишь формами ед. и мн. числа преф. 3-го лица йы-, йа- при наличии общего преф. уы-. Последний не выражает функции личного показателя, но и не входит в состав корня или основы. Сравнение оптативных форм д-а-уы-х, ш1-а-уы-лъ-хъэ, йы-уы-гъаш1э, йа-уы-гъаш1э с соотносительными формами индикатива д-а-х 'они выносят', ш1-а-лъ-хъэ 'они кладут', йз-гъаш1э 'он живет' /ср. йыльэс куэд йэгъаш1э 'он живет много лет'/, йа-гъаш1э 'они живут' показывает, что преф. уы- выражает оптатив — модальное значение желательности. Не вызывает сомнения, что в традиционных устойчивых и идиоматических речевых выражениях преф. уы- в оптативной функции не может быть отнесен к инновациям.

7.5. Повелительное наклонение

Императив является одним из древних наклонений не только адыгских, но и всей группы абхазско-адыгских языков. В образовании императива много общего у всех абхазско-адыгских языков. В этой связи обращает на себя внимание не только отсутствие временной дифференциации, характерное для всех языков данной группы, но тождество самой модели императива и некоторые общие тенденции его развития. Императив образован от чистой основы глагола. Ср. адыг., каб. к1уэ, убых. уы-к1ъа, абх. у-ца 'иди'. Осложнение основы императива аффиксами типа абхазского суф. -з /ср. угыла-з 'стой', ушьта-з 'лежи'/, убыхского преф. джь- /ср. а-уы-джь-к1а 'скажи'/ следует отнести к новообразованиям, возникшим после дифференциации западнокавказского единства. Отсутствие внешнего показателя субъекта 2-го лица ед. числа в адыгских языках — адыгское новообразование, хотя хронологически его можно приписать общеадыгско-

му состоянию. В пользу этого говорит не только материал самих адыгских языков /ср., например, императив в отрицательной форме: уы-мы-қіуэ 'не ходи'/, но и данные внешней реконструкции /ср. абх. у-ца /класс мужчин/, убых. уықіа 'иди'/. Вместе с тем утрата субъектного показателя в императиве в какой-то мере оказывается общей тенденцией развития абхазско-адыгских языков. Так, в переходных глаголах абхазского и абазинского языков субъект 2-го лица ед. числа в положительной форме императива выражен нулевым аффиксом: абаз. й-га 'то /класс вещей/ отнеси' /й - префикс прямого объекта, й-лы-т 'то /класс вещей/ ей /класс женщин/ отдай' /й - префикс прямого объекта, лы - префикс косвенного объекта/. Говоря о тенденциях развития императива в абхазско-адыгских языках, следует также указать на использование каузатива для выражения 1-го лица данного наклонения: каб. дывгъакіуэ, убых. шы-гъакіаан 'идемте' /убых. шы - префикс 1-го лица мн.ч., гъа - каузативный префикс/.

7.6. Наклонение удивления

Наклонение удивления характеризуется однотипностью способа образования в адыгских языках: адыг., каб. маткэ-ри 'он, оказывается, пишет'. Суффикс -ри, с помощью которого образуется наклонение удивления, состоит из двух элементов: -р /общеадыгский динамический суффикс/, -и /восходит к суффиксу союзности/. С точки зрения особенностей образования форм словоизменения наклонение удивления ближе стоит к индикативу. Глаголы в наклонении удивления изменяются по лицам и временам. Ср. в кабардинском: сы-шыси 'я ведь /оказывается/ сию', сылысай 'я ведь /оказывается/ сидел', ушысай 'ты ведь /оказывается/ сидел', шыси 'он ведь /оказывается/ сидит'.

Парадигма наклонения удивления ущербна в том смысле, что не образуется от всех временных форм. Кроме того, не все указанные временные формы в наклонении удивления возводятся к общеадыгскому единству. Так, наклонение удивле-

ния образуется не от будущего I, восходящего к общеадыгскому языковому единству, а от будущего II, относящегося к эпохе самостоятельного развития адыгских языков. В адыгейском языке менее развита категория времени в наклонении удивления, что, бесспорно, отражает более древнее состояние развития описываемого наклонения. Вместе с тем однотипность суффиксальной модели наклонения удивления во всех адыгских диалектах говорит в пользу того, что его сложение относится к эпохе общеадыгского состояния.

7.7. Сослагательное наклонение

В адыгских языках и диалектах представлены разные формы сослагательного наклонения /конъюнктива/. Все формы конъюнктива базируются на основах будущих времен. При этом в качестве производящей основы для конъюнктива выступает также будущее I, восходящее к эпохе общеадыгского единства. Ср. адыг. к1уэн-гъэ, каб. к1уэн-т 'он пошел бы'. Однако отсутствие общего форманта конъюнктива в адыгских языках делает невозможным отнесение этого наклонения к общеадыгскому состоянию.

В адыгейском языке для образования конъюнктива используются разные суффиксальные элементы: -и, -гъэ /-гъи/, -гъагъэ /-гъагъи/: адыг. ытхьни 'он написал бы', к1уэн-гъагъэ 'он пошел бы', ылуэшьтгъагъэ 'он сказал бы'. В кабардинском языке, как и в адыгейском, в качестве производящих основ конъюнктива выступают будущее I и будущее II. Последние в сочетании с формантом -т дают конъюнктивные формы: каб. сш1ынт, сш1ынут 'я сделал бы', пшыхнут 'ты съел бы'. Как отмечалось, формант -т используется для образования имперфекта /сш1ыт 'я делал'/, перфекта II /сш1ат 'я сделал'/, плюсквамперфекта II /сш1ыгъат 'я сделал тогда'/.

Специальные форманты конъюнктива представляют собой временные аффиксы, сочетающиеся с основами будущих времен. Исключение может составить формант -и в формах конъюнктива типа адыг. ыш1ыни 'он сделал бы'. Генетичес-

ки формант -и представляет собой общеадыгский союзный суффикс: адыг. Ашь ышлыни ккыхышът, каб. Абы йышлынышъи кыыхынышъ 'Он сделает и принесет'. Поскольку общеадыгский формант -и в сочетании с основной буд. времени образует конъюнктив лишь в адыгейском языке, использование его в этом наклонении скорее всего относится к адыгейским новообразованиям. В этой функции у форманта -и никаких следов не обнаруживается в кабардинском языке, хотя в последнем этот же формант в модальном значении используется: йырешъи йэстынышъ 'если сделает, отдам ему', йыреткы нэхыфшъ 'лучше, если он напишет'. Мы отмечали, что наклонение удивления также включает союзный суффикс -и. Однако в отличие от форм типа адыг. ышлыни 'он сделал бы', каб. йырешъи 'если он сделает' наклонение удивления представлено во всех современных адыгских диалектах, что дает основания для его возведения к общеадыгскому языку. Судя по всему, использование союзного форманта в функции показателя наклонения отражает общеадыгские закономерности, хотя подобная транспозиция глагольных форм получила более широкое распространение в период после распада общеадыгского единства.

8. КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ

8.1. Отрицательные формы, их распределение и парадигма

В адыгских языках отрицание выражается двумя способами: префиксальным и суффиксальным. В качестве префикса отрицания используется м/ы/- в условном, желательном, повелительном наклонениях, причастных, деепричастных и масдарных формах: адыг., каб. мы-кӀуэмэ 'если он не пойдет', адыг. мы-кӀуэгъуэт, каб. мы-кӀуэгъарэт 'если бы он не пошел', адыг. уы-мы-кӀу!, каб. уы-мы-кӀуэ! 'не ходи!', адыг. мы-кӀуэрэр, каб. мы-кӀуэр 'тот, кто не идет', адыг., каб. мы-кӀуэу 'не идя', мы-кӀуэн 'не ходить'. Суффиксальная форма отрицания выражается с помощью -/э/п в адыгейском и -кы́м /варианты: -кы́эм, -Ӏым, -Ӏэм/ — в кабардинском. Суффиксальный способ характерен для индикатива,

конъюнктива, предположительного наклонения и наклонения удивления: адыг. к1уэр-эп, каб. к1уэр-кы1ым 'он не идет', адыг. к1уэгъэшътэ-п, каб. к1уэгъэну-кы1ым 'он, наверное, не ходил', адыг. к1уэныгъэ-п, каб. к1уэнтэ-кы1ым 'он не пошел бы', адыг. к1уагъэ-п-и, каб. к1уа-кы1ым-и 'он, оказывается, не пошел'.

Однако в распределении префиксального и суффиксального отрицания отмечаются существенные различия между разными типами речи. Еще Г.Деетерс писал, что отрицательный преф. -м закреплен за инфинитными и императивными формами, а -эп — за другими формами /Deeters, 1931/. Это мнение, принятое последующими исследователями, нашло отражение в научных грамматиках и специальных исследованиях.

Считается, что финитный глагол выражает самостоятельное, независимое от другого глагола действие, а инфинитный глагол, напротив, выражает неопределенное, зависимое от другого /финитного/ глагола действие. "Предложение может иметь законченный вид только при наличии в нем глагола в финитной форме... Предложение с инфинитным глаголом не может стать законченным без глагола финитного" /Рогава, Керашева, 1966, 110-111/. Если исходить из этой в целом вполне приемлемой трактовки финитных и инфинитных глаголов, то префикс отрицания не может быть средством их дифференциации. Как уже отмечалось в литературе, глагол с преф. м- нередко встречается в позиции финитного глагола, что не согласуется с положением, согласно которому финитный глагол образует отрицательную форму глагола с помощью суффиксов адыг. -/э/п, каб. -кы1ым, а инфинитный глагол с помощью преф. м- /Кумахов, Кумахова, 1979, 43-45/. Глагол с префиксом отрицания может выражать предикацию, законченное действие, синтаксически завершая предложение. Это наблюдается чаще всего в устно-поэтическом языке, сохраняющем наиболее древние и традиционные формы: каб. Нарт Шъэбэтыныкы1уэ сипсэлъы-хъушъ, Бэрэ уыкы1ыслыхъу шъхъэч1э сыбдэмк1уэн /Н. 1971, 86/. 'Нарт Шабатынуко хочет взять меня в жены, Сколько бы ты ни сватался, не пойду за тебя'. Сэ сапэш1эк1уэтэ-

нути Хьэтэжыкылуэфимэ скуимыдэ /А. 1970, 34/. 'я хотел сразиться с ними, но славный сын Хатажуко запрещает мне это /сделать/'.

Как показывают приведенные примеры /их число легко можно увеличить/, глаголы сыбдэмыкылуэн 'я не пойду за тебя замуж', скуимыдэ 'он запрещает мне' занимают позицию финитного глагола, выражая завершенность действия, составляя предикативную основу предложения. Подобные явления свидетельствуют о том, что префиксальная форма отрицания имела более широкое применение в адыгских языках.

Обращает на себя внимание также лексико-фразеологическая обусловленность глагола с преф. м-. Префиксальная форма отрицания в позиции финитного глагола употребляется в клятвенных выражениях типа адыг. уэлахэ сымыкылуэн 'ей богу, не пойду', тхэ сымыгъуэт 'ей богу, не нахожу'. Заметим, что со словами, выражающими клятвенное обещание, связаны другие специфические формы: каб. тхэ согуызавэм 'ей богу, беспокоюсь', тхэ сымыкылуэтэм 'ей богу, я бы пошел', тхэм жимылэчлэ 'упаси бог' и др. /Кумахов, Кумахова, 1979, 47/.

Префикс отрицания в простых глаголах стоит впереди корневой морфемы, в производных /префиксальных/ глаголах - впереди каузативного префикса: каб. уы-мы-кыуэ 'ты не ходи', уы-мы-гъа-кыуэ 'не заставляйте идти', с-а-дэ-в-мы-гъа-кыуэ 'не заставляйте меня идти вместе с ними', с-а-кылы-хуэ-в-мы-гъа-кыуэ 'не заставляйте меня идти к ним'.

В форме наст. времени суффикс отрицания в динамических глаголах следует за суф. -р, в статических глаголах - за корневой морфемой или основой: адыг. сы-кыуэ-р-эп, каб. сы-кыуэ-р-кылым 'я не иду', адыг. сы-шыс-эп, каб. сышыс-кылым 'я не сижу'. Имеются, однако, диалектные особенности, затрагивающие строение динамических глаголов. Ср. куб.-зеленч. сы-кыуэ-кылым 'я не иду', йы-хь-кылым 'он не несет', где суф. -кылым присоединяется непосредственно к корню /Багов, 1969/.

В других формах времен суффикс отрицания следует за временным окончанием: адыг. сы-кыуа-гъэ-п, каб. сы-кыу-

а-кълым 'я не ходил', адыг. сы-кӀуэ-шът-эп, каб. сы-кӀуэ-ну-кълым 'я не пойду'. В отношении суффиксов наклонения и модальных образований суффикс отрицания может быть препозитивным, постпозитивным, инфиксальным: адыг. уы-кӀуэ-рэ-п-и, каб. уы-кӀуэ-р-кълым-и 'ты, оказывается, не идешь', адыг. кӀуэ-гъэ-н-эп, каб. кӀуэ-гъэ-н-кълым 'он, вероятно, не ходил', адыг. кӀуэ-шъты-гъэ-н-эп-т-и 'он, возможно, не ходил', но'. В модальных формах, сложившихся в поздний период после распада общеадыгского единства, место суффикса отрицания не всегда устойчиво: адыг. шъы-ты-гъэ-п-шъты-н, шъы-ты-гъэ-шъты-н-эп 'вероятно, он не стоял'. Подобное варьирование аранжировки глагольных суффиксов, вызванное неустойчивостью места суффикса отрицания, характерно для адыгейского языка /Рогава, Керашева, 1966, 243/.

К особенностям личных форм отрицательных глаголов относятся отсутствие префикса динамичности и оформление огласовки личных префиксов настоящего времени /в отличие от соотносительных неотрицательных форм/ по модели парадигм прош. и буд. времени: адыг. с-хъы-р-эп, каб. с-хъы-р-кълым 'я не несу', но адыг. с-э-хъы, каб. с-о-хъ 'я несу'. 2-е лицо ед. числа императива в отрицательной форме /в отличие от соотносительной неотрицательной формы/ грамматически маркировано преф. у- /уы-, п-, пӀ-/: адыг. уы-мышы, каб. уы-мышӀ 'не делай', но адыг., каб. шы 'делай'.

8.2. К истории сложения отрицательных форм

Категория отрицания относится к числу наиболее древних морфологических явлений глагола. Хотя современные адыгские языки различаются с точки зрения выражения отрицания в глаголе, разбираемая морфологическая категория реконструируется без каких-либо натяжек не только для общеадыгского языка, но и для западнокавказского состояния. В адыгских языках суффиксы отрицания -/э/п, -кълым хронологически относятся к эпохе существования отдельных адыгских языков. Суф. -/э/п образован на адыгейской почве, а

суф. -кълым — на кабардинской почве. Отсутствие /наличие/ морфа -р в суффиксальной форме отрицания относится к диалектным инновациям кабардинского языка.

Что касается префикса отрицания м-, то он возводится к западнокавказскому языковому единству. Этим же префиксом отрицание выражается в убыхском, абхазском и абазинском языках. Однако в последних разбираемый аффикс имеет не только статус префикса /как это наблюдается в отношении адыгских языков/, но и статус суффикса: абх. саны-м-цо 'когда я не иду' /м- префикс отрицания/, с-цо-м 'я не иду' /-м суффикс отрицания/, убых. сы-м-кълан 'я не иду' /м- префикс отрицания/, азбыйо-мы-т 'я его не увижу' /-мы суффикс отрицания/. Аффикс отрицания в абхазском, абазинском и убыхском языках также меняет свою позицию в глаголе в зависимости от форм глагола. В одних формах аффикс префигируется, а других — суффигируется. При этом в современных языках отмечается разнообразие факторов, влияющих на позицию аффикса отрицания. К такого рода факторам относятся формы времени, наклонения, динамичности, статичности и т.д. При этом дифференциальные признаки, определяющие позицию аффикса отрицания в глаголе, различны в разных языках. Однако, несмотря на отсутствие общих дифференциальных признаков, влияющих на позицию аффикса отрицания, следует признать, что суффиксальный способ выражения отрицания с помощью -м вторичен по сравнению с префиксальным способом выражения того же значения с помощью м-. Иными словами, суффикс отрицания -м восходит к префиксу отрицания м-. Вместе с тем наличие обоих способов выражения отрицания в глаголе во всех западнокавказских языках не позволяет утверждать, что суффиксальный способ относится к поздним инновациям.

Во всяком случае есть основания полагать, что префиксальный и суффиксальный способы выражения отрицания возводятся к эпохе общеадыгского единства, хотя суффиксы отрицания -/э/п /адыг./ и -кълым /каб./ не могут быть приписаны общеадыгскому состоянию. Материал убыхского, абхазского и абазинского /и в какой-то мере кабардинско-

И4.Зак.2061

го/ языков свидетельствует о том, что в адыгейском языке суффикс отрицания -/э/п является поздним новообразованием. Кабардинский суффикс отрицания -кыым сохранил старый. аффикс отрицания -м /-кыым ← -кыы ← -кыіэ + -м — древний аффикс отрицания/.

Существуют разные мнения о происхождении суф. -/э/п и элемента -кыы в суф. -кыым. Ж.Дюмезиль не исключал возможности того, что адыг. -/э/п является трансформацией суф. -м, но подобное объяснение он считал лишь предположением, не подкрепляемым какими-либо фактами /Dumézil, 1932, 185-186/. Но в отношении каб. -кыым тот же автор не сомневался в том, что мы имеем дело с сочетанием утвердительного суф. -кыіэ /уыкыуэркыіэ 'ты же идешь' / и суффикса отрицания -м /Там же, 187/. Предположение Ж.Дюмезиля о происхождении адыг. -/э/п не лишено основания, хотя автор справедливо признает его труднодоказуемым. Что касается каб. -кыы в суффиксе отрицания -кыым, то мы считаем его строение прозрачным и мнение Ж.Дюмезиля убедительным. Другое дело — необоснованное сближение Ж.Дюмезилем утвердительного суф. -кыіэ с направительным превербом ккыэ-, кыіэ- /Там же, 140/. Еще менее убедительно сопоставление утвердительного суф. -кыіэ с кыа- в убых. закыа, с ккыуэ- в адыг. заккыуэ 'одинокий' /Там же, 89-90/.

Г.Ф.Турчанинов и М.Цагов /1940, 92/ возводили -кыы в -кыым к корню глагола йы-іэ-н 'иметь', что фонетически неприемлемо.

Большое место занимает категория отрицания в адыгских языках в работе Р.Смеетса /Smeets, 1984, 289-378/. Относительно генезиса адыг. -/э/п голландский ученый развивает гипотезу Ж.Дюмезиля, считая /в отличие от последнего/ вполне убедительной трансформацию м в п через промежуточное б /м → б → п/ в отрицательном суф. -/э/п. К суффиксу отрицания -м возводится также б в утвердительном суф. -ба /Там же, 353-357/. Автор реконструирует для адыг. /шапс./ сыкыагыэпый 'я не ходил и' архетипы *сы-кыа-гыэ-б-ый ←

*сы-к1уа-гъэ-м-ый, для шъуыз-эп-ый '/это/ не женщина и' — архетипы *шъуызы-п-ый ← *шъуызы-бы ← *шъуызы-м-ый /Там же, 355-356/. В отношении каб. -кы1ы в -кы1ым Р.Смеетс отвергает мнение о его генетической связи с утвердительным /по его терминологии — подтвердительным/ суф. -кы1э, возводя первое /вслед за Г.Ф.Турчаниновым и М.Цаговым/ к корню -1э 'быть, существовать, иметь' /шъы-1э-н 'быть, существовать', йы-1э-н 'иметь'/, а второе к корню *кы1уэ 'говорить, сказать'. В этой связи применительно к раннекабардинскому состоянию автор пишет: "Предикативной формой вопроса было *шъы-1э-м, или в этот период возможна еще форма *шъы-1э-м. Эта форма образована от связанного глагола *1э 'быть, существовать', который встречается /и еще встречается в обеих диалектных группах — восточночеркесских и западночеркесских/ в сочетании с преф. шъы- или превербом "посессивности" йы- ...Следовательно, мы могли иметь такие формы, как *сэ-к1уэ-ны-м 'я не пойду' и *сы-к1уэ-н/ы/-шъы1эм в том же значении" /там же, 367/. Последняя форма, в соответствии с разбираемой теорией, позже трансформируется в сы-к1уэ-н/ы/-1эм, сы-к1уэ-н/ы/-кы1эм → сы-к1уэ-н-кы1ым 'я не пойду'. Утвердительный суф. -кы1э в конечном итоге автор возводит к *кы1уэ 'говорить, сказать': "С семантической точки зрения я считаю вероятным, что свободная форма в значении '/ты/ скажи то' превратилось — через частицу 'скажи' — в подтвердительный суффикс, требуя или предполагая подтверждение слушателем" /там же, 362-363/.

Указанные реконструкции и связанные с ними рассуждения Р.Смеетса интересны и заслуживают внимания, хотя они остаются пока на уровне гипотезы. В целом нужно сказать, что голландский кавказовед делает очень ценные наблюдения над отрицательными формами глагола, детально анализирует их, стремится стройно и системно представить глагольные парадигмы с аффиксами отрицания, что способствует более глубокому осмыслению разбираемой морфологической категории.

Префиксальный и суффиксальный способы выражения отрицания посредством одного афф. -м- в убыхском, абхазском и абазинском и реконструкция суффикса отрицания -м для общеадыгского состояния /при действующем ныне префиксе отрицания м-/ заставляют прийти к выводу, что аффикс отрицания -м-, обладающий статусом и префикса и суффикса отрицания, должен быть отнесен не только к общеадыгскому состоянию, но и к более ранним хронологическим уровням. Это означает, что вопрос о том, какой из двух типов выражения отрицания /префиксальный и суффиксальный/ является более древним, неправомерно ставить в отношении не только отдельных адыгских языков /адыгейского или кабардинского/, но и применительно к общеадыгскому языку. Вопрос этот может быть поставлен лишь применительно к более ранним праязыковым состояниям. То же следует сказать о протоубыхском и протоабхазском /абхазско-абазинском диалектном единстве/, поскольку для указанных праязыковых состояний также постулируется афф. -м-, используемый в качестве префикса и суффикса отрицания в глаголе.

по
эж

9. ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

9.1. Сложные и сложно-аффиксальные глаголы

Предварительные замечания. Сложные и сложно-аффиксальные глаголы занимают значительную часть общеадыгской глагольной лексики. Однако чистое сложение относится к малопродуктивным способам глагольного словообразования в общеадыгском языке. Можно выделить несколько общеадыгских типов сложения, не получивших распространения в современных адыгских языках. К ним относятся лексически ограниченные модели: 1/ именная основа + глагольная основа; ср. адыг., каб. шэ-сы-н 'сесть на лошадь' /← шы 'лошадь' + сы- 'сесть, садиться'/, адыг., каб. гуы-лэ-н 'горевать, сокрушаться' /← гуы 'сердце' + лэ ← *кылэ- 'хватать'/; 2/ именная основа + именная основа; ср. адыг. гуы-шлуэ-н, каб. гуы-флэ-н 'радоваться' / гуы 'сердце' + шлуы 'хороший' /.

Более многочисленны общеадыгские сложно-префиксальные глаголы, построенные по модели 'префикс + основа + основа'. В качестве первого члена чаще всего выступает локальный или направительный префикс, в качестве второго члена — глагольная или именная основа. Последний член как постоянный /моделеобразующий/ элемент представляет общеадыгскую глагольную основу. В составе сложно-префиксального глагола моделиобразующий элемент, хотя и сохраняет семантическую связь с корневой морфемой, подвергается семантическим модификациям в зависимости от комбинации с другими морфемами. Сложно-префиксальные глаголы представлены разными общеадыгскими моделями.

1. Префикс + основа + -хьэ: адыг. х-е-ш1ы-хьэ, каб. х-е-ш1ы-хь 'он делает, строит в чем-л., внутри чего-л.', адыг. сы-д-э-плъы-хьэ, каб. сы-д-о-плъы-хь 'я заглядываю'. Вторым членом модели выступают глагольные основы. Общеадыг. -хьэ /адыг. -хьэ, -хьа, -хьы-, -хь, каб. -хьэ, -хьы, -хь/ восходит к основе -хьэ 'нести, идти': каб. дэ-хьэ-н → адыг. дэ-хьа-н 'вносить, войти'; ср. адыг., каб. хьы-н 'нести'. Общеадыг. -хьэ генетически сближается с убых. -уы, абх., абаз. -ла; ср. убых. сы-уы-н 'я вхожу', а-э-уы-н 'я несу', абх. а-ла-ла-ра, абаз. а-ла-л-ра 'войти'. В составе сложно-префиксальных глаголов общеадыг. -хьэ /как и убых. -уы, общеабх. -ла /выражает центростремительное направление. Однако последнее затемняется или утрачивается во многих сложно-префиксальных образованиях: адыг. хэгъэгум зыгуэрэ ккь-и-хьуы-хьа-гь, каб. хэкуым зыгуэр кь1-и-хьуы-хь-а-шъ 'в стране что-то случилось'.

2. Префикс + основа + к1ы: адыг., каб. дэ-плъы-ч1ы-н 'выглядывать', адыг., каб. хэ-ш1ы-ч1ы-н 'делать из чего-л.', дэ-уы-ч1ы-н 'стрелять, выстрелить /из/'. Восходит к общеадыгской связанной основе -к1ы: адыг., каб. йы-ч1ы-н /← йы-к1ы-н ← йы-к1ы-н/ 'выйти'. Допустимо сближение с убых. -т1уы, абх., абаз. -ц1 /Кумахов, 1964, 144; Шагиров, 1977, А-Н, 189/: убых. сы-бла-т1уы-н 'я выхожу', абх. а-ты-ц1-ра 'выйти'. Исходное центробежное значение

общеадыгского -к1ы затемняется в сложно-префиксальных глаголах, где в качестве второго члена модели выступают именные основы: адыг., каб. йэ-пэҕэ-ч1ы-н 'пренебрегать, обойтись высокомерно с кем-л.' /адыг., каб. паҕэ 'гордый, заносчивый'/. Ср. также адыг., каб. йэ-плэз-ч1ы-н 'оглянуться'.

3. Префикс + основа + хы: адыг. дэ-хы-хы-н, каб. дэ-хэз-хы-н 'отнести в сторону', адыг. дэ-фы-хы-н, каб. дэ-хуы-хы-н 'отгонять в сторону'. Модель получила большее распространение в кабардинском языке. Общеадыг. -хы генетически неотделимо от связанных основ -хы /адыг., каб. йы-хы-н 'вынести, вынимать', йэ-хы-н 'спускаться вниз'/, -х /адыг. ы-х 'низ, под'/. Общеадыг. -хы одного происхождения с абх., абаз. -хъ: абх. а-куы-хъ-ра 'снять, ала-хъ-ра 'вынести, вытащить'.

4. Префикс + основа + -сы: адыг. нэ-шэз-сы-н, каб. нэ-шэ-сы-н 'довести, доездить', адыг. зэфэ-лэшьуэ-сы-н, каб. зэхуэ-лэфэ-сы-н 'стащить в одно место'. Модель более продуктивна в кабардинском языке. Общеадыг. -сы представляет собой связанный корень -сы: адыг., каб. нэ-сы-н 'дойти, прийти, достигать туда'. Генетически общеадыг. -сы сближается с общеабх. -дза: абх. а-на-дза-ра, абаз. на-дза-ра 'дойти, доехать, достигать'.

5. Префикс + основа + жэ: адыг. йэ-чэз-жэ-н, каб. йэ-жэ-жэ-н 'побежать', адыг. йэ-хы-жэ-н, каб. йэ-хэз-жэ-н 'унести'. Общеадыг. -жэ /адыг. -жэз → каб. жэз/ — глагольный корень с семантикой движения: адыг. йэ-жэ-н, каб. йэ-жэ-н 'двинуться, тронуться, отправиться'.

6. Префикс + основа + уэ: адыг. йэ-чэпэ-уэ-н, каб. йэ-джэбэ-уэ-н 'ударить сбоку, вбок' /адыг. чап, каб. джабэ 'бок'/, адыг. йэ-ныбэ-уэ-н 'ударить по животу' йэ-нэч1э-уэ-н 'подмигнуть' /нач1э 'внешний угол глаза'/. Модель более распространена в адыгейском языке. Общеадыг. -уэ семантически прозрачно: представляет собой корень глагола уэ-н 'бить, ударить'. Характерная черта модели — лексические ограничения второго члена: им могут

быть лишь основы названий частей тела или производные от них основы имен.

7. Префикс + основа + -к1уэ: адыг., каб. йэ-плъэ-к1уэ-н 'подсматривать, заниматься слежкой' /плъэ-н 'смотреть'/, каб. уы-къы-з-о-плъа-к1уэ 'ты следишь за мною'. Общеадыг. -к1уэ не утрачивает семантической связи с корнем глагола к1уэ-н 'идти'.

8. Префикс + основа + ш1э: адыг., каб. йэ-дэхэ-ш1э-н 'ласкать, приласкать' /дахэ 'красивый'/. Тип непродуктивный. Элемент -ш1э восходит к корню глагола ш1э-н 'делать'.

9. Сложение в комбинации с редупликацией также встречается во всех диалектах, что позволяет приписать его общеадыгскому состоянию. Сложные глаголы, образованные путем сложения и редупликации, представлены разными типами. Сочетание двух основ с редупликацией второго слога первого компонента /при этом второй компонент не соотносится с какой-либо самостоятельной основой/: адыг., каб. мэ-1эбэ-лъабэ 'он делает что-то, он работает'; ср. каб. 1эбэ-н 'протянуть руку'. Тип непродуктивный. Сложение двух лексически незначимых единиц с редупликацией второго слога первого компонента: адыг., каб. мэ-1э-уэ-лъауэ 'он делает что-то', /адыг./ 'машет руками, ногами'. Тип более распространен в адыгейском языке. Сочетание префиксальных основ с редупликацией первого компонента и использованием направительного префикса и суффикса возвратности: адыг. зэ1уынч1-ккъызэ-1уынч1ыжы, каб. зо1уынш1-къ1ызо1уын-ш1ыж 'они толкают друг друга'.

10. Процессы преобразования структурных моделей глаголов характерны для современных адыгских языков и диалектов. Не все рассмотренные общеадыгские структурные модели глагольных основ одинаково устойчивы. Процессы опрощения, связанные с семантикой моделиобразующих морфем, приводят к преобразованию некоторых трехчленных моделей, их функциональному отождествлению с двухчленными моделями. Общеадыгские трехчленные модели проявляют заметную тенденцию к структурному преобразованию в силу утраты своего значения корневыми элементами -хъэ, -к1ы /Кумахов, 1964, 145-

146/: общеадыг. дэ-плъы-хъы-н → адыг., каб. дэ-плъэ-н 'заглядывать, смотреть внутрь'; общеадыг. дэ-плъы-к1ы-н → адыг., каб. дэ-плъы-н 'выглядывать, смотреть изнутри'. Переход старых общеадыгских моделей преверб + основа + хъэ /-к1ы/ в модель преверб + основа стал возможным благодаря тому, что функции корней -хъэ, -к1ы, обозначающих ориентацию, стали выполнять по аналогии с морфологической моделью /восходящей также к общеадыгской эпохе/ чередования гласных в глагольной основе: адыг., каб. дэ-плъэ-н 'заглядывать' — дэ-плъы-н 'выглядывать'. Ср. также адыг. р-е-т1уышъы-хъэ → р-е-т1уышъэ 'впускает', р-и-дзы-хъа-гъ → р-и-дза-гъ 'бросил', р-и-дзы-ч1ы-гъ → р-и-дзы-гъ 'выбросил' /Берсиров, 1974, 56-57/. Десемантизация корневых морфем -хъэ, -к1ы в составе сложных основ дает известные основания рассматривать их при синхронной характеристике как суффиксальные морфемы, хотя их лексическая и фонетическая связь с общеадыгскими корнями йы-хъэ-н 'входить', йы-к1ы-н 'выходить' довольно прозрачна во многих сложно-префиксальных глаголах.

Старые /общеадыгские/ и новые модели глагольных основ сосуществуют в современных адыгских языках, образуя синонимические варианты /основы-дублиеры/, хотя степень их распространения неодинакова в адыгских диалектах. Ср. в современных кабардинских диалектах и говорах синонимические дублетные основы типа к1ышъхъэ-дэдзы-хы-н, к1ышъхъэ-дэдзы-н 'перебросить через что-то', к1ыхъэдэльэфы-хы-н, к1ышъхъэдэльэ-фы-н 'перетаскивать сюда через что-то', где отсечение /отсутствие/ корня -хы без каких-либо морфологических изменений создает также варьирование семантически однозначных образований. Подобные преобразования строения глагольных основ относятся также к инновациям.

11. Образование основ с помощью префиксов — самый продуктивный способ в сфере глагольного словообразования. За редкими исключениями префиксы глагольного словообразования восходят к эпохе общеадыгского единства, а некоторые из них относятся к более ранним хронологическим уровням. Префиксы глаголообразования многочисленны по

составу, разнообразны по функциональным и структурным признакам. Как мы отмечали, в дистрибутивном отношении глагольные префиксы составляют несколько групп, характеризующихся строгими позиционными ограничениями в последовательности морфем в пределах глагольной словоформы. Ниже рассматриваются префиксы глагольного словообразования по группам.

9.2. Префиксы фактитива

Общеадыг. -уы. Образует глаголы от именных основ со значением 'делать или делаться в соответствии со значением мотивирующей основы': адыг. йэ-уы-шьэфы, каб. йэ-уы-шьэху 'он скрывает' /адыг. шьэфы, каб. шьэху 'тайна'//, адыг. йэ-уы-зэнчын, каб. йэ-уы-зэнч1 'он выпрямляет' /адыг. занч1э, каб. занш1э 'прямой'/. Преф. уы- влияет на вокализм мотивирующей основы, если последняя в абсолютном исходе имеет огласовку э. В этом случае имеет место переход э → ы. Общеадыгское состояние продолжает адыгейский язык, тогда как в кабардинском языке гласный ы /← э/ удерживается лишь в отдельных формах /масдара, инфинитива, будущего времени и др./: адыг. йэ-уы-шьэбы → каб. йэ-уы-шьэб 'он размягчает, толчет' /от шьабэ 'мягкий'/. Преф. уы- сближают с основой абхазского глагола а-у-ра 'делать' /Dumézil, Namitok, 1939/.

Своеобразие преф. уы- состоит в том, что, с одной стороны, он стал частью основы в результате переразложения исторически производного глагола, а с другой — с его помощью образуются в современных адыгских языках основы нейтральной /лабильной/ конструкции. Как отмечалось выше, двухчленные нейтральные основы типа каб. мэ-уыф1ыч1 'становиться черным, чернеет' — йэ-уыф1ыч1 'он делает что-то черным' /от ф1ыч1э 'черный'/; мэ-уышьхуэнт1 'становиться синим, синеет' — йэ-уышьхуэнт1 'он делает что-то синим' /от шьхуэнт1э 'синий'/ свидетельствуют о том, что преф. уы- является живым аффиксальным элементом для образования лабильных глаголов от именных основ. Это, в свою очередь, означает, что наряду с древним пластом

непроизводных /нечленимых/ основ типа адыг. ма-жъуэ, каб. ма-вэ 'он пашет' /непер./ — адыг. йэ-жъуэ, каб. йэ-вэ 'он пашет' /перех./ в адыгских языках представлен новый пласт лабильных основ, образованных посредством преф. уы-.

Наличие значительного количества таких основ, в которых этимологически выделяется преф. уы-, показывает его былую продуктивность в сфере глагольного словообразования. К ним относятся: адыг., каб. уы-хы-н 'кончать, заканчивать' /ср. адыг. н-хэ 'его конец'/, адыг., каб. уы-чы-н 'убить' /ср. чы 'конец', для семантики: русск. 'прикончить' в значении 'умертвить, добить окончательно'/, адыг., каб. уы-бзэ-н 'подлизываться, стараться снискать чье-либо расположение' /ср. бзэ 'язык, речь' / и др.

В синхронном плане факитивное значение имеет преф. гъэ- в основах типа адыг. йэ-гъэ-пытэ, каб. йэ-гъэ-быдэ 'он укрепляет', адыг., каб. йэ-гъэ-дахэ 'он украшает', адыг. йэ-гъэ-фабэ, каб. йэ-гъэ-хуабэ 'он нагревает', хотя диахронически он представляет собой каузативный аффикс, восходящий к западнокавказскому хронологическому уровню.

9.3. Префикс каузатива

Общеадыг. -гъэ. Образует каузативные глаголы от динамических и статических основ: адыг. йэ-э-гъэ-хы-гъ, каб. йэ-э-гъэ-хь-а-шь 'я заставил его нести', адыг. шь-е-гъэ-ты, каб. шь-е-гъэ-т 'он заставляет его стоять'. Переход -гъэ → -гъа, обусловленный фонетическими причинами /ср. адыг., каб. е-гъа-клуэ 'он заставляет его идти'/, можно отнести к общеадыгским явлениям, поскольку указанный процесс характерен для однотипных моделей /например, для формы наст. времени от основ типа SV, SSV/ во всех современных адыгских диалектах. Каузатив — одна из древнейших глагольных категорий, сложившихся в эпоху западнокавказского языкового единства. Каузатив выражается в убыкском /во мн. числе/ суффиксом гъа-, в абхазском и абазинском суффиксом р-. Ср. убых. шьу-а-э-гъа-йан 'я вас заставляю их бить', абх. ды-у-сы-р-бот1 'я заставляю тебя его ви-

деть'. Установлено, что формы каузативного афф. гъа- /гъэ-/, р- генетически тождественны /Ломтатидзе, 1958/.

В адыгских языках каузативный преф. гъэ- в ряде случаев отошел к основе, став ее составной частью в силу утраты былой членимости производного глагола: адыг., каб. гъэт1ыты-н 'класть, положить', где т1ы- восходит к т1ы- в т1ысы-н 'сесть, садиться', лы- к лы- в шы-лы-н, шы-лы-н 'лежать', каб. гъэпшык1уы-н 'спрятать' /включают к1уы- ← к1уэ-н 'идти'/, адыг., каб. гъэзэ-н 'повернуть, поворачивать' и др. В подобных глаголах каузативный префикс не выделяется морфологически, поскольку мотивирующая основа в современных адыгских языках семантически не соотносима с самостоятельными лексемами. С другой стороны, не все глаголы, включающие афф. гъэ- /гъа-/, являются носителями каузативной /побудительной/ семантики, если даже морфологически вычленяется мотивирующая основа; например: каб. с-гъэвашь 'я сварил' /от основы глагола вэ-н 'вариться'/, с-гъэжъашь 'я пожарил' /от основы глагола жэ-н 'жариться'/, где преф. гъэ- служит средством образования переходных основ от непереходных. Каузативную семантику в подобные производные переходные глаголы вносит второй преф. гъэ-: йэ-э-гъэ-гъэ-вашь 'я заставил его сварить', йэ-э-гъэ-гъэ-жъашь 'я заставил его пожарить'.

9.4. Локальные префиксы /превербы/ и их строение

В общеадыгском языке фонетическое и морфологическое строение префиксов разнообразно. Особенно многообразна фонетическая структура локальных префиксов. Можно выделить следующие типы локальных общеадыгских префиксов: 1. SV: дэ-, хэ-, йы-, пэ-. 2. SSV: блэ-, кы1уэ-, кыуэ-, бгъуы-. 3. SVSV: к1уэц1ы-, кы1эпы-, кы1эч1ээ-. 4. SSVSV: шъхъэры-, бгъуыры-, шъхъэдэ-. 5. SSVSVSV: шъхъэпыры-. 6. SVSVSV: к1уэц1ыры-. 7. SVSSVSV: зэбгыры-. Поскольку редукция до нуля конечного гласного во всех типах /в определенных фонетических условиях/ восходит к праязыковому состоянию /SV → S, SSV → SS, SVSV → SVS, SSVSV →

SSVS.../, число фонетических моделей в общеадыгском языке увеличивается по крайней мере вдвое; например, переход хэ- → х-: общеадыг. хэ-с-хуы-гъэ /→ адыг. хэ-с-фы-гъ, каб. хэ-с-ху-а-шь/ 'я выгнал', общеадыг. х-а-хуы-гъэ /→ адыг. х-а-фы-гъ, каб. х-а-ху-а-шь/ 'они выгнали'.

Итак, локальный префикс фонетически может быть однокомпонентным /S/ и многосложным /SVSV, SVSVSV.../. Отсюда в словоформе префикс часто превосходит корень /основу/ по своей фонетической протяженности: каб. зэбгыры-х! 'разноси!', где префикс имеет строение SVSVSV, а корень — S. Подобное фонетическое соотношение значимых частей глагола унаследовано современными языками от праязыкового состояния. Локальные префиксы различаются по своему морфологическому строению. Различаются простые и производные /составные/ префиксы. Как простые, так и производные префиксы этимологически могут быть, с одной стороны, прозрачными, с другой — утратившими связь с породившими их основами. Так, простые общеадыг. дэ-, хэ-, фы- и производные зэхэ-, зэшлуэ- /→ каб. зэфлэ-/ по происхождению не соотносимы с основами, тогда как этимология общеадыг. лэз- /лфы-/, пэ- /пфы-/, гуэ- /гуы-/, пэчлэ-, члэчлэ-, кылэчлэ- ясна.

Спецификой адыгских /шире — абхазско-адыгских/ языков является развитие локальных префиксов на базе названий частей тела. Ср. локальные преф. пфы-, гуы-, лфы-, бгъуы- и соотносительные имена пэ 'нос', гуы 'сердце', лэ 'нога', бгъуы 'бок'. Однако к этим названиям нередко восходят первые компоненты разных типов сложных слов, т.е. одни и те же единицы по происхождению приобретают разный статус в сочетании с разными основами; например, адыг. бгъуы-ры-шлагъ '/он/ пристягнут сбоку' и йэ-бгъуы- в йэ-бгъуы-чъагъ '/он/ подбежал сбоку', где бгъуы- в первой словоформе выступает в качестве преверба /префикса/, а бгъуы- во второй — является корнем, т.е. первой частью сложной основы глагола. В этой связи возникает вопрос о критериях разграничения префикса и основы /корня/. В отношении рассматриваемых единиц ни фонетические, ни семан-

тические признаки не могут служить критерием для дифференциации префикса и первых частей /корней/ сложных слов. Поэтому эти разные единицы не всегда разграничиваются в исследованиях, в том числе научных грамматиках, где бгъуы- в йэ-бгъуы-чъагъ 'подбежал сбоку' считается превербом /префиксом/, т.е. морфологической единицей /Рогова, Керачева, 1966, 125-126/. В подобных случаях критерием разграничения префиксов и основ /корней/ служит структурный признак — их место и поведение в слове. Элемент бгъуы- /ры-/ в бгъуы-ры-шлагъ по своим дистрибутивным признакам попадает в один класс, что и элементы дэ-, хэ-, йы-. Последние не соотносимы с самостоятельными основами, т.е. их принадлежность к префиксам не вызывает сомнения. Иным статусом /и иной дистрибуцией/ обладает бгъуы- в йэ-бгъуы-чъагъ, что показывает каузативная форма у-е-з-гъэ-бгъуы-чъагъ 'я заставил тебя бежать сбоку'.

К префиксам относят также элементы типа пэгъуэ-в пэгъуэ-ч1ын 'встретить', чэ- в чэ-тхъэн 'разорвать в клочья', зэ-л1ы- в зэлы-1уык1уэтын 'расступиться' /Урусов, 1980, 219, 225-226/. В глаголах типа пэгъуэч1ын 'встретить' выделяется преверб пэ-, а гъуэ- входит в состав производной основы, о чем свидетельствует их строение: уы-пэ-з-гъэ-гъуэ-ч1ынгъ 'я заставил тебя встретить его'. В глаголе чэтхъэн 'разорвать в клочья' чэ- является не префиксом, а частью основы: каб. уы-с-чэ-тхъашъ 'я разорвал тебя на части'. В противном случае аффикс субъекта с- занимал бы позицию перед корнем, как это строго выдерживается в превербных основах: каб. уы-ш1э-с-тхъашъ 'я тебя подчеркнул'. Что касается глаголов типа зэлы1уык1уэтын 'расступиться', то в них в качестве сложного префикса выделяется не зэлы-, а зэлы1у-: каб. зэлы1уы-з-гъэ-к1уэташъ 'я раздвинул', где 1у- является составной частью преверба, а не основы. Приведенные примеры /количество их можно увеличить/ показывают, что в глаголе префикс занимает свое место, отличающее его от других значимых частей.

9.5. Состав локальных префиксов

Часть простых префиксов утратила этимологическую мотивированность вследствие фонетических и семантических изменений. К ним относятся общеадг. дэ-, йы-, хэ-. Последние образуют основы, обозначающие действие, движение внутри или изнутри предмета. Указанные префиксы объединяющиеся общей семантикой, различаются в дистрибутивном плане, находясь в отношении функциональной дополнительности друг к другу, т.е. каждый из них закреплен за определенной группой имен существительных: адг. шыагуым дэ-сын, каб. пшлантиэм дэ-сын 'сидеть во дворе', адг., каб. матэм йы-сын 'сидеть в корзине', псым хэ-сын 'сидеть в воде'. К простым префиксам, утратившим связь с породившими их основами, относятся также общеадг. ты- 'на, сверху', шыуэ- 'на конце, на поверхности': адг. ты-ри-дагъ, каб. ты-ри-дашъ 'он нашёл сверху', адг. шыуэ-лын, каб. флэ-лын 'быть надетым на что-н'. В эту группу входит также общеадг. шы- с помощью которого образуется лексическая форма глаголов типа адг. шы-сын, каб. шы-сын 'сидеть', адг. шы-тын, каб. шы-тын 'стоять'. Как увидим далее, большая группа превербов этимологически соотносится с самостоятельными лексическими единицами.

Общеадг. пэ-, пы- 'перед, против': адг., каб. пэ-, пы-, п-. Ср. адг., каб. пэ-плэ-н 'ждать', пы-дэ-н 'пришить', адг. п-и-уы-тыгъ, каб. п-и-уыд-а-шь 'он оторвал'. Восходит к общеадг. пэ 'нос',

Общеадг. лэз-, лын- 'вслед, за до': адг., каб. лэз-, лын-, лэ-. Ср. адг. сы-лэз-лэсы-гъ, каб. сы-лэз-лэс-а-шь 'я достал, достиг /рукой/', адг. лэ-и-дзы-гъ '/он/ бросил вслед', каб. лэ-и-х-а-шь 'он снял с ноги'. Восходит к общеадг. лэз 'нога'.

Общеадг. кыуы- 'у, возле': адг. кыуы-, кыу-, луы-, лу-, каб. луы-, лу-. Ср. шапс. кыуы-с, бжед. темир., абадз. луы-с, каб. луы-с-шь '/он/ сидит возле', шапс. кыу-и-хы-гъ бжед., темир., абадз. лу-и-хы-гъ, каб. лу-и-х-а-шь '/он/ убрал'. Восходит к общеадг. кыуы 'рот'.

Общеадыг. гуы-, гуэ- 'рядом, сбоку': адыг., каб. гуы-, гуэ-, гу-. Ср. каб. гуы-з-о-х 'я отнимаю сбоку', адыг., каб. гуэ-ты-н 'стоять рядом', гуэ-чы-н 'отойти сбоку', адыг. гу-и-да-гъ, каб. гу-и-д-а-шь '/он/ пришел сбоку'. Восходит к общеадыг. гуы 'сердце'.

Общеадыг. блэ- 'мимо, рядом, поблизости': адыг., каб. блэ-, блы-, бл-. Ср. адыг., каб. блэ-чы-н 'идти мимо', каб. блы-з-о-х 'я несу мимо'. Восходит к общеадыг. блэ 'часть руки от плеча до кисти'.

Общеадыг. чыэ- 'под, дно': бжед., темир. чыэ-, чы-, чыэ-, чи-, шап. чыэ-, чи-, абадз. шыэ-, шы-, шыэ-, ш-, лыэ-, лы, каб. шыэ-, шы-, ш-. Ср. бжед., темир. чыэ-сы-н, шапс. чыэ-сы-н, абадз. шыэ-сы-н, шыэ-сы-н, лыэ-сы-н, каб. шыэ-сы-н 'сидеть под', бжед., темир. чы-и-тхы-гъ, шапс. чи-и-тхы-гъ, абадз. шы-и-тхы-гъ, ш-и-тхы-гъ, лы-и-тхы-гъ, каб. ш-и-тх-а-шь '/он/ оторвал дно'. Варианты чыэ-, чы-, чыэ-, чи- в одном и том же диалекте объясняются незавершенностью процесса перехода чы → чи: темир. чыэ-хъ-гъ 'он зашел под', чыэ-зы-гъ 'то отвалилось, отскочило /снизу/'. Все фонетические варианты возводятся к общеадыг. чыэ 'дно'.

Общеадыг. кыуэцы- 'внутри, внутрь': адыг., каб. кыуэцы-, кыуэци-. Ср. адыг. кыуэцы-с, каб. кыуэцы-с-шь '/он/ сидит внутри', адыг. кыуэци-и-лъхъ-гъ, каб. кыуэци-и-лъхъ-а-шь '/он/ положил внутрь'. Восходит к общеадыг. кыуэцы 'внутренность, нутро, утроба'.

Общеадыг. кыуэ- 'за кем-чем-либо, в углу': адыг. ккыуэ-, ккыу-, каб. кыуэ-, кыуы-, кыу-. Ср. адыг. ккыуэ-лъ, каб. кыуэ-лъ-шь 'лежит в углу', адыг. ккыу-и-дзэ-гъ, каб. кыу-и-дзэ-а-шь '/он/ бросил у угол', каб. кыуы-з-о-лъхъэ 'я кладу в угол'. Восходит к *кыуэ 'угол'; ср. адыг. ккыуэ-гъу, каб. кыуа-гъ 'угол'.

Общеадыг. кыы -: адыг., каб. лы-, л-. Выражает действие, связанное с рукой. Ср. адыг., каб. лы-хы-н 'взять /из рук/', адыг. л-и-хы-гъ, каб. л-и-х-а-шь 'он взял /из рук/'. Восходит к общеадыг. кыэ 'рука'.

Общеадыг. пхы- 'через, сквозь, насквозь': адыг., каб.

пхы-, пх-. Ср. адыг., каб. пхы-хы-н 'прорубить, просверлить', адыг. пх-и-хы-гъ, каб. пх-и-х-а-шь 'он прорубил, просверлил'; ср. общеадыг. пхэ 'тыл, зад'.

Сложные превербы образуют разные группы. Одну из них составляют превербы, включающие соединительный элемент /интерфикс/ -р/ы/-. Последний составляет сложный преверб в сочетании либо с простым превербом /бгъуы-ры-, пэ-ры-, пхы-ры и др./, либо с основой, восходящей к имени /шьхъэ-ры-, пкъы-ры и др./ . Превербы этого типа относятся к разным хронологическим эпохам. Как увидим далее, одни из них восходят к общеадыгскому единству, другие — к диалектным инновациям.

Общеадыг. ч1эры- ← ч1э 'хвост, конец' + интерфикс -ры-: адыг., каб. ч1эры-ч1ы-н 'отойти', ч1эры-сы-н 'сидеть рядом', адыг. ч1эры-с-ш1а-гъ, каб. ч1эры-с-ш1-а-шь 'я прицепил', адыг. сы-ч1эры-хъа-гъ, каб. сы-ч1эры-хъ-а-шь 'я подошел'.

Общеадыг. шьхъэры- ← шьхъэ 'голова' + интерфикс -ры-: адыг. шьхъары-зы-н, каб. шьхъэры-хуы-н 'упасть с головы', адыг. сы-шьхъары-ч1ы-гъ, каб. сы-шьхъэры-ч1-а-шь 'я прошел над чем-то'.

Общеадыг. пкъыры- ← пкъы 'тело, остов, корпус' + -ры-: адыг. пкъыры-ч1ы-н, каб. пкъылыры-ч1ы-н 'выйти изнутри'.

Общеадыг. гуыры- ← гуы 'сердце' + интерфикс -ры-: адыг., каб. гуыры-1уэ-н 'понять', адыг. гуыры-з-гъэ-1уа-гъ каб. гуыры-з-гъэ-1уа-шь 'я ему растолковал'.

Общеадыг. к1уэц1ыры- ← преверб к1уэц1ы- + интерфикс -ры-: адыг. к1уэц1ыры-с-фы-гъ, каб. к1уэц1ыры-с-ху-а-шь 'я прогнал через что-то', адыг. уы-к1уэц1ыры-с-шьы-гъ, каб. уы-к1уэц1ыры-с-ш-а-шь 'я провел тебя через что-то'. По своей семантике преверб к1уэц1ыры- выступает вариантом преверба к1уэцы-.

Другие превербы этого типа образованы в более позднюю эпоху. Развитие интерфикса на стыке морфем, характерное для общеадыгского состояния, продолжалось в период распада праязыкового единства. Некоторые из этих превербов существуют как морфологические синонимы простых превербов,

т.е. без интерфикса -ры-.

Адыг., каб. пхыры-, пхыр- ← преверб пхы- + интерфикс -ры-: адыг., каб. пхыры-плы-н 'смотреть сквозь что-то', адыг. пхыры-зы-н 'провалиться сквозь', каб. пхыры-с-тхь-а-шъ, пхы-с-тхь-а-шъ 'я прорвал, адыг. сы-пхыры-чы-гъ, каб. сы-пхыры-ч1-а-шъ 'я прошел'.

Адыг., каб. бгъуыры-, бгъуыр- ← преверб бгъуы- + интерфикс -ры-: адыг., каб. бгъуыры-лы-н 'лежать сбоку', адыг. бгъуыры-с-ш1а-гъ, каб. бгъуыры-с-ш1-а-шъ 'я прис-тегнул сбоку', каб. сы-бгъуы-ры-хь-а-шъ 'я подошел сбоку'.

Каб. пэры-, пэр- ← преверб пэ- + интерфикс -ры-: сы-пэры-с-шъ 'я сижу перед чем-л.', уы-пэры-т-шъ 'ты стоишь перед чем-л.', уы-кы1ы-пэры-с-ш-а-шъ 'я отвел тебя от чего-л.'. Ср. адыг. пэ-с → каб. пэры-с-шъ 'сидит перед чем-л.'.

Каб. 1эры-, 1эр- ← 1э 'рука' + -ры-: 1эры-с-т1эгъ-а-шъ 'я надел на руку', 1эры-з-гъэ-гъ-а-шъ 'я носил на руке', кы1ы-с-1эры-п-х-а-шъ 'ты снял с моей руки', уы-кы1ы-с-1эры-хь-а-шъ 'ты попал в мои руки'.

Каб. 1уыры-, 1уыр- ← 1уы 'рот' + -ры-: уы-зы-1уыры-з-дз-а-шъ 'я тебя съел', 1уыры-п-лхь-а-шъ 'ты вложил в рот', 1уыр-и-ку-а-шъ 'он впихнул в рот'.

Превербы на -ры- могут быть трехкомпонентными.

Общеадыг. шъхъэпыры- ← шъхъэ 'голова' + пэ 'нос' + -ры-: адыг., каб. шъхъэпыры-чы-н 'пройти над кем-чем-л.', каб. шъхъэпыры-с-х-а-шъ 'я пронес над кем-чем-л.', уы-шъхъэ-пыры-з-дз-а-шъ 'я бросил, перекинул тебя через что-л.'.

Адыг. ч1элыры- ← ч1э 'хвост, конец' + лэз 'нога' + -ры-: ч1элыры-ты-н 'стоять рядом', ч1элыры-хьа-н 'подойти сбоку', ч1элыры-т1ысхьа-н 'сесть рядом'. Преверб ч1элыры- как адыгейское новообразование выступает синонимом общеадыг. ч1эры-.

Адыг. пэч1эры- ← пэ 'нос' + ч1э 'хвост, конец' + -ры-: пэч1эры-уэ-н 'бить, ударить спереди', уы-пэч1эры-уа-гъ 'ты ударил спереди'.

Многообразны двухкомпонентные прервербы, сложившиеся на базе лексических и морфологических единиц. Прервербы этого типа хронологически различны: относятся к общеадыгскому состоянию и диалектным новообразованиям.

Общеадыг. лъэч1ьэ ← лъэ 'нога' + ч1ьэ 'дно': адыг. лъыч1э-, лъыч1-, каб. лъэш1ы-, лъэш1-. Имеет значение 'до за, вслед': адыг. сы-лъы-ч1э-хьа-гъ, каб. сы-лъэш1ы-хь-ашь 'я его настиг', адыг. лъыч1-и-дзагъ 'он бросил вслед за ним'.

Общеадыг. лъыкьуэ ← лъэ 'нога' + прерверб кьуэ; адыг. лъыккьуэ-, каб. лъыкь1уэ-. Имеет значение 'за, у': адыг. ккьы-с-лъыккьуэ-ч1ыгъ, каб. кь1ы-с-лъыкьуэ-ч1ашь 'у меня обнаружилось'. Вместо лъыкьуэ- встречается диалектное новообразование пыкь1уэ: черк. пыкь1уэ-ч1ын 'обнаружиться у кого-л.'.

Адыг. лъэхэ ← лъэ 'нога' + прерверб хэ:- лъэхэ-сын 'жить вместе с кем-л.', лъэхэ-тын 'быть вместе с кем-л.'. Прерверб лъэхэ- — адыгейское новообразование.

Общеадыг. жэхэ ← жэ 'рот' + прерверб хэ:- адыг. жэхэ-, жэх-, каб. жьэхэ-, жьэхы-, жыхэ-, жьэх-, жых-. По значению близок к общеадыг. кь1уэ-. Ср. адыг. жэхэ-тын, каб. жьэхэ-тын 'стоять перед кем-чем-л.', каб. сы-жьэх-о-плъэ 'я смотрю на него в упор'.

Общеадыг. жэдэ ← жэ 'рот' + прерверб дэ:- адыг. жэдэ-, жэд-, каб. жьэдэ-, жьэды-, жьэд-, жьыдэ-, жьыд-. Имеет значение 'рот, пасть'. Ср. адыг. жэдэ-лъхьан, каб. жьэдэ-лхьэн 'положить в рот', адыг. жэд-и-дзагъ, каб. жьэд-и-дзашь 'он бросил ему в рот'.

Общеадыг. шъхьэдэ ← шъхьэ 'голова' + прерверб дэ:- адыг. шъхьэдэ-, шъхьадэ-, шъхьад-, шъхьэд-, каб. шъхьэдэ-, шъхьэды-, шъхьэд-. Имеет значение 'через верх, поверх чего-л.'. Ср. адыг. шъхьадэ-ч1ын, каб. шъхьэдэ-ч1ын 'перейти через что-то', адыг. шъхьад-и-дзыгъ, каб. шъхьэд-и-дзашь 'он перебросил', каб. шъхьэды-з-о-х 'я переносу через что-л.'.

Общеадыг. шъхьэшъы ← шъхьэ 'голова' + прерверб шъы;- ср. шъы-сын 'сидеть': адыг. шъхьэшъы-, шъхьашъы-, шъхьэшъ-,

шъхъашъ-, каб. шъхъэшъы, шъхъэшъ-. Обозначает 'над чем-л., через верх': адыг. сы-шъхъашъы-сыгъ 'я сидел над кем-чем-л.', каб. уы-шъ-хъэшъы-с-хашъ 'я перенес тебя через что-то', шъхъэшъ-и-лъэфашъ 'он стянул сверху'.

Общеадыг. бгъэдэ- ← бгъэ 'грудь' + преверб дэ-: каб. бгъэдэ-, бгъэды-, бгъэд-, адыг. бгъуэдэ-, бгъуэд- имеет значение 'около, рядом, вблизи'. Ср. каб. бгъэдэ-сын, адыг. бгъуэдэ-сын 'сидеть рядом', адыг. сы-бгъуэдэ-хъагъ 'я подошел', каб. уы-бгъэдэ-с-шашъ 'я подвел тебя к нему', адыг. бгъуэд-и-лъхъагъ 'он положил рядом с ним', каб. бгъэды-э-о-ху 'я отгоняю от него'. Считается, что адыг. бгъуэдэ- образовано от бгъуы 'бок + преверб дэ- /Урусов, 1980, 215/. Но исходным для адыг. бгъуэдэ- является, по-видимому, общеадыг. бгъэдэ-, т.е. вариант, сохранившийся в кабардинском языке. На это указывает форма бгъуэ в бгъуэдэ- /а не бгъуыдэ-/.

Общеадыг. пэчъэ- ← пэ 'нос' + чъэ 'дно, низ, под': адыг. пэчъэ-, пэчъ-, каб. пэшъэ-, пэшъы-, пэшъ-. Имеет значение 'вниз, под, перед'. Ср. адыг. пэчъэ-уыцуэн, каб. пэшъэ-уывэн 'стать перед кем-чем-л.', каб. пэшъ-и-лъхъашъ 'он подложил'.

Общеадыг. пэкъуы- ← пэ 'нос' + къуы- 'рот': шапс. пэкъуы-, пэкъу-, бжед., темир., абадз., каб. пэуы-, пэу-. По значению близок предыдущему превербу. Ср. адыг. лит., каб. пэуы-тын 'стоять напротив', каб. пэуы-дзын 'отдалить, отбросить'.

Адыг. пэшъуэ-, пэшъу- ← пэ 'нос' + преверб шъуэ-: пэшъуэ-нэн 'пристать к кому-л.', пэшъуэ-чъын 'закончить'. Преверб сложился на адыгейской почве.

Каб. пшъэхэ-, пшъэхы-, пшъэх- ← шъэ 'шея' + преверб хэ-. Указывает на действие, связанное с шеей: пшъэхэ-с-лъхъашъ 'я надел на его шею', пшъэхы-э-о-х 'я снимаю с его шеи'. Имеются варианты пшъыхэ-, пшъыхы-, пшъых-.

Адыг. шъуэхэ-, шъуэх- ← преверб шъуэ- + преверб хэ-. По значению сближается с каб. пшъэхэ-, пшъэхы-, пшъэх-: адыг. шъуэхэ-дзэн 'накинуть', шъуэх-и-лъагъ 'он повесил

на шею', шлуэх-и-хыгъ 'он снял с шеи' Судя по семантике, можно предположить, что преверб шлуэхэ-, шлуэх- является поздним морфологическим преобразованием на адыгейской почве: пшъэхэ- ← пшъэ 'шея' + хэ- /→ каб. пшлэхэ-/. Иначе трудно объяснить функциональное тождество адыг. шлуэхэ- и каб. пшлэхэ-, указывающих на действие глагола, связанное с шеей. В этом случае архетип возводится к общеадыгскому состоянию.

Общеадыг. члэчлэхэ- ← члэ 'хвост, конец' + члэхэ 'низ, дно, под': адыг. члэчлэхэ-, члэчлэхэ-, члэчлэхэ-, каб. члэшлэхэ-, члэшлэхэ-, члэшлэхэ-. Имеет значение 'под': адыг. члэчлэхэ-и-дзэгъ 'он подбросил ему', каб. члэшлэхэ-п-лэхъашъ 'ты подложил ему', члэшлэхэ-з-о-хуэ 'я подгоняю, загоняю подо что-н.'. Вторичное значение преверба "незаметно": адыг. члэчлэхэ-клуэшъыгъ 'незаметно ушел от него'.

Общеадыг. члэлэхэ- ← члэ 'хвост, конец' + лэхэ 'нога': адыг., каб. члалэхэ-, члэлэхэ-. Имеет значение 'вслед, за': адыг., каб. члалэхэ-хын 'нести вслед', адыг. члэлэхэ-и-фыгъ 'он погнался вслед', каб. уы-члэлэхэ-з-гъэ-клуашъ 'я заставил тебя идти вслед за ним'.

Каб. хыфлэхэ-, хыфлэхэ-, хыфлэхэ- ← преверб хэ- + преверб флэхэ-: уы-хыфлэхэ-т-хуашъ 'мы тебя толкнули', хыфлэхэ-з-о-дзэ 'я бросаю', хыфлэхэ-и-уытлэхэ-пшъхъашъ 'он швырнул'. Преверб относится к кабардинским новообразованиям.

Общеадыг. кылэхэ- ← кылэхэ 'рука' + члэхэ 'низ, дно, под': адыг. лэхчлэхэ-, лэхчлэхэ-, каб. лэшлэхэ-, лэшлэхэ-, лэшлэхэ-. Указывает на действие, связанное с рукой: адыг. лэхчлэхэ-куэн 'сунуть ему в руки', каб. лэшлэхэ-з-о-лэхъэ 'я кладу ему в руки', лэшлэхэ-и-тхъашъ 'он вырвал из рук'. Выражает также непроизвольность, нечаянность действия: адыг. лэхчлэхэ-клуэдэн 'убить нечаянно'.

Общеадыг. кылэхэ- ← кылэхэ 'рука' + пэхэ 'нос': адыг., каб. лэхпэхэ-, лэхпэхэ-. По значению сближается с предыдущим превербом: адыг. лэхпэхэ-хын 'взять из рук', адыг. лэхпэхэ-зын, каб. лэхпэхэ-хуын 'уронить из рук', каб. лэхпэхэ-и-уыдашъ 'он вырвал из рук'.

9.6. К истории сложения превербов и превербных основ

Есть все основания полагать, что категория превербов, выражающая пространственные и направительные отношения в глаголе, существовала еще в эпоху абхазско-адыгского /западнокавказского/ языкового единства. Об этом свидетельствуют материально и функционально тождественные превербы в абхазско-адыгских языках. Хотя превербы, возводимые к западнокавказскому состоянию, не очень многочисленны, их исходность подтверждается данными внутренней и сравнительной реконструкции. Важно также отметить, что категория превербов оказалась чрезвычайно устойчивой и в структурном плане. Можно утверждать, что в этом отношении современные западнокавказские языки продолжают состояние языка-основы, сохраняя древние дистрибутивные признаки локальных и направительных превербов. Так, во всей группе языков в синтагматике морфем направительный преверб предшествует локальному превербу, последний предшествует каузативному префиксу и следует префиксу союжности или взаимности. Такая строгая иерархичность характерна для всех абхазско-адыгских языков. Показательно, что отклонения в распределении превербов в пределах словоформы исключительно редки, что и создает их структурное единство.

Между тем превербы в западнокавказских языках очень разнотипны не только по составу, но и с точки зрения их соотношенности с разными хронологическими уровнями. Если взять, например, адыгские превербы, то их относительная хронология неодинакова, поскольку наряду с древними /западнокавказскими/ превербами здесь представлены превербы, образовавшиеся в более поздние исторические периоды. Причем последние относятся также к разным периодам развития истории данных языков.

В целом можно сказать, что адыгские превербы охватывают следующие уровни: западнокавказский, адыгско-убыхский, общеадыгский /или протоадыгский/ и уровень поздних адыгских /диалектных/ инноваций. Нетрудно заметить, что все простые и многие сложные превербы возводятся к общеадыгскому или

более ранним праязыковым состоянием. Если же такие локальные превербы как адыг., каб. пэ-, адыг., каб. гуы-, адыг. ч1э-, каб. ш1э-, адыг., каб. лы- в др. могут быть приписаны западнокавказскому состоянию /ср. абх. абаз. п-, убых. ф-, абх., абаз. гу-, убых. гь-, абх., абаз. ц1-, абх., абаз. шь-, убых. лъ-/, то превербы типа адыг., каб. дэ-, йы-, хэ-, адыг. шы-, каб. шы- и др. образованы не позже общеадыгского языкового единства.

Лишь очень немногие превербы относятся к поздним инновациям, возникшим в период после распада общеадыгского языка. В число новых превербов входят только производные превербы, состоящие из двух и более простых локальных превербов. Так, на адыгейской почве образованы такие превербы, как пэш1уэ-, лэхэ-, ч1элыры-, пэч1эры- и др. Превербы же хыф1э-, пэры-, 1эры- относятся к кабардинским новообразованиям. К инновациям относятся и различия в употреблении одних и тех же превербов между адыгскими языками и диалектами: адыг. тутын ч1э-дзын, каб. тутын хыф1э-дзэн 'бросить курить'. Расхождения отмечаются и между диалектами одного и того же языка: мозд. тыкуэным т-е-лышь, бакс. тыкуэным ш1э-лышь 'лежит в магазине'. Хотя все западнокавказские языки объединяются многими материальными и структурными признаками превербов, все же между ними в системе превербов существуют значительные расхождения в их синхронном состоянии. Эти расхождения, естественно, относятся к эпохе после распада общего праязыкового состояния.

Адыгско-убыхский ареал отличается от абхазско-абазинского ареала некоторыми превербами, сложившимися на адыгско-убыхской почве. Ср., например, превербы адыг., каб. блэ-, убых. бл-, адыг., каб. пхы-, убых. пшы- и др. Отдельные превербы, представленные во всех западнокавказских языках, характеризуются общей семантикой в адыгейском и убыхском языках, что также отличает их от абхазского и абазинского языков: адыг. /шапс./ гуэ-, убых. гьы- в значении 'на': шапс. сыгуэсы, убых. сыгысы 'сиду на чем-то' /ср. шапс. шыым сыгуэсы 'сиду на лошади'/. Од-

нако к наиболее значительным особенностям системы превербов в адыгско-убыхском ареале относятся общие структурные модели сочетания типа преверб + корень статического глагола, образующие определенные подсистемы глагольной деривации. Рассматриваемые языки объединяются наличием генетически тождественных корневых элементов, неотделимых от локальных превербов. Речь идет о продуктивных моделях типа преверб + связанный /несвободный/ корневой элемент. В качестве морфологически связанных с превербом корневых элементов выступают морфы -с, -т, -лѣ. Иначе говоря, как сама структурная модель преверб + несвободный корень статического глагола, так и сами корневые элемента сложились на адыгско-убыхской языковой почве, что важно для обоснования положения о существовании определенного хронологического уровня между западнокавказским и общеадыгским языками.

Анализируемая адыгско-убыхская модель превербных образований претерпела изменения в последующий период, т.е. в эпоху самостоятельного существования общеадыгского и убыхского языков. В частности, в период после распада адыгско-убыхского языкового единства сложились супплетивные, в том числе превербные основы статических глаголов в убыхском языке, противопоставляющиеся по числовому признаку. Например, вместо исходной адыгско-убыхской превербной основы -с, нейтральной в отношении числа, в убыхском возникли оппозитивные превербные основы: -с для ед. числа, -жуа для мн. числа. Ср. также убыхские превербные основы ед. числа -ту, -лѣ, превербные основы мн. числа -ха, -с. Нейтральные в отношении числа связанные основы типа преверб +с 'сидеть', преверб +лѣ 'лежать', по-видимому, продолжают исходное состояние, характерное для адыгско-убыхского хронологического уровня, а дифференциация превербных основ по числовому признаку — убыхское новообразование. Заметим, что это новообразование представляет собой специфику одного убыхского языка, т.е. относится к уникалиям этого языка.

Отличительной чертой адыгско-убыхского ареала является

то, что превербы характеризуются лишь статусом аффиксальных морфем, т.е. рассматриваемым языкам не свойственны превербы-корни, выступающие в двойной функции: в роли глагольных корневых морфем и префиксальных элементов /собственно превербов/ в составе самостоятельных глаголов, как это имеет место в абхазском и абазинском языках. Указанное явление относится к существенным признакам превербов, их структурного оформления и функционирования, отражающим несколько обособленное положение адыгско-убыхского ареала.

Для реконструкции глагольной системы, в том числе превербных образований общеадыгского и более ранних праязыковых состояний, немаловажен вопрос о том, какая из указанных моделей превербов является исходной. В этой связи на данном этапе изученности исторической морфологии абхазско-адыгских языков можно сказать следующее. Нет данных, свидетельствующих о том, что адыгейский, кабардинский и убыхский языки прошли этап абхазско-абазинских корней-превербов. Скорее всего последние образовались на базе абхазско-абазинского диалектного единства после распада западнокавказского языка-основы. Что касается адыгских морфем ч1ы-, хьэ-, выражающих противоположные направления /дэ-ч1ы-н 'выходить', дэ-хьэ-н 'входить'/, то они имеют иную хронологическую глубину и иную функциональную нагрузку. Обращает на себя внимание тот факт, что в структурном /морфологическом/ отношении приведенные глагольные морфемы в общеадыгском языке остаются корневыми элементами, т.е. не выступают в роли префиксов или аффиксов в глаголе.

Следует также указать на то обстоятельство, что в адыгейском, кабардинском и убыхском отсутствуют материально и функционально тождественные превербы и суффиксы направления, как это встречается в абхазском и абазинском языках. Ср. превербы г1а- → аа-, л/а/-, т- и соотносительные суффиксы -г1а → -аа, -л/а/, -т в абхазском и абазинском языках. Адыгско-убыхский ареал, не знающий морфем, выступающих в роли превербов и поствербов в составе глагольной /сложной/ основы, продолжает более архаичное, древнее состояние.

Иное дело — превербы в сочетании с аблаутными чередованиями в системе глагола. Локальные превербы тесно связаны с аблаутными чередованиями в глаголе. Более того, один из продуктивных морфологически значимых чередований, выражающий направление действия в глаголе, возможен только в превербных образованиях. При этом в адыгских языках преверб и аблаут, хотя и взаимообусловлены, функционально четко разграничены: преверб обозначает локализацию, аблаут — направление: адыг. дэшы́н 'выводить', дэшьэ́н 'вводить'. Существование общей модели аблаутного чередования в превербных основах абхазско-адыгских языков трудно обосновать данными сравнительной реконструкции. Однако в адыгских языках в превербных основах аблаут, выражающий направление действия, без каких-либо натяжек реконструируется для общеадыгского состояния. То же, по-видимому, следует сказать об аблауте, указывающем на направление в абхазском и абазинском. Есть основания утверждать, что чередование гласных, используемое для дифференциального выражения разных направлений, сложилось в эпоху абхазско-абазинского языкового единства. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в адыгских языках аблаут в превербных основах находит функциональную параллель в абхазском и абазинском. Так, основа, оформленная кратким гласным ы или нулевой огласовкой, характеризуется одинаковой функцией — указывает на центробежное /элативное/ направление в абхазском, абазинском, адыгейском и кабардинском. Вместе с тем отсутствие достаточного материала в убухском языке пока еще не позволяет прийти к выводу о наличии указанного типа чередования в западнокавказском языке-основе. Поэтому вполне возможно, что мы имеем дело с параллельным, т.е. независимым развитием функционально однотипного явления в разных языковых ареалах — адыгском и абхазском /точнее абхазско-абазинском/.

Преверб влияет не только на фонетическое строение основы, но — что более важно — на характер функционального /качественного/ чередования гласных. В этой связи возникает вопрос о соотношении аблаутных чередований в пре-

вербных и простых глагольных основах.

В адыгских языках, как известно, противопоставление глагольных основ типа дын 'шить вообще' /непереходный глагол/, дэн 'шить что-то' /переходный глагол/ снимается в превербных основах, поскольку в последних огласовка переходного глагола совпадает с огласовкой простого непереходного глагола: ар ма-дэ 'он/а/ занимается шитьем', ашь де-дэ 'он/а/ вшивает'. Как видно, одинаковую огласовку имеют простая непереходная основа /дэ/ и превербная переходная основа /дэ/. Принято считать, что в подобных случаях /а таких примеров довольно много/ в превербных основах восстанавливается исходная /этимологическая/огласовка. На основе данных внутренней реконструкции представляется возможным предложить новую точку зрения на происхождение разбираемых превербных образований. На наш взгляд, в превербных основах не восстанавливается исходная форма, а происходит вторичная переогласовка, т.е. переход иррационального гласного ы в краткий гласный э /ы → э/. Дело в том, что переогласовка является отличительной чертой глагольных основ, включающих локальные превербы. Это можно подтвердить данными внутренней реконструкции. Так, в отличие от парных основ типа общеадыгских дын 'шить' /переходный глагол/ — дэн 'шить/непереходный глагол/ глаголы гьын 'плакать', уыбыдын 'поймать, схватить', 1ыгьын 'держатъ' и др. являются непарными, т.е. не имеют соотносительных форм с огласовкой на краткий гласный э. Мы отмечали, что при сочетании непарных основ разбираемых переходных глаголов с локальными превербами происходит переогласовка. Например, гьын 'плакать', но тегъэн 'оплакивать', уыбыдын 'поймать, схватить', но теуыбыдэн 'поймать, схватить на чем-то', 1ыгьын 'держатъ', но те1ыгъэн 'держатъ на чем-то'. Как видно, преверб влияет на огласовку, создает каноническую форму, охватывающую все однотипные глагольные основы. В превербных основах изменение огласовки не влияет на переходность и непереходность значения: превербная форма, как и простая основа, сохраняет переходное значение. Однако изменение огласовки в непарных глаголах типа гьын

'плакать', тегъэн 'оплакивать' имеет скрытое центростремительное/иллативное/ значение, имплицитно выражающееся в том, что действие направлено на предмет или к предмету.

Превербные основы типа тедэн 'нашить', тегъэн 'оплакивать', тетхэн 'написать на чем-то' и др. тождественны формам тедзэн 'бросить на что-то', тешэн 'вести на поверхность чего-то' и др. Различия между разными превербными основами обнаруживаются в том, что центростремительное значение проявляется более отчетливо в превербных глаголах движения /тедзэн, тешэн/ и менее отчетливо в глаголах действия и состояния /тегъэн, тетхэн, теыгъэн/. Таким образом, можно сделать вывод, что в переходных превербных основах типа тедэн 'нашивать', хэдэн 'вшивать', члэрыдэн 'пришивать' не восстанавливается исходная основа с кратким гласным э, а имеет место закономерный переход исконого иррационального гласного ы в краткий гласный э, что связано с выражением морфологической функции значения центростремительного направления. Тем самым превербные переходные глаголы тедэн 'нашить', тетхэн 'написать на чем-то', тешэн 'сделать на чем-то' и др. рассматриваются нами наравне с превербными глаголами центростремительного значения: тедзэн, тешэн, техээн и т.д.

Существует мнение, согласно которому оппозиция переходность-непереходность, связанная с чередованием гласных в простых основах /имеются в виду пары типа дын — дэн 'шить'/, генетически возводится к оппозиции в превербных основах, выражающих противоположные направления /имеются в виду пары типа тедзын 'сбросить' — тедзэн 'бросить на что-то'/ /Dumézil, 1975, 31/. Хотя этот вопрос требует более глубокого рассмотрения, представляется очевидной функциональная соотносительность гласных, участвующих в образовании морфологических оппозиций глагольных основ. Бросается в глаза тот факт, что огласовка ы /или нуль/ обозначает центробежное направление или переходное значение, в то время как огласовка э выражает противоположные функции — центростремительное направление или непереходное значение. Что касается относительной хронологии

разбираемых явлений, то, судя по всему, оппозиция 'центробежная основа — центростремительная основа' преревбных глаголов древнее оппозиции 'переходная основа — непереходная основа' типа дэн — дын 'шить'. Об этом свидетельствуют данные родственных языков, в частности абхазского и абазинского, использующих аблаутные чередования для выражения ориентации направления. Ср. абаз. та-ца-ра 'загнать туда, внутрь', а-т-ца-ра 'выгнать оттуда сюда', где локальность выражена преревбом, а направление — огласовкой преревба, причем нулевая ступень /как и в адыгских языках/ выражает центробежное направление, огласовка а /в адыгских огласовка э/ — центростремительное направление. Считают, что в абхазском и абазинском в синонимичных парах типа абх. а-т-шуа-ра, абаз. т-шу-т-ра 'выброситься оттуда сюда' морфонологический способ образования основ /а-т-шуа-ра/ является исходным /Ломтатидзе, 1953/. В аналогичных образованиях адыгских языков отмечается обратное соотношение: адыг., каб. дэ-плъы-ч1ы-н → дэ-плъы-н 'выглядывать'.

В адыгских языках чередование гласных, связанное с выражением противоположных направлений, характерно для корневых морфем, тогда как в абхазском и абазинском это явление распространяется на корневые и аффиксальные морфемы. Избыточность комбинации чередований гласных в преревбе и корне абхазского и абазинского языков говорит в пользу того, что адыгская модель /чередование гласных в корне/ предшествует абхазско-абазинской модели.

В преревбных основах убыхского языка в целях противопоставления центробежных и центростремительных основ также отмечаются аблаутные чередования, хотя они менее выражены по сравнению с другими западнокавказскими языками. При этом, однако, показателен тот факт, что в преревбных основах корень с огласовкой ы /или нулем/ указывает на центробежное направление, как это свойственно другим западнокавказским языкам /Dumezil, 1975, 32-33/: -т1у/ы/: -т1уа в сы-гы-т1уы-н 'я выхожу /из огороженного места/', а-т1уа-н 'то свертывается /о молоке/'. В целом преревбные основы обнаруживают функциональную связь с аблаутными че-

чередованиями гласных во всех западнокавказских языках. Хотя аблаут действует с разной степенью интенсивности и регулярности в разных западнокавказских языках, последние объединяются тем, что чередования гласных используются для выражения направления в превербных основах. Вопрос о том, существовала ли единая праязыковая модель аблаутных чередований в западнокавказских языках, требует специального освещения. Вместе с тем механизм аблаута, его отношение к превербам и производящей основе, функциональное распределение типов чередований гласных обнаруживают общие тенденции во всех западнокавказских языках.

9.7. Префикс союзности

Общеадг. дэ-: адг., каб. дэ-, ды-, д-. Выражает участие в реализации действия. Ср. адг. сы-дэ-к1уагъ, каб. сы-дэ-к1уашъ 'я ходил вместе с ним', адг. дэ-с-хъыгъ, каб. дэ-с-хъашъ 'я нес вместе с ним', Общеадг. дэ- функционально соответствует убых. дж/ы/-, абх., абаз. ц/ы/-: убых. сы-джы-к1ан 'я иду с ним', абх. й-лы-ц-с-фонт1 'я вместе с нею ем что-то'. Заметим, что в убыхском префикс союзности дж/ы/- восходит к самостоятельной корневой морфеме джы 'вместе': сы-джы-н 'со мной', уы-джы-н 'с тобой'.

9.8. Префикс взаимности

Общеадг. зэ-, зэрэ-: адг., каб. зэ-, зы-, з-, зэрэ-, зэры-, зэр-, зыр-. Ср. адг. ты-зэ-1уыч1агъэх, каб. ды-зэ-1уыш1ашъ 'мы встретились', адг. ты-зэрэ-гъуэты-гъэх, каб. ды-зэры-гъуэташъ 'мы нашли друг друга'. Префикс взаимности переводит переходный глагол в непереходный: каб. ш1алэ-м йэ-ш1э 'парень знает', ш1алэхэ-р зэр-о-ш1э 'парни знают друг друга'. Вместе с тем многочисленные производные глаголы с преф. зы- типа адг. зэ-пы-уытын, каб. зэ-пы-уыдын 'разбить, перебить', адг., каб. зэ-пы-хын 'распилить' остаются переходными. Эти глаголы не обозначают взаимного действия, обуславливающего интранзитивацию глагола. Нередко первоначальная семантика префикса зэ-

затемняется также в непереходных глаголах, хотя морфологически его выделяемость очевидна: адыг., каб. зэ-уэн 'воевать, сражаться' /от уэ-н 'бить'/ . Значение длительности и повторяемости вносит разбираемый префикс в глаголы типа адыг. з-е-шьэн, каб. з-е-шэн 'возить, водить', адыг. з-е-хьан, каб. з-е-хьэн 'носить',

Преф. зэ- в сочетании с другими морфемами /корневыми и аффиксальными/ образует сложные морфологически и семантически спаянные аффиксы. Так, в каб. зэбгыры-с-х-а-шь 'я разносил', зэлылуы-с-х-а-шь 'я убрал' выделяются преф. зэбгыры-, зэлылуы- /х-корень/. Их вычленение основано не только на принципах непосредственно составляющих, но и на структурных особенностях аранжировки морфем. Имеется несколько сложных префиксов с первым элементом зэ-. Хронологически они сложились в разное время – в эпоху общеадыгского единства и в период после его распада.

Общеадыг. зэхуэ- ← зэ- + версионный преф. хуэ-: адыг. зэфэ-, зэф-, каб. зэхуэ-, зэхуы-, зэху-. Ср. адыг. зэфэ-сын 'собраться', каб. ды-зэху-о-с 'мы собираемся',

Общеадыг. зэч'иэ- ← зэ- + ч'иэ 'дно, низ, под': адыг. зэч'иэ-, зэч'и-, каб. зэш'иэ-, зэш'иы-, зэш'и-. Ср. адыг. зэч'и-е-пхьа-нч'иэ, каб. зэш'и-е-пхьанч'иэ 'он подметает /все/', каб. зэш'иы-з-о-тхьэш'иэ 'я мою /все/'.

Общеадыг. зэбгыры- ← зэ- + бгы 'поясница, талия' + интерфикс-ры-: адыг., каб. зэбгыры-, зэбгыр-. Ср. адыг., каб. зэбгыры-ч'иы-н 'расходиться', каб. зэбгыр-и-дзашь 'он разбросал'.

Общеадыг. зэпыры- ← зэ- + пэ 'нос' + интерфикс-ры-: адыг., каб. зэпыры-, зэпыр-, Ср. адыг., каб. зэпыры-хын 'перенести через что-то', каб. сы-зэпыры-п-шашь 'ты меня перевел через что-то'.

Каб. зэф'иэ-, зэф'и- ← зэ- + проверб ф'иэ-: зэф'иэ-мэхэн 'упасть в обморок', зэф'иэ-лиэн 'упасть, ружнуть', зэф'иэ-дык'иэн 'окоченеть'.

Каб. зэлылуы-, зэлылу- ← зэ- + лэ 'нога' + луы 'рот': зэлылуы-с-хашь 'я убрал, прибрал', зэлылу-е-тху 'он разгребает'; ср. необычное распределение личных

префиксов в глаголах этого типа: уынэр зэлыуы-зы-б-гъэ-хашь 'ты заставил меня убрать комнату', где показатель прямого объекта зы- следует за превербом.

Категория взаимности возводится к адыгско-убыхскому единству. Это обосновывается наличием генетически тождественного аффикса взаимности в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Ср. преф. за-/зы-/ в убыхском: шы-за-бийан 'мы видим друг друга', а-зы-на-кыла-ла 'они сказали друг другу'. Категория взаимности характерна также для абхазского и абазинского языков: абх. айба-шьра 'убивать друг друга', ейба-дыруейт1 '/они/знают друг друга'. Однако форма взаимности, выражающаяся разными префиксами /в том числе сложными типа ай-ба- → а-ба-/, в абхазско-абазинской подгруппе возникла независимо от адыгско-убыхской формы.

9.9. Префикс совместности

Адыг., каб. зэдэ-← зэ- префикс взаимности + дэ- префикс союзности. Варианты: зэды-, зды-, зыдэ-, здэ-, зд-: адыг. ты-зэдэ-джэгуыгъэх, каб. ды-зэдэ-джэ-гуашь 'мы играли вместе', адыг. зэдэ-т-шыгъ, каб. зэдэ-т-ш1ашь 'мы сделали вместе', каб. здэ-т-хъашь 'мы несли вместе', зды-д-о-тх 'мы пишем вместе'.

Форма совместности — новообразование в адыгских языках. Общеадыгское состояние продолжает шапсугский диалект, не знающий разбираемой формы совместности. Функцию последней в этом диалекте выполняет /совмещает/ префикс союзности дэ- /ды-, д-/: шапс. дэ-шьэн, темир. зэдэ-шьэн, каб. зэ-дэ-шэн, зыдэ-шэн, здэ-шэн 'вести собой' /Керашева, 1957, 74/.

9.10. Версионные префиксы

Общеадыг. хуэ-: каб. хуэ-, хуы-, ху-, адыг. фэ-, фы-, ф-. Образует глаголы со значением действия, совершаемого для кого-чего-н. Форму с разбираемым префиксом принято

называть объектной версией. Ср. каб. сы-п-хуэ-к1уашь, адыг. сы-п-фэ-к1уагъ 'я ходил для тебя', каб. п-хуэ-с-тхашь, адыг. п-фэ-с-тхыгъ 'я написал для тебя'. Глаголы с разбираемым префиксом имеют также направительное значение: каб. сы-ху-о-к1уэ 'я иду для него'; 'я иду к нему'. Направительное значение префикса является исходным, о чем свидетельствует не только развитие версионного значения на базе превербов, в частности общеадыгского локального преф. шьы- /ср. адыг. шьы-гуыгъын, каб. шьы-гуыгъын 'надеяться на кого-что-л.'./, но и данные типологии грамматической версии. Так, совмещение в одном аффиксе разных функций — направительной и версионной — характерно для абхазского и абазинского языков: абх. с-и-цу-цойт1 'я иду от него'; 'я иду против его желания'; и-л-зы-з-гойт1 'я несу к ней'; 'я несу для нее'. В этом отношении показательно, что "направительно-указательные префиксы в грузинском языке были использованы с функцией притяжательности при выражении категории версии" /Ломтадзе, 1957, 318/.

Глаголы с версионно-направительным префиксом обнаруживают некоторые словоизменительные особенности, относящиеся к поздним диалектным инновациям. Ср. варьирование аранжировки личных аффиксов в абадзехском диалекте и некоторых говорах адыгейского языка: сы-п-фэ-к1уэ, уы-с-фэ-к1уэ 'я иду для тебя', отсутствие показателя 2-го лица косвенного объекта в темиргоевском диалекте, что создает омонимию форм: ккы-фэ-к1уагъ ← ккы-п-фэ-к1уагъ 'он пришел к тебе' /Тхаркахо, 1965, 22/. Версионные формы нередко утрачивают первоначальную семантику /Шарданов, 1955, 10-11/: адыг. фэ-шьуэшэн, каб. хуэ-фэшьэн 'быть достойным кого-чего-л.' /← адыг. шьуаш, каб. фашьэ 'платье, наряд'/, адыг. ф-и-тын, каб. ху-и-тын 'быть свободным, иметь право на что-то', адыг. фэ-дэн, каб. хуэ-дэн 'походить на кого-что-л.'.

Общеадыг. хуэ- соответствует убых. хьа-: убых. амал хьа-з-гьуак1ама, каб. 1эмал хуэ-з-гьуэ-так1ым 'я не мог справиться с ним', букв. 'я не нашел для него способа

/действия/'. К.В.Ломтатидзе не исключает возможности проникновения версионного преф. хьа- в убыхский язык из адыгских языков. "Исходя из материального единства убыхского префикса с адыгским префиксом, можно ставить вопрос о возможности заимствования его из адыгских языков, тем более, что если допустить, что убыхский язык и другими средствами мог выразить соответствующее значение" /Ломтатидзе, 1976, 90/. Если убых. хьа- отнести к адыгизмам, то следует его считать заимствованным из общеадыгского языка. Правда, процесс заимствования адыгских элементов в убыхском становится интенсивным, всеобъемлющим, охватывающим и некоторые грамматические аффиксы, лишь в период самостоятельного существования адыгских языков, т.е. в период массового убыхско-адыгейского билингвизма. Учитывая фонетические закономерности, в частности соответствие общеадыгских лабиализованных убыхским палатализованным /ср. адыг., каб. гуь, убых. гь 'сердце' и др./, допустимо включение общеадыг. хуэ- и убых. хьа- в генетически общий адыгско-убыхский грамматический фонд. Что касается абхазско-абазинского версионного преф. з-, то он генетически связан не с общеадыг. хуэ- и убых. хьа-, а с префиксом взаимности /возвратности/ зэ-, за- в адыгских и убыхском языках. Сближению Ж.Дюмезилем убых. хьа- с абхазским направительным послелогом ахь /Dumezil, 1975, 141/ препятствует выражение категории версии генетически другими аффиксами в абхазско-абазинском ареале.

Общеадыг. ш1уэ-: адыг. ш1уэ-, ш1уь-, ш1у-, каб. ф1э-, ф1ь-, ф1-. Имеет значение "вопреки, против его воли, желания". Ср. адыг. ш1уэ-с-шхыгь, каб. ф1э-с-шхашь 'я съел против его желания', адыг. сы-ш1уэ-к1уагь, каб. сы-ф1э-к1уашь 'я пошел вопреки его воли', каб. с-ф1ь-б-о-хь 'ты несешь против моей воли', с-ф1-и-тх-ашь 'он написал против моей воли'. Иное значение вносит разбираемый префикс в отыменные статические глаголы: адыг. уь-с-ш1уэ-дах, каб. уь-с-ф1э-дахэш 'ты мне кажешься красивым' /от дахэ 'красивый'/.

Общеадыг. ш1уэ- функционально соответствует убых. цу-, абх. цу-, абаз. чу-, чу-: убых. шь-цуь-дуаут 'он умрет 241
16.Зак.2061

против нашей воли', абх. с-и-цу-гылоит1 'я против его желания встаю', абаз. йы-р-чу-гуарыцат1 'они выгнали его /класс вещей/ со двора против их желания'. Несмотря на уникальность звукосоответствия общеадг. ш1у : убых., абх., абаз. цу /чу/, рассматриваемые префиксы в западно-кавказских языках, по-видимому, возводятся к одному источнику.

9.11. Префикс потенциалиса

Общеадг. хуэ-: каб. хуэ-, хуы-, ху-, адг. фэ-, фы-, ф-. Выражает возможность осуществления действия. Ср. каб. уы-с-хуэ-хы-нушь, адг. уы-с-фэ-хы-шьт 'я смогу тебя нести'. Префиксальный потенциалис, хотя и образуется лишь от основы переходного глагола, по своей структуре отличается от последнего. Это выражается прежде всего в дистрибуции глагольных префиксов, в том числе личных показателей: каб. псым уы-хэ-э-дзашь 'я тебя бросил в воду' /локальный преверб стоит между личными префиксами/, псым уы-с-хуы-хэ-дзакь1ым 'я не смог бросить тебя в воду' /локальный преверб следует за префиксами лица и потенциалиса/. Префикс потенциалиса переводит переходный глагол в непереходный. В этом отношении адгские языки объединяются не только с другими западнокавказскими языками /абхазским, абазинским/, но и с картвельскими. Общеадгский префиксальный потенциалис сложился на базе направительно-версионной формы, что подтверждается как генетическим тождеством их показателей, так и вхождением их в однопорядковую группу при их распределении в префиксальной основе.

Префиксальный потенциалис отсутствует в убыхском языке, а в абхазском и абазинском выражается с помощью преф. з/ы/- ← ж/ы/-, генетически тождественного префиксу версии. Отсюда видно, что префиксальный потенциалис в двух языковых подгруппах — адгской и абхазской — сложился в результате параллельного развития. Вместе с тем в обеих языковых подгруппах префиксы потенциалиса одного проис-

хождения с префиксами версии: каб. с-хуз-шынукуым, абх. иы-с-зыкълацлом 'я не могу сделать', каб. сы-ху-о-к1уэ, абх. с-и-э-цойт1 'я для него иду'.

9.12. Направительные префиксы

Общеадг. къэ-: адг. ккъэ-, ккы-, ккъа-, ккъ-, каб. кь1э-, кь1ы-, кь1а-, кь1-. Выражает направление в сторону говорящего. Ср. адг. сы-ккъэ-к1уагъ, каб. сы-кь1э-к1уашъ 'я пришел сюда', адг. ккъэ-с-тхыгъ, каб. кь1э-с-тхашъ 'я написал сюда'. В адгских языках разбираемый префикс многозначен. Он вносит в глагол локальное значение /адг. ккы-шысын, каб. кь1ы-шысын 'сидеть рядом, со стороны'/, выражает результативность и полноту действия /адг. ккыгуыпшысгъ, каб. кь1и-гуыпсысашъ 'он придумал'/ . Ср. также адг. чылэм сы-ккъэ-нагъ, каб. кь1уа-жэм сы-кь1э-нашъ 'я остался в деревне', где префикс утрачивает свою направительную функцию.

Общеадг. къэ- претерпел функциональные изменения в эпоху самостоятельного развития адгских языков и диалектов. Это выражается в диалектных особенностях префикса, в степени его продуктивности в разных языках и диалектах: адг. ашъ джанэр ккы-дыгъ, каб. абы джанэр иы-дашъ 'он сшил рубашку', где адг. ккы- чередуется с личным префиксом в кабардинском языке. Диалекты и говоры одного и того же языка обнаруживают различия в употреблении разбираемого префикса: куб. т1эк1у кь1ы-шыс, бакс. т1эк1у шы-с 'посиди немного', мезд., куб. сыт хьуар?, бакс. сыт кь1э-хьуар? 'что случилось?' Глаголы с преф. къэ- сложились на общеадгской основе. Во всяком случае, общеадг. къэ- не находит параллелей в проверках других западнокавказских языков. Однако обращает на себя внимание материальное и функциональное сходство общеадг. къэ- с абхазским направительным послелогом кь1а-: абх. ашуныкь1а джон 'он шел домой'. Фонетически недоказуемо сближение къэ- с абх. аа-, абаз. г1а- /абх. аа-йра, абаз. г1а-йра 'прийти сюда'// /Шагилов, 1977,

Общеадг. нэ-: адг., каб. нэ-, на-, н-. Выражает направление от говорящего, т.е. по своему значению противоположно преф. кэ-. Ср. адг. сы-нэ-сыгъ, каб. сы-нэ-самъ 'я прибыл туда'. Если общеадг. кэ- имеет более широкое распространение в адыгейском языке, то его оппозитивный член нэ- менее продуктивен в этом языке по сравнению с кабардинским. Ср. адг. уадэжь сэ-к1уэ, каб. уудеж сы-но-к1уэ 'иду к тебе'. Общеадг. нэ- одного происхождения с абх., абаз. на-: абх. а-не-йра ← а-на-йра, абаз. на-йра 'прийти туда', абх. а-на-гара, абаз. на-гра 'нести туда'. Это дает основание возводить рассматриваемый направительный префикс к западнокавказскому состоянию.

9.13. Префикс возвратности

Общеадг. зэ-: адг., каб. зэ-, зы-, э-. В возвратных глаголах субъект, выраженный подлежащим, направляет действие на самого себя /их называют также глаголами субъектной версии/. Ср. адг. з-и-тхъач1ыгъ, каб. з-и-тхъэ-щ1апъ 'он умылся', адг. з-и-фэ-пагъ, каб. з-и-хуэпапъ 'он оделся'. От непереходных глаголов возвратные формы образуются чаще всего комбинированным способом — сочетанием суффикса возвратности с суффиксом повторности или версии: адг. зэ-уып1ч1ы-жы-н 'спрашивать себя', каб. зы-хуэ-сакъ1ын 'беречь себя'. По мнению К.В. Ломтатидзе, возвратная форма /субъектная версия/ применялась только в том случае, если субъект действовал "на самого себя или на свой орган", как это прослеживается в абхазском, убыхском и чанском языках. "Что касается второй функции /назначения/ субъектной версии /для субъекта/, она как в картвельских, так и в адыгских языках развилась в дальнейшем, возможно, на основе большего обобщения функции соответствующего показателя" /Ломтатидзе, 1976а, 96/.

Префикс возвратности предшествует другим основообразующим префиксам, занимая от корневой морфемы последнее /седьмое/ место: каб. псым зы-к1ы-хуы-хэ-дзэ-н 'броси-

ться ради него в воду'. По своей структуре возвратные глаголы остаются переходными. Префикс возвратности одного происхождения с префиксом взаимности. Это подтверждается и близостью их семантики: в глаголах возвратного значения субъект направляет действие на самого себя, в глаголах взаимного значения несколько субъектов направляют действие друг на друга. Ср. выражение возвратного и взаимного значения с помощью суф. -ся в русском языке /'мыться', 'видеться'/, что типологически подтверждает развитие форм взаимности и возвратности в адыгских языках на базе генетически единой морфемы. С последней сближается также глагольный относительный преф. з/н/- в абхазско-адыгских языках /Там же/: абх. и-з-фо, каб. зы-шхыр 'тот, кто есть /кушает/'.

9.14. Суффиксальные глаголы

Суффиксация в словообразовании глагола менее развита по сравнению с префиксацией. Глагольные суффиксы, хотя многие из них непродуктивны или малопродуктивны, разнообразны в функциональном отношении. Суффиксальные глаголы, за редким исключением, восходят к эпохе общеадыгского единства.

Общеадыг. -тэ: адыг. -тэ, -та, -т, каб. -тэ, -т. Вносит в глагол значение интенсивности и повторности действия. Ср. адыг., каб. пхьуэ-тэ-н 'схватить' /← пхьуэ-н 'хватать'/, 1уэ-тэ-н 'рассказать' /← 1уэ-н 'говорить, сказать'/, к1уэ-тэ-н 'продвигаться, продвинуться' /← к1уэ-н 'идти'/, бзы-тэ-н 'обрезать края' /адыг./, 'разрезать' /← бзы-н 'резать, кроить'/. Суф. -тэ производит глагольные основы от именных основ: каб. гьуэ-тэ-н 'заплесневеть' /ср. гьуэ-жэ 'желтый'/, бэ-тэ-н 'увеличиваться, размножаться' /← бэ 'много, множество'/. Происхождение неясно, семантически есть некоторые основания для сближения с общеадыгской корневой морфемой ты- 'давать'; для перехода ты- → тэ- ср. каб. йэ-тэ-н 'нацелиться' 'распоясаться'.

Общеадыг. -йы: адыг., каб. -йы, -й. Вычленяется в ряде общеадыгских основ. Некоторые из них мотивированы словами, восходящими к названиям частей тела: адыг., каб. бзэ-йы-н 'облизывать' /← бзэ 'язык'/, адыг., каб. 1уэ-йы-н 'блеять' /← 1уы 'рот'/, адыг. йэ-бгъэ-йы-н 'облепить' /← бгъэ 'грудь'//.

Общеадыг. -йэ: адыг. -йэ, -йа, -й, каб. -йы, -й. В сочетании с превербом д/э/ — обозначает направление снизу вверх: адыг. дэ-шьэ-йэ-н, каб. дэ-шэ-йы-н 'вести, везти вверх', адыг. дэ-хы-йэ-н, каб. дэ-хэ-йы-н 'поднять вверх', адыг. дэ-дзы-йэ-н, каб. дэ-дзэ-йы-н 'бросить вверх', Ср. также суффикс -йэ /-йы/ в производных глаголах с преф. уы—: адыг. уы-гъуэ-йэ-н 'собрать', адыг. йэ-уы-сэ-йы-н, каб. йэ-уыпсэ-йы-н 'приставить, прислонить', адыг. уы-к1уэрэ-йы-н, каб. уы-к1уэры-йы-н 'падать, повалиться', адыг. уы-лъы-йэ-н, каб. уы-лъы-йы-н 'ржаветь, заржаветь'.

Суф. -йэ /-йы/ обладает семантическим инвариантом в глаголах типа адыг. т1э-йэ-н, каб. т1э-йы-н 'подниматься торчком' /ср. йы-т1э-н 'ставить торчком'//, каб. п1ы-йы-н 'торчать', адыг. лъэ-йэ-н, каб. лъэ-йы-н 'покатиться', адыг. шьэ-йы-н, каб. шы-йы-н 'протянуть' /ср. адыг. шьэ-н, каб. шэ-н 'вести'/. Суф. -йэ /-йы/ входит также в состав адыг. чы-йэ-н, каб. жэ-йы-н 'спать', адыг. гъэ-йэ-н, каб. гъэ-йы-н 'оплакивать' /ср. гъы-н 'плакать'//.

Общеадыг. -шхъуэ: адыг. -шхъуэ, -шхъу, каб. шъхъу-. Выражает значение несостоявшегося или недовершенного до конца действия: адыг. гъэ-жъуэ-шхъуэ-н, каб. гъэ-вэ-шъхъуы-н употребляется, когда плуг выходит из борозды, термин пахарей /адыг. жъуэ-н, каб. вэ-н 'пахать'//, каб. дэ1уэ-шъхъуы-н 'ослышаться, не расслышать' /← дэ1уэ-н 'слушать'//, 1уэ-шъхъуы-н 'бредить' /← 1уэ-н 'говорить'//, гуыф1э-шъхъуы-н 'радоваться не ко времени' /← гуыф1э-н 'радоваться'//, уэ-шъхъуы-н 'осечься, дать осечку' /← уэ-н 'бить, ударить'//.

Адыг., каб. -хъуы, -хъу — вариант общеадыг. -шхъуэ, более употребителен в адыгейском языке: адыг. уэ-хъуы-н

'промахнуться' /←-уэ-н 'бить, ударить'/, 1уэ-хьуы-н 'ослышаться' /←-1уэ-н 'говорить'/, каб. гъэ-сэ-хьуы-н избаловать' /←-гъэ-сэ-н 'воспитывать'/, адыг., каб. уыне-хьуы-н 'разориться' /←-уыне-н 'зажить'/.

Случаи полной взаимозаменяемости разбираемых вариантов /ср. каб. дэ1уэ-шьхьуы-н, дэ1уэ-хьуы-н 'ослышаться'/ дают основания возвести их к одному источнику. При этом исходным, по-видимому, следует считать вариант -шьхьуэ. Последний семантически сближается с основой шхьуэ 'плохое, вред, зло' ← 'яд' ← 'серый, зеленый'. Ср. каб. шьхьуэ 'серый, отравя, яд', шьхьуэ йэхьын 'отравить'.

Общеадыг. -пхьы: адыг., каб. -пхьы, -пхь. Встречается в единичных словах: адыг. гъэ-уыжьуэ-пхьы-н, каб. гъэ-вэ-пхьы-н 'ошпарить, недоварить' /←-адыг. гъэжьуэ-н, каб. гъэвэ-н 'варить'/, каб. с-о-гъэ-вэ-пхь 'я слегка обвариваю', адыг. чъэ-пхьы-н, каб. жэ-пхьы-н 'обсохнуть, просохнуть' /←-адыг. чъэ-н, каб. жэ-н 'течь'/.

Глагольный суф. пхьы-, может быть, связан генетически с именным суф. -пхьэ в словах типа адыг. джэна-пхьэ 'материал для платья', каб. лы1э-пхьэ 'материал на шапку'. В последних элемент -пхьэ восходит к общеадыг. пхьэ 'дерево' /как материал/.

Общеадыг. -л1э: адыг. -л1э-, -л1а, -л1, каб. -л1э, -л1. Обозначает 'рядом, близко, вплотную': адыг., каб. йэ-к1уэ-л1э-н 'подойти', адыг. йэ-чъэ-л1а-гъ, каб. йэ-жэ-л1-а-шь 'он подбежал', каб. йы-э-о-шы-л1э 'я пристраиваю', у-о-шы-л1э 'ты подползаешь'. Суф. -л1э- /-л1а, -л1/ в сочетании с преф. йэ- /е-/ относят к основам, в состав которых включается /инкорпорируется/ основа второго глагола: р-е-шьал1э '/он/ придвигает вплотную' /Рогава, Керашева, 1966, 290/. Однако в синхронном плане -л1э /-л1а, -л1/ обладает лишь статусом суффиксальной морфемы, поскольку не имеет самостоятельного употребления вне сочетания с корневыми морфемами. Другое дело — история сложения разбираемого суффикса, бесспорно, восходящего /как и многие другие глагольные суффиксы/ к самостоятельной основе. Общеадыг. -л1э одного происхожде-

ния с убых. -ліа: сы-қіа-ліа-н 'я подхожу'. Убых.

-ліа Ж.Дюмезиль рассматривает как заимствование из адыгских языков, хотя для этого нет достаточных оснований /Dumezil, 1959, 21/. Во всяком случае, мнение о заимствованном характере убых. -ліа нуждается в обосновании.

Общеадыг. -жы: адыг. -жы, -жъ, каб. -жн, -ж. Вносит в глаголы значения: 1/ возвратности действия: адыг. кіуэ-жы-н, каб. кіуэ-жн-н 'возвращаться, идти обратно'; адыг. хы-жы-н, каб. хы-жн-н 'нести обратно'; 2/ повторности действия: адыг. шы-жы-н, каб. шы-жн-н 'исправлять, сделать снова', адыг. сэ-тхы-жы, каб. с-о-тхы-ж 'я пишу заново'; 3/ продолжительности действия: адыг. шы-сы-жы-н, каб. шы-сы-жн-н 'продолжать еще сидеть', каб. іэшіэлы-жн-н 'находиться еще в руках'; 4/ направленности действия на самого субъекта /в сочетании с преф. зэ-/: адыг. сы-зэ-уыпчы-жы-гъ, каб. сы-зэ-уыпшы-ж-а-шь 'я спросил самого себя'; 5/ завершенности действия: адыг. зэбгырычы-жы-гъ, каб. зэбгырычы-ж-а-шь 'они разошлись', каб. зэбгыры-с-хуы-ж-а-шь 'я разогнал их окончательно'; 6/ 'потом, после, вслед': адыг. гуы-шыуэ-жы-н, каб. гуыфэ-жн-н 'радоваться потом'; 7/ 'последний раз': каб. йадэр йылыагуы-ж-а-шь 'он увидел отца в последний раз'.

Нередки случаи деэтимологизации и семантических сдвигов слов с разбираемым глагольным суффиксом: адыг. чізгуэ-жы-н, каб. шізгуэ-жн-н 'передумать, сожалеть' при отсутствии адыг. чізгуэ-н, каб. шізгуэ-н, хотя в последнем первый элемент представляет локальный преверб: адыг. чіз-, каб. шіз- ← чіз 'под, низ, дно'; ср. каб. ші-е-з-гэ-гуэ-ж-а-шь 'я заставил его передумать', где выделяется преверб. Налицо семантические изменения в производных глаголах типа адыг. гуэлы-жы-н, каб. гуэлы-жн-н 'ложиться спать' ← адыг., каб. гуэлы-н 'ложиться'//, адыг. хуы-жы-н, каб. хуы-жн-н 'выздороветь' /← хуы-н 'стать, становиться'//, каб. кындэнэ-жы-н 'остаться в старых девах' /← кындэнэ-н 'остаться'//, кылы-жн-н

'иметься, оставаться в изилишке' /← кылы-н 'уцелеть'/, хыхъэ-жы-н /цыхуыбзэм/ 'сойтись с женщиной' /← хыхъэ-н 'входить'/ и др.

Общеадыг. жы соответствует убыхскому -/а/йы: убых. акыа-й-кыа 'он вернулся', ауысту-айы-н 'я тебе возвращаю'. Ж.Дюмезиль /Там же, 54/ допускает генетическую связь убыхского суффикса с рассмотренным выше общеадыгским суф. -йэ в словах типа бзэ-йэ-н 'лизать, облизнуть', 1уэ-йэ-н 'блеять'. Мы оставляем в силе наше сближение убыхского суффикса возвратности и повторности с общеадыг. -жы, принимая во внимание переход й→ж→ж в адыгских языках /Кумахов, 1964, 234/. Ср. адыг. дэй→дэж послелог 'к, у, возле', каб. /диал./ абый→абыж /сык1уэшь абыж... 'я пошел и...'/, жэрмыч1э←ярмарка /йармарка/ и др. /Рогава, 1958/.

Общеадыг. -дэ: адыг. -дэ, -да, -д, каб. -дэ, -д. Выражает центростремительное направление: адыг., каб. йы-лэ-дэ-н 'вбежать', адыг. сы-бгъуэдэ-лэ-да-гъ, каб. сы-бгъэдэ-лэ-д-ашъ 'я подбежал'. Этот суффикс связывают с дэ в наречиях типа адэ 'там, туда, оттуда' /Шагиров, 1977, А-Н, 147/. Однако суф. -дэ /как и дэ в наречии адэ/ следует непосредственно возводить к основе послелога дэ-й /→ дэ-жъ→деж/ 'к, у, возле' /Кумахов, 1964, 234/.

Иного происхождения суф. -дэ в каб. хуэ-дэ-н 'вянуть, завянуть, сыреть' /ср. хуэ-лэ-н 'проявиться'/. Суф. -дэ вычленяется в каб. шхы-дэ-н 'ругаться, ворчать'. Ср. также общеадыг. -дэ в адыг., каб. куы-дэ-н 'набить, напихать', /← куы 'середина'/. Общеадыг. -ды представлен в адыг., каб. к1уэ-ды-н 'пропасть, исчезнуть' /← к1уэ-н 'идти'/, адыг. ккъэлын-ды-н, каб. кы1элын-ды-н 'воспламениться, вспыхнуть' /← лы-н 'жесть, палить'/. Семантически разные суф. -дэ, -ды в приведенных основах не могут быть возведены к одному источнику.

Общеадыг. -лэ: адыг. -лэ, -ла, -л, каб. -лэ, -л. Выражает недостаток, отсутствие чего-л. Ср. адыг. фэ-лэ-н, каб. хуэ-лэ-н 'вянуть, завянуть', адыг. фэ-ла-гъ, каб.

хуэ-л-а-шь 'завяло', адыг. гъуэн-лэ-н, каб. гъуэ-лэ-н 'вянуть' /ср. гъуы-н 'сохнуть'/. Х.Ш.Урусов /1980, 258/ сближает -лэ с основой лалэ 'слабый /не тугой/'. Ср. убых. лала 'вялый, мягкий'.

Общеадыг. -ч1э: адыг. -ч1э, -ч1а, ч1ы-, -ч1, каб. -ш1э, -ш1ы, -ш1: адыг. гъуы-ч1э-н, каб. гъуы-ш1э-н 'пересохнуть, рассохнуться' /+ адыг., каб. гъуы-н 'сохнуть, засыхать'/, адыг. гъуы-ч1а-гъ, каб. гъуы-ш1-а-шь 'пересохло', адыг. йы-жъуы-ч1ы-н, каб. йы-вэ-ш1э-н 'выкипеть' /+ адыг. жъуэ-н, каб. вэ-н 'кипеть, вариться'/, адыг. чъэ-ч1ы-н, каб. жэ-ш1ы-н 'вытечь, похудеть, побледнеть' /адыг. чъэ-н, каб. жэ-н 'течь'/.

Общеадыг. -уэ: адыг. -уэ, -уа, -у, каб. -уы, -у: адыг. куы-уэ-н, каб. гуэ-уы-н 'крикнуть, кричать', адыг. сы-куы-уа-гъ, каб. сы-гуэ-у-а-шь 'я крикнул'. Ср. общеадыг. -уы в адыг. п1ц1э-уы-н, каб. п1ш1э-уы-н 'скулить /о собаке/'.

Общеадыг. -шьуы: адыг. -шьуы, -шьу, каб. -фы, -ф. Выражает суффиксальный потенциалис: адыг. к1уэ-шьуы-н, каб. к1уэ-фы-н 'суметь идти', адыг. хъы-шьуы-н, каб. хъы-фы-н 'суметь нести', адыг. с-тхы-шьуы-шьтэ-п, каб. с-тхы-фы-р-к1ым 'я не могу написать'. Суффикс потенциалиса в отличие от префикса потенциалиса сочетается с основами переходных и непереходных глаголов. Общеадыг. -шьуы функционально совпадает с убых. -фа: убых. сы-у-гъуау-фа-н 'ты сумеешь меня найти', шы-к1ъа-фа-на-мы-т 'мы не можем идти'. Как будто бы нетоснований считать, что суффиксальный потенциалис является продуктом параллельного развития общеадыгского и убыхского языков. Исключено также заимствование убыхским суффикса потенциалиса с кабардинским губным согласным ф. В убыхском, как и в кабардинском, мог иметь место переход шьу → ф. В этом случае суффиксальный потенциалис должен быть отнесен к адыгско-убыхскому уровню.

Общеадыг. -шьэ: адыг. -шьэ, -шь- каб. шьэ, -шь. Имеет значение чрезмерности и избыточности действия: адыг.

к1уэ-тэ-шьэ-н, каб. к1уэ-тэ-шьэ-н 'продвинуться слишком' /адыг., каб. к1уэ-тэ-н 'продвинуться'/, адыг. уы-мы-гуыш1уа-шь! 'чрезмерно не радуйся!', каб. сы-шхэ-шь-а-шь 'я переел'. Ср. убых. -цуа, абх. -цуа, абаз. -цуа, -чуа: убых. йасфы-цуа-н, абх. йысфа-цуо-йт1 'я переедаю, много ем', абаз. уыхъуыц-чуа-п1 'ты слишком мал'.

Общеадыг. -ккьюэ: адыг. -ккьюэ, -ккью-, -1уэ, -1у, каб. -к1уэ, -к1у, -1уэ, -1у. По семантике сближается с общеадыг. -шьэ. Ср. адыг. шхэ-1уэ-н, каб. шхэ-к1уэ-н шхэ-1уэ-н 'переест', адыг. уы-дэ-к1уэ-йэ-1у-агъ, каб. уы-дэ-к1уэ-йы-1у-а-шь 'ты слишком поднялся'. Фонетические варианты используются также на семантическом уровне: каб. псэлъэ-1уэ-н, псэлъэ-к1уэ-н 'говорить слишком много', но к1уэ-1уэ-н 'идти слишком', к1уэ-к1уэ-н 'заблудиться'. Варианты -ккьюэ, -ккью, -к1уэ, -к1у приобретают значение ошибочного, неудачного характера действия: адыг. хэдэ-ккьюэ-н, каб. хэдэ-к1уэ-н 'ошибиться в выборе'. Значение ошибочного характера действия производно от значения чрезмерности действия: каб. к1уэ-к1уэ-н 'заблудиться' ← 'идти слишком много', псэлъэ-к1уэ-н 'сказать не то, проговориться' ← 'говорить слишком много'.

Общеадыг. -пэ: адыг., каб. -пэ, -п. Вносит в глагол значение безвозвратности и окончательной завершенности действия: адыг., каб. тхы-пэ-н 'написать окончательно', ш1ы-пэ-н 'сделать совсем, окончательно', адыг. ы-лъэгъуы-п-агъ, каб. йы-лъагъуы-п-а-шь 'он действительно видел', адыг., каб. мэ-к1уа-пэ 'он действительно идет'. Выражает также значение чрезмерности действия, сближаясь с суф. -шьэ, -1уэ: каб. к1эгуы-бжы-пэ-н, к1эгуыбжы-шьэ-н, 'сильно разозлиться'. Обращает на себя внимание не только внешнее тождество, но и функциональная связь общеадыг. -пэ с адыг., каб. пэ в йа-пэ 'прежде, раньше, первый' /Дзуганова, 1985, 21/.

Общеадыг. -хэ: адыг., каб. -хэ, -х. Выражает значение завершенности и продолжительности действия, очевидности его совершения: адыг. йэш1а-хэ, каб. йэш1э-хэ 'он уже знает', адыг. к1уэгъа-хэ, каб. к1уэгъэ-хэ-шь 'он уже по-

шел', каб. шысы-хэ-шь 'он постоянно сидит', шылы-хэ-шь 'он постоянно лежит'. Ср. -хэ, -х в значении 'сначала, сперва': адыг., каб. тысы-хэ-н 'сначала сесть', адыг. блэчы!, каб. блэ-чы-хэ! 'сначала проходи!' В кабардинском языке в глаголах на -хэ в форме буд. времени сохраняется общеадыгская перфектная основа на -гъэ: каб. йэджэ-гъэ-хэ-шь 'он уже читал', йэплы-гъэ-хэ-шь 'он уже смотрел'.

Семантически сближается с суф. -хъ в тапантском и ашхарском диалектах абазинского языка. Ср. тап. арест1ора-нгы адыркы-хъ-т1 'и ресторан закрыли совсем'. По мнению Э.Х.Авидзба /1968, 17/, в этих диалектах суф. -хъ используется для выражения завершенности действия, его результативности под влиянием адыгских языков. Поэтому нет оснований /не говоря уже о фонетических трудностях/ возводить общеадыг. -хэ и абх., абаз. -хъ к одному источнику.

Выражая значение завершенности, интенсивности и продолжительности действия, суф. -хэ входит в число глагольных аффиксов, обозначающих способ действия. В этой связи обращает на себя внимание не только фонетическое тождество разбираемого суффикса /-хэ/ и общеадыгской морфемы мн. числа -хэ, но и функциональные трансформации морфемы числа в западнокавказских языках. Так, суффиксы мн. числа в абхазско-абазинских диалектах применяются для выражения способа действия — многократности и чрезмерности действия, степени полноты проявления и совершения действия. Ср. абх. сыкъ1а-куа-н 'я неоднократно бывал', сыпхъаша-цуа-н 'я слишком стыдился' /Чкадуа, 1970, 274-275/. На фоне подобного функционального синкретизма морфем числа нам не кажется чем-то невозможным сближение суффикса способа действия -хэ с суффиксом мн. числа -хэ в адыгских языках.

Общеадыг. -чы: адыг. -чы, -ч1, каб. -шы, -ш1. Образуется глаголы типа адыг. шыу-н-чы-н, каб. фы-шы-н 'щипать, разорвать' /адыг., каб. шыуэ, каб. фэ 'кожа, шкура'//, адыг. тхъу-нчы-н, каб. тхъу-н-шы-н 'скоб-

лить' /адыг., каб. тхъуы-н 'грести'/, адыг. лэ-ч1ы-н, каб. лэ-шы-н 'чистить' /адыг., каб. лэ 'нога'/. Этот же суффикс вычленяется в некоторых глагольных основах, первый компонент которых подвергся дестимологизации: адыг. т1э-ч1ы-н, каб. т1э-шы-н 'раздеть', адыг. тхъа-ч1ы-н, каб. тхъэ-шы-н 'мыть, помыть', адыг. гы-ч1ы-н, каб. жы-шы-н 'стирать', адыг. фы-ч1э-н, каб. хуы-шы-н 'мыть /о голове/'. Некоторые из них разъясняются на убыхском материале. Ср. убых. т1а-ч1а- 'раздеть, раздевать', а-с-т1а-ч1а-н 'я раздеваю', где выделяется корень т1а- 'быть распоротым'. Ж.Дюмезиль относит убых. -ч1а к изолированным единицам, т.е. к морфемам, не имеющим соответствий в других западнокавказских языках /Dumézil, 1975, 62/. Однако есть достаточные основания возводить к одному архетипу не только убых. -ч1а, общеадыг. -ч1ы, но и некоторые производные глагольные основы типа убых. т1а-ч1а-, общеадыг. т1э-ч1ы 'раздеть, раздевать'.

В производных основах -ч1ы /→ -шы/ чередуется с-ч1э /→ -шыэ/, что связано с дифференциацией переходных и непереходных значений: адыг. фы-ч1ы-н, каб. жы-шы-н 'мыть' /перех./ – адыг. фы-ч1э-н, каб. жы-шыэ-н 'мыть' /неперех./, адыг. тхъуы-ч1ы-н, каб. тхъун-шы-н 'скоблить' /перех./ – адыг. тхъун-ч1э-н, каб. тхъуын-ч1э-н 'скоблить' /неперех./. Этот процесс, хотя и начался в общеадыгскую эпоху, не охватывает всех основ, образованных с помощью общеадыг. -ч1ы. Ср. внепарные /только переходные/ глаголы: адыг. т1э-ч1ы-н, каб. т1э-шы-н 'раздевать', адыг. фы-ч1э-н, каб. хуы-шы-н 'мыть /о голове/'. Тем не менее морфонологическое чередование в производных основах свидетельствует о том, что рассматриваемый суффикс восходит к глагольному корню.